

**МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО
INTERNATIONAL SCIENTIFIC PSYCHOPHYSIOLOGICAL SOCIETY**

ISSN 2227-6157

ВЕСТНИК ПСИХОФИЗИОЛОГИИ

Psychophysiology News

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК
«Творчество. Новые направления исследований»**

SPECIAL ISSUE

“Creativity. New Directions in Research”

3

Санкт-Петербург

2014

Экспертный совет

Зимичев Анатолий Михайлович – профессор, доктор психологических наук
Ильин Евгений Павлович – профессор, доктор психологических наук
Мартинсоне Кристина Эрнестовна – профессор, доктор психологических наук
Николаева Елена Ивановна – профессор, доктор биологических наук
Чернышева Марина Павловна – профессор, доктор биологических наук
Шибкова Дарья Захаровна – профессор, доктор биологических наук

Главный редактор Булгакова Ольга Сергеевна

Ответственные редакторы выпуска

Чукуров Андрей Юрьевич (РГПУ им. А.И. Герцена)
Родионов Андрей Рудольфович (НПЦ ПСН)

Заместители главного редактора

Атланов Дмитрий Юрьевич – кандидат философских наук, Научно-практический центр «Психосоматическая нормализация»
Буркова Светлана Алексеевна – доцент, кандидат психологических наук, ученый секретарь Международного научного психофизиологического содружества
Ковпак Дмитрий Викторович – доцент, кандидат медицинских наук, Северо-западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
Котова Светлана Аркадьевна – доцент, кандидат психологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Редакционная коллегия

Раздел «Психологическая психофизиология»

Рычкова Лидия Сергеевна – профессор, доктор психологических наук, Южно-уральский государственный университет
Луценко Елена Львовна – доцент, кандидат психологических наук, заведующая лабораторией Психодиагностики, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

Раздел «Физиологическая психофизиология»

Кузнецова Тамара Георгиевна – профессор, доктор биологических наук, Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН
Чайванов Дмитрий Борисович – доцент, кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией Нейростимуляции, НИЦ Курчатовский институт РАН

Раздел «Медицинская психофизиология»

Алейникова Татьяна Вениаминовна – профессор, доктор биологических наук, Южный федеральный университет
Бартош Татьяна Петровна – доцент, кандидат биологических наук, НИЦ «Арктика» Дальневосточного отделения РАН

Раздел «Педагогическая психофизиология»

Попова Татьяна Владимировна – профессор, доктор биологических наук, Южно-уральский государственный университет
Кузьмичева Ирина Валентиновна – доцент, кандидат биологических наук, Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского

Раздел «Социальная психофизиология»

Артеменкова Татьяна Анатольевна – профессор, доктор педагогических наук,
Международный университет бизнеса и технологий

Яшина Любовь Григорьевна – профессор, кандидат педагогических наук, Институт
экономики, культуры и делового администрирования

Раздел «Философская психофизиология»

Бетильмерзаева Марет Мусламовна – доцент, доктор философских наук, Чеченский
государственный университет

Леснов Александр Вадимович – доцент, кандидат философских наук, Северо-Восточный
государственный университет

Раздел «Психофизиология творчества»

Чукуров Андрей Юрьевич – доцент, кандидат культурологии, Российский
государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Полномочные региональные представители:

Вергунов Евгений Геннадьевич – кандидат психологических наук, Новосибирск, Омск

Гульнева-Луговская Инна Ивановна – кандидат педагогических наук, Калининград и
Калининградская область

Липов Владимир Николаевич – психолог, Вологодская область, Ярославская область

Санжеева Лариса Васильевна – доктор культурологии, республика Бурятия, Улан-Удэ

Слинькова Татьяна Владимировна – кандидат психологических наук, г. Уссурийск

Сюч Ольга – кандидат философских наук, Венгрия, Будапешт

Халфина Регина Робертовна – доктор биологических наук, республика Башкортостан

ISSN 2227-6157

Научный журнал «Вестник психофизиологии».

№3, 2014. – 156с.

**Выходит ежеквартально с апреля 2012 года. Периодичность выхода журнала 4 раза
в год.**

Учредитель: Научно-практический центр «Психосоматическая нормализация».

Издатель: НПЦ «ПСН»

**Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций ПИ №ФС77-57720 от 18 апреля 2014 года**

**Журнал представлен в Реферативном журнале ВИНТИ РАН и включен в фонд
научно-технической литературы (НТЛ) ВИНТИ РАН и включен в базу данных
"Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).**

**Авторы статей
©Научно-практический центр
«Психосоматическая нормализация»**

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора	8
Николаева Е.И. Что изучаем, когда изучаем креативность?	8
Теоретические и исследовательские статьи	10
Родионов А.Р. Обзор специального выпуска «Творчество. Новые Направления исследований»	10
Барышева Т.А. Инварианты и индивидуальные вариации в структуре креативности (из опыта эмпирического исследования)	15
Курилова Т.П. Взаимосвязь творческого самовыражения и психического здоровья у дошкольников	21
Николаева Е.И., Баркова А.Р. Зависимость развития ребенка в первый год жизни от психологических характеристик матери	25
Вергунов Е. Г. Метафора янусовидной деятельности. Часть 1: количественное измерение креативности	42
Вергунов Е. Г., Николаева Е. И. Метафора янусовидной деятельности. Часть 2: поиск невербальной метафоры для оценки креативности	57
Чукуров А.Ю. Синдром Аспергера: художественный текст и социокультурные трансформации XXI века (к постановке вопроса)	73
Соловьев С.А., Изотова М. Х. Арт-терапия в системе комплексной психологической реабилитации семей, пострадавших в локальных военных конфликтах	80
Лобанова Ю.В. Образ города в искусстве: психологический и историко-культурный аспекты	88
Антонян К.Г. «Очарование дурного вкуса»: трэш, кич, кэмп как тенденции	96
Слуцкая Е.А. Человек-актер: психология «здорового» перевоплощения	102
Новикова Н.П. Воздействие тюремного заключения на личность писателя (к вопросу о модификации психофизиологии творчества в изолированном пространстве)	109
Цымбал А.В., Родионов А.Р. Современные подходы к терапии искусством в реабилитационной работе	114
Шестакова К. Н. Актерская профессия в контексте ситуационного подхода	123
Тимушкова В.Г. Педагогическая деятельность как творческий процесс: к постановке проблемы	128
Краткие сообщения	131
Бойцова Ю.А., Старченко М.Г. Влияние цвета на творческую деятельность в разных группах испытуемых	131
Старченко М.Г., Бойцова Ю.А. ЭЭГ-корреляты творческой деятельности в группах высоко- и низкокративных испытуемых	134

История психофизиологии		136
	Солонин Юрий Никифорович	136
Булгаков А.Б.	Изучая вопрос истории психофизиологии творчества	138
Анонс	1. Научный журнал «Образ человека будущего: философия, психология, педагогика» 2. Журнал «Philosophy and Cosmology»	140
Международное научное психофизиологическое содружество		143
Членство		143
Объявления		143
1.	Диссертационный совет Челябинского Государственного Педагогического университета	143
2.	Психологическая газета	143
3.	Психофизиологические встречи	144
4.	Публикация в международном научном журнале «Neuroscience and Medicine»	144
5.	Приглашение к сотрудничеству в НПЦ ПСН	144
6.	Обучение в Институте психологии и акмеологии	145
Новости	Анонс заседания секции «Философия психофизиологической науки» 20 ноября 2014 год	145
	Психофизиологические встречи в Санкт-Петербурге 22 октября 2014 год	146
	1. Отчет	146
	2. Фоторепортаж	149
Научные конференции	Международная научная конференция «Актуальные аспекты современной психофизиологии»	151
	Элитарная международная научная конференция «Психофизиология XXI в.»	152
	Электронная научная конференция «Психофизиология сегодня: философия, психология, физиология, медицина»	152
К сведению авторов		152
Условия подписки журнала		153
Наши авторы		154

CONTENTS

Editor		8
Nikolaeva E.I.	What do we study when we study creativity?	8
Theoretical and research articles		10
Rodionov A.R.	Special Issue Review: Creativity. New directions in research	10
Barusheva T.A.	Invariants and individual variations in the structure of the creativity (from the experience of empirical research)	15
Kurilova T.P.	Relationship of the creative expression and the mental health of preschoolers	21
Nikolaeva E.I., Barkova A.R.	The relation of the development of the children of their first years with psychological characteristics of their mothers	25
Vergunov E.G.	Metaphor of janus-like activity. part 1: quantitative measurements of the creativity	42
Vergunov E.G., Nikolaeva E.I.	Metaphor of janus-like activity. part 2: search of nonverbal metaphor for evaluation of the creativity	57
Chukurov A.Y.	Asperger syndrome: art text and cultural transformation of xxi century	73
Solovyov S. A., Izotova M. H.	Art therapy in the rehabilitation of families affected in local military conflicts	80
Lobanova Y.V.	Image of the city in art: psychological and cultural aspects	88
Antonyan K.G.	«The charm of bad taste»: trash, kitsch, camp as trends	96
Sluckaya E.A.	Man-actor: the psychology of "healthy" reincarnation	102
Novikova N.P.	Impact imprisonment for a writer's personality (the problem of the psychophysiology modification of creativity in an isolated space)	109
Tsymbal A.V., Rodionov A.R.	Current approaches in art therapy and rehabilitation	114
Shestakova K. N.	Acting profession in the context of situational approach	123
Timoshkova V.G.	Pedagogical activity as a creative process: the problem statement	128
Short articles		131
Boytsova J.A., Starchenko M.G.	The effect of color on creative activity in different groups of volunteers	131
Starchenko M.G., Boytsova J.A.	EEG power changes in high and low creative subjects during performance of creative task	134

The History of Psychophysiology		136
	Solonin Yury Nikiforovich	136
Bulgakov A.B.	Examining the history of the creativity psychophysiology	138
Announcement	1. Scientific journal "the Image of man's future: philosophy, psychology, pedagogy"	140
	2. The journal "Philosophy and Cosmology"	
International scientific psychophysiology commonwealth		143
Membership		143
Announcements		143
	1. The dissertation council of the Chelyabinsk State Pedagogical university	143
	2. Psychological newspaper	143
	3. Psychophysiology meeting	144
	4. The publication in the international scientific magazine "Neuroscience and Medicine"	144
	5. The invitation to cooperation in SPC PSN	144
	6. Education in Institute of psychology and akmeology	145
News	1. The announcement of "the Days of philosophy in St. Petersburg"	145
	2. Psychophysiology meeting in St.-Petersburg (October 2014)	146
Scientific conferences	The international scientific conference "Urgent aspects modern. psychophysiology "	151
	Elite international scientific conference "Psychophysiology XXI"	152
	Electronic scientific conference "Psychophysiology today: philosophy, psychology, physiology, medicine"	152
To the item of information of the authors		152
Conditions of a subscription of a magazine		153
Our authors		154

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ЧТО ИЗУЧАЕМ, КОГДА ИЗУЧАЕМ КРЕАТИВНОСТЬ

Николаева Е.И.

Число публикаций, посвященных креативности, огромно [3]. Регулярно выходят журналы “ Creativity”, “Creative Research Journal”, “Thinking Skills and Creativity”, “Psychology, Esthetics and Creative Arts”. Но кроме этих журналов работы, посвященные проблемам креативности, печатаются во всех без исключения других журналах, связанных с психологией, психофизиологией или нейронаукам. Но выходят и отдельные книги, прицельно направленные на анализ этого явления.

Поток огромен, но приходится констатировать, что именно в области креативности существует явный недостаток теорий, способных прогнозировать возможность создания чего-то исключительно этим человеком, а не другим, или описать условия, при которых вероятность появления нового результата будет существенно выше, чем в обычных обстоятельствах [1].

Наиболее показательным можно считать исследование, проводившееся Л. Терменом на протяжении практически 60 лет [5]. Он обследовал более 150 тысяч школьников, из которых выбрал около 1,5 тысячи детей с коэффициентом интеллекта (согласно тесту Стэнфорд — Бине) выше 136. Повторное исследование достижений проводилось в течение многих лет (последний срок — 60 лет). Практически все дети из выборки с высоким интеллектом добились высокого социального статуса, две трети из них закончили университеты, доход этой группы людей в 4 раза превышал средний по стране. Но единственный лауреат Нобелевской премии при первом обследовании немного не дотянул до 136 баллов и не попал в выборку [5]. Если бы результатам тестов был придан статус решающих в государственном масштабе, человечество лишилось бы гения. Эти данные свидетельствуют о том, что нет резкой черты между высоким интеллектом и средним, а творчество не только зиждется на способностях человека, но и требует включения его эмоциональных, ценностных и личностных особенностей. Чтобы созидать, необходимо не только обладать некоторыми способностями к определенному виду деятельности, но и овладевать необходимыми умениями и навыками, уметь трудиться, стремиться к завершению начатого, несмотря на активное противодействие мира любым изменениям.

Почему столь огромный поток работ в области творчества не приводит к креативному результату? Частично можно ответить на этот вопрос, проанализировав работы. В большинстве из них берутся студенты ВУЗов. Они оцениваются с помощью тестов, опирающихся на весьма спорную концепцию Гилфорда. Спорность состоит в том, что в качестве одного из критериев принимается дивергентное мышление. Но дивергентное мышление возможно лишь на первых этапах креативного решения: если исследователь будет непрерывно разбрасываться идеями, не прорабатывая какую-то одну досконально, он вряд ли получит результат. Их либо делят на группы с разным уровнем

креативности, либо даются креативные задачи, с точки зрения не всегда креативного исследователя. Если бы потом были приведены хоть какие-то доказательства тому, что студенты реально нечто создали, можно было бы вернуться к анализу полученных некогда результатов.

Другая парадигма связана с изучением тех, кто получил Нобелевскую премию. При всем уважении к этому подходу стоит напомнить об особенностях присуждения этих премий. Так, Уотсон и Крик смогли создать модель ДНК, за которую получили нобелевскую премию 1961 г. благодаря рентгенографическому снимку ДНК, сделанному Р. Франклин, на котором эта спираль явственно была видна.

Готовя документы для получения Нобелевской премии, авторы включили и Франклин, но ей отказали, поскольку она была женщиной и еврейкой.

Трижды подавал документы на присвоение Нобелевской премии Менделеев, но ему ее так и не присудили. Точно также идею радиоактивности придумал Пуанкаре, но он не слишком задумывался над тем, кто воспользуется его идеями. Беккерель решил проверить его идею, и получил премию.

Безусловно, среди Нобелевских лауреатов множество выдающихся трудолюбивых людей и этот путь более эффективный. Он обнаружил иное свойство мышления у тех, кому все же присудили Нобелевскую премию.

Автор назвал его янусовидным мышлением (по имени римского бога Януса, у которого было несколько лиц). Люди с таким мышлением не столько порождают множественные решения (дивергентное мышление) сколько могут смотреть на явление с разных сторон. Такое видение позволяет создавать необычные решения [4].

Наконец, есть исследования отдельных людей, чаще всего это саванты (от фр. *savant* — «учёный»). Савантами в настоящее время называют группу людей, у которых на фоне того или иного отклонения наблюдается «островок гениальности». Половина савантов имеют диагноз аутизм, у второй половины отмечаются те или иные мозговые проблемы.

Так, савант Лесли Лемке родился слепым и спастичным. В 7 лет мать подвела его к пианино. Через год он научился играть на 6 инструментах. Услышав однажды 1 фортепианный концерт Чайковского, он смог повторить его наизусть.

Он может воспроизводить стиль любого композитора, которого слышит. Но его коэффициент интеллекта составляет лишь 58%. Оказалось, что у всех савантов в той или иной мере повреждено левое полушарие.

Это снижает реципрокное тормозное влияние его на правое полушарие, что создает условия для создания необычных связей в нем [2].

Эти исследования, возможно, наиболее близко подходят к проблеме креативности, однако они оценивают единичные случаи, что не соответствует требованиям введения статистики в исследование.

Все это свидетельствует о том, что у каждого исследователя есть простор для работы и, главное, создания теории творчества, которая ждет свое креативного исполнителя.

Литература

1. Николаева Е.И. Психология детского творчества. СПб: Питер, 2010.
2. Свааб Д. Мы- это наш мозг. От матки до Альгеймера. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014.
3. Hennessey В.А., Amabile Т.М. Creativity // Annu. Rev. Psychol. 2010. V. 61. P. 569–598.
4. Rothenberg А. Psychopathology and creative cognition. A comparison of hospitalized patients, Nobel laureates and controls // Archives of General Psychiatry. 1983. V. 40, N9. P. 937–942.
5. Terman L. M. Genetic studies of genius: Vol. 1. Mental and physical traits of a thousand gifted children. Stanford, CA: Stanford University Press, 1925.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

ОБЗОР СПЕЦИАЛЬНОГО ВЫПУСКА
«ТВОРЧЕСТВО. НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Родионов А.Р.
Россия, Санкт-Петербург
Международное Научное Психофизиологическое Содружество
rodionov_and@hotmail.ru

Редакцией научного журнала «Вестник психофизиологии» в этом году было принято решение о публикации специальных выпусков, посвященных актуальным проблемам современной психофизиологии. Первым к выходу подготовлен специальный выпуск «Творчество. Новые направления исследований». Выпуск ориентирован на всестороннее освещение результатов изучения одного из самых сложноорганизованных феноменов - творческой деятельности человека. К публикации статей были приглашены психофизиологи, психологи, физиологи, врачи, педагоги, философы и представители других областей науки, заинтересованные в представлении своих исследований по указанной тематике научной общественности и более широкому кругу читателей. Особое внимание было уделено работам, имеющим междисциплинарный характер или содержащим указания на возможности использования полученных данных или теоретических разработок в рамках других научных дисциплин. В статье представлены основные тезисы критического обзора специального выпуска, а также обсуждаются перспективы междисциплинарного взаимодействия и новые направления исследований по проблеме творчество-мозг-социум.

Ключевые слова: творчество, мультидисциплинарность, междисциплинарные исследования, инновации

Творчество и творческая деятельность человека сегодня привлекают все больше внимания специалистов из разных сфер науки и индустрии. Если взглянуть на данную область исследований «с высоты птичьего полета», то видятся два основных вопроса, которые уже не одно столетие не находят ответа, и, вероятно, будут еще долгое время стоять перед фундаментальной наукой. Первый, почему одни индивидуумы проявляют творческую активность, а другие нет? И возникающий вслед за ним, второй вопрос, как открыть или усилить творческий потенциал, когда творческая активность не наблюдается или недостаточно выражена? Также представляется, что при всем многообразии целей и задач, исследователи творчества так или иначе приходят в своей работе к одному из этих вопросов. Однако, очевидно, что ответы на данные вопросы лежат в плоскости множества различных научных дисциплин. Поскольку представления о природе творчества до недавнего времени строились каждой дисциплиной в отдельности, мультидисциплинарный обмен полученными знаниями и взаимная междисциплинарная поддержка, по-нашему мнению, являются на сегодняшний день главными проблемами эффективного исследования творчества, требующими тщательного анализа, широкого обсуждения и принятия научным сообществом.

Редакцией научного журнала «Вестник психофизиологии» в этом году было принято решение о публикации специальных выпусков, посвященных актуальным проблемам современной психофизиологии. И не случайно, первым к выходу подготовлен специальный выпуск «Творчество. Новые направления исследований». Выпуск ориентирован на всестороннее освещение результатов изучения творческой деятельности человека. С целью организации мультидисциплинарного форума к публикации статей были приглашены психофизиологи, психологи, физиологи, врачи, педагоги, философы и представители других областей науки, заинтересованные в представлении своих исследований по указанной тематике научной общественности и более широкому кругу читателей. Особое внимание было уделено работам, имеющим междисциплинарный характер или содержащим указания на возможности использования полученных данных или теоретических разработок в рамках других научных дисциплин. В статье представлены основные тезисы критического обзора специального выпуска, а также обсуждаются перспективы междисциплинарного взаимодействия и новые направления исследований по проблеме творчество-мозг-социум.

Ранее, Родионовым [12] были собраны и систематизированы основные цели, которые могут быть поставлены при разработке новых методов и подходов для безопасного, целенаправленного и научнообоснованного воздействия на мозг человека в норме и при патологии. Для ознакомления читателя с данными целями хотелось бы привести здесь выдержку из нашей ранее опубликованной статьи [12]. Представляется, что эти цели могут послужить «маяками», собирающими вокруг себя специалистов из разных областей науки для осуществления мультидисциплинарных проектов.

- развитие врожденного потенциала психики человека и его усиление в соответствии с динамически изменяющимися условиями жизни и усложнением информационной среды [22]

- поддержание и укрепление здоровья, как состояния полного физического, душевного и социального благополучия [21]
- формирование основ эффективного эвристического решения проблем, получение креативных решений в условиях ограниченного времени и при недостатке информации [20]
- корректирование нарушенных психических процессов, адаптация и социально-поведенческая реабилитация лиц с психическими и соматическими нарушениями [27]
- обучение и воспитание, ускоренное овладение знаниями, умениями, навыками, а также продуктивными способами социального взаимодействия [24, 25]
- сохранение и ренессанс возможностей психики человека при старении, включение компенсаторных психофизиологических механизмов [16]

В перспективе достижение указанных целей должно обеспечить реконструирование и прогресс социо-культурных коммуникаций различного уровня, формирование социо-культурного фундамента полноценного общества [12].

Очевидно, что изучение дивергентного мышления, художественного творчества и инсайта, трех областей, указываемых в ряде обзоров нейрофизиологических исследований творческой деятельности [20, 23, 26] является недостаточным для понимания природы творчества.

При разработке концепции специального выпуска была поставлена задача предоставить возможность взаимодействия для специалистов из как можно большего количества научных областей, основывающихся в своей работе на разных теоретических представлениях, и получающих результаты применимые в различных сферах жизнедеятельности человека.

Хочется отметить достижение поставленной цели, выразившееся в многообразии и разнонаправленности исследований творчества, представленных в настоящем специальном выпуске журнала «Вестник психофизиологии», явно выходящих за рамки трех научных областей, указанных выше, и обогащающих концептуальное поле науки о творчестве.

Психологические аспекты творчества и креативности обсуждаются как на теоретическом уровне [9], так и находят отражение в изучении мультифакторной модели психологической структуры креативности [2], взаимосвязи творческого самовыражения и психического здоровья дошкольников [7], взаимозависимости профессионального выгорания актеров и переживаний кризисов профессиональной деятельности, предотвращения эмоционального выгорания [19]. В рамках работы по направлению мозг-творчество представлены результаты изучения мозгового обеспечения творческой деятельности на фоне цветовой стимуляции [3], а также показано наличие разного функционального состояния коры мозга у высоко и низкокреативных испытуемых, что при выполнении творческой деятельности может оказывать влияние на ее успешность [15]. Клинические аспекты изучения творческой деятельности отражены в обзоре основных подходов и классификаций арт-терапии [17], где отмечено междисциплинарное взаимодействие и мультидисциплинарность этого направления,

которые могут рассматриваться в качестве отправных точек при изучении специалистом не психологом, а также в статьях, посвященных комплексной психологической реабилитации семей, пострадавших в локальном военном конфликте [14], и анализу отдельных аспектов взаимодействия художественного поля и поля психофизиологии, синдрома Аспергера, в художественном пространстве XXI века [18]. Также представлены: разработка методики невербальной оценки мотивации к деятельности [5, 6], обсуждение проблемы функционирования эстетического вкуса в современной культуре [1], анализ понятия «перевоплощение», как основного стержня актерского творчества [13], анализ связей между восприятием городской среды и отражением города в произведениях искусства [8], исследование модификации творчества в изолированном пространстве [11]. Удачно дополняют представленные работы статья, ставящая своей задачей сориентировать сегодняшнего исследователя в происходящем в психофизиологии творчества [4].

Для продвижения научной интеграции может быть полезен такой раздел публикации, как «Ограничения настоящего исследования», включающий не освещенные пункты, или задачи, требующие дальнейшего изучения, а также вопросы взаимодействия с исследователями из других научных дисциплин.

Для осуществления эффективного междисциплинарного взаимодействия я предлагаю использовать идею систематизации такой работы, последовательного анализа наиболее глобальных направлений, изучения их специфики и возможностей, и последующего поиска внутри глобального направления узконаправленных направлений с выходами на практические задачи. При этом, на мой взгляд, указанный подход должен быть на каждом уровне ориентирован на основные социальные вызовы современности.

Литература

1. Антонян К.Г. «Очарование дурного вкуса»: трэш, кич, кэмп как тенденции // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
2. Барышева Т.А. Инварианты и индивидуальные вариации в структуре креативности (из опыта эмпирического исследования) // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
3. Бойцова Ю.А., Старченко М.Г. Влияние цвета на творческую деятельность в разных группах испытуемых // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
4. Булгаков А.Б. Изучая вопрос истории психофизиологии творчества // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
5. Вергунов Е. Г. Метафора янусовидной деятельности. Часть 1: количественное измерение креативности // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
6. Вергунов Е. Г., Николаева Е. И. Метафора янусовидной деятельности. Часть 2: поиск невербальной метафоры для оценки креативности // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
7. Курилова Т.П. Взаимосвязь творческого самовыражения и психического здоровья у дошкольников // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
8. Лобанова Ю.В. Образ города в искусстве: психологический и историко-культурный аспекты // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
9. Николаева Е.И. Что изучаем, когда изучаем креативность? // Вестник психофизиологии, 3, 2014.

10. Николаева Е.И., Баркова А.Р. Зависимость развития ребенка в первый год жизни от психологических характеристик матери // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
11. Новикова Н.П. Воздействие тюремного заключения на личность писателя (к вопросу о модификации психофизиологии творчества в изолированном пространстве) // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
12. Родионов А.Р. Мозг актера. Нейрофизиологические механизмы творческой одаренности // Вестник психофизиологии, 4, 2013, С. 59-63
13. Слуцкая Е.А. Человек-актер: психология «здорового» перевоплощения // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
14. Соловьев С.А., Изотова М. Х. Арт-терапия в системе комплексной психологической реабилитации семей, пострадавших в локальных военных конфликтах // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
15. Старченко М.Г., Бойцова Ю.А. ЭЭГ-корреляты творческой деятельности в группах высоко- и низкокreatивных испытуемых // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
16. Старченко, М. Г., Данько, С. Г., Бехтерева и др. Исследования мозгового обеспечения креативности методами ПЭТ И ЭЭГ. Научные труды I Съезда Физиологов СНГ. 2005. Сочи, Дагомыс. с. 27
17. Цымбал А.В., Родионов А.Р. Современные подходы к терапии искусством в реабилитационной работе // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
18. Чукуров А.Ю. Синдром Аспергера: художественный текст и социокультурные трансформации XXI века (к постановке вопроса) // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
19. Шестакова К. Н. Актерская профессия в контексте ситуационного подхода // Вестник психофизиологии, 3, 2014.
20. Arden R., Chavez R. S., Grazioplene R., Jung R. E. Neuroimaging creativity: a psychometric view. Behavioural Brain Research, 2010. 214(2), pp. 143–56
21. Bungay H., Vella-Burrows T. The effects of participating in creative activities on the health and well-being of children and young people: a rapid review of the literature. Perspectives in Public Health, 2013. 133(1), 44–52
22. Caselli R. J. Creativity: an organizational schema. Cognitive and Behavioral Neurology, 2009. 22(3), pp. 143–154
23. Dietrich A., Kanso R. A review of EEG, ERP, and neuroimaging studies of creativity and insight. Psychological Bulletin, 2010. 136(5), pp. 822–848,
24. Gazzaniga M. Learning, Arts, and the Brain. The Dana Consortium Report on Arts and Cognition. 2008. New York/Washington, D.C. p. 146
25. Haier R. J., Jung, R. Brain Imaging Studies of Intelligence and Creativity: What is the Picture for Education? Roeper Review, 2008. 30(3), pp. 171–118
26. Sawyer K. The Cognitive Neuroscience of Creativity: A Critical Review. Creativity Research Journal, 2011. 23(2), 137–154
27. Staricoff R. L. Arts in health : a review of the medical literature, 2004. p. 91

SPECIAL ISSUE REVIEW:

CREATIVITY. NEW DIRECTIONS IN RESEARCH

Editorial board of scientific journal "Psychophysiology News» has decided this year to publish special issues devoted to actual problems of modern psychophysiology. First special issue is entitled "Creativity. New Directions in Research". This special issue is focused on in-

depth coverage of advances in the study of one of the most highly organized phenomena - creativity. We have invited psychophysicologists, psychologists, physiologists, medical doctors, teachers, philosophers and representatives of other fields of science who are interested in presenting the results of research on the topic of creativity to the scientific community and to a wider audience. Particular attention is paid to interdisciplinary studies and works, which present possibilities of using the data or theoretical developments in several scientific disciplines. The article presents a brief critical review of the special issue, as well as the prospects of interdisciplinary research and new directions in research on creativity-brain-society interactions.

Key words: creativity, multidisciplinary, interdisciplinary studies, innovation

УДК 159.91

**ИНВАРИАНТЫ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ВАРИАЦИИ В СТРУКТУРЕ
КРЕАТИВНОСТИ**

(из опыта эмпирического исследования)

*Барышева Т.А.,
Российский государственный
педагогический университет им А.И.Герцена
tomalex2@mail.ru*

В статье обосновывается мультифакторная модель психологической структуры креативности, анализируются основные подходы к изучению структурных параметров креативности, выявляются индивидуальные особенности.

Ключевые слова: психология творчества, креативность, творческая личность, креативная модель мира.

Развитие креативности личности – актуальная проблема современного общества, от решения которой зависит перспектива развития и эффективность социо-культурных и экономических процессов. Творческая личность становится актуально востребованной обществом, а ее развитие – предметом масштабных психологических исследований и государственных программ во всем мире.

Современная психология творчества характеризуется многоаспектностью и представляет собой множество различных теорий, концепций, теоретических и эмпирических знаний. Несмотря на ряд существенных открытий, проблема творчества и, особенно, **феномен креативности**, до настоящего времени остается недостаточно изученным явлением. Отсутствуют однозначно интерпретируемые понятия в этой области. До сих пор феномен креативности не имеет единого объяснения и содержания. Поэтому эвристическая ценность и актуальность изучения различных аспектов данной проблемы является перспективной исследовательской задачей.

В современной психологии исследуются отдельные параметры (творческое мышление, воображение, личностные корреляты и т.д.) креативности. Вместе с тем изучение отдельных качеств, процессов, функций, как показали исследования Б.Г. Ананьева, Н.А. Носова, Д.Б. Богоявленской, Р. Стернберга, Т. Любарта, не всегда

продуктивны, поскольку реальное творческое поведение взрослого человека в значительной степени определяется не отдельными психическими качествами, а более сложными, многофакторными образованиями, к числу которых следует отнести и креативность.

Таким образом, перспективной тенденцией является поиск путей исследования *креативности* как особой психической реальности, сложного психологического явления.

Рассматривая творчество как процесс конструктивных преобразований информации и созидания инновационных результатов, субъективно и объективно значимых, **креативность** (от лат. creatio — созидание) — как детерминанта творчества — проявляется в инновационных преобразованиях человека во всех (или отдельных) сферах жизни на уровнях: личность (потенциал) — процесс — результат. Учитывая, что процесс творчества включает две разнонаправленные тенденции — созидание и разрушение (реконструкцию) стереотипов, креативное поведение индивида можно рассматривать как «созидательное разрушение». Поле значений понятия «креативность» шире понятия «творческий потенциал», так как феномен креативности имеет потенциальную и актуальную формы. Творческая личность — личность, реализующая свою креативность в инновационных достижениях. Творческие способности — структурные компоненты креативности.

На основе анализа литературы возникло предположение, что психологическая *структура* креативности включает систему креативных параметров и в индивидуальных вариантах представляет собой своеобразное и уникальное сочетание мотивационных, аффективных, интеллектуальных, эстетических, экзистенциальных, коммуникативных параметров, а также компетентность.

Структурные компоненты креативности в комплексе определяют творческую стилистику поведения, обеспечивают продуктивность, новизну, уникальность способов и результатов деятельности, предрасположенность и готовность личности к творческим преобразованиям в различных сферах жизнедеятельности.

Построить теоретическую модель креативности позволил опыт моделирования сложных психических явлений в отечественной и зарубежной психологии с помощью метода построения семантического пространства как «модельного представления категориальных структур» (В.П. Зинченко).

В результате анализа выделены 7 симптомокомплексов в структуре креативности:

1. **Мотивация** (спектр интересов, мотивация саморазвития, творческая позиция)
2. **Эмоционально-креативные свойства** (эмпатия, эмоциональный тезаурус, экспрессивная эмоциональность)
3. **Интеллектуальные параметры** (интуиция, способность к преобразованиям, дивергентность, прогнозирование)
4. **Эстетические креативные качества** (ассоциативность, чувство формы, чувство стиля, перфекционизм)
5. **Коммуникативная креативность** (способность к сотрудничеству в творческой деятельности, способность мотивировать творчество других, способность аккумулировать творческий опыт)
6. **Экзистенциальные креативные свойства** (креативная модель мира, экстенциональность, позитивная «Я-концепция», опыт самотворчества)

7. **Компетентность** (общекультурный тезаурус, компетентность в области теории и технологий творчества, опыт творческой деятельности)

В нашем исследовании, целью которого было изучение инвариантных компонентов и индивидуальных особенностей психологической структуры креативности, принимали участие студенты педагогического и технического ВУЗов, учителя общеобразовательных школ, педагоги дополнительного образования. На этапе эмпирического исследования принимали участие 339 чел. Возрастной диапазон – от 18 до 56 лет. В качестве экспертов выступали практические психологи, преподаватели и сотрудники администрации ВУЗов и учреждений образования (27 чел.).

Диагностическая программа исследования разработана на основе метода многоуровневого соответствия (Н.И. Шевандрин) и включала:

– «классические», модифицированные и авторские **монопрофильные** методики, направленные на диагностику отдельных параметров креативности: *мотивации* – «Структура интересов» (В. Хенинг), «Мотивация саморазвития» (Е. И. Рогов), «Ценностные ориентации» (М. Рокич), опросник измерения мотивации достижений (А. Мехрабиан), *эмоциональных* – семантический дифференциал (Ч. Осгуд), «Эмоциональная лексика» (В.Г. Ражников), «Эмоциональный тезаурус» (модифицированный вариант методики Б.М. Додонова); *эстетических* – «Эстетическая шкала» (F. Barron, Y. Welsh), «Геометрия в композиции» (Е.М. Торшилова, Т.В. Морозова), «Свобода ассоциаций» (тест Х. Зиверта), художественно-экспрессивный тест, методы стилового сопоставления и художественной абстракции; *интеллектуальных* – тесты Дж. Гилфорда, Е.П. Торранса, «Поиск альтернатив» (Э. де Боно), «Инверсии», «Перекодировка», «Анаграммы»; *экзистенциальных* – «Смыслжизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев), комплекс художественно-графических тестов – «Картина мира», «Автопортрет» (Е.С. Романова, О.Ф. Потемкина), «Я – в системе координат»; *коммуникативных* – «Общение в профессиональной сфере»; *компетентности* – анкета «Карта оценки компетентности»; а также **многопрофильные** методики, с помощью которых осуществлялась комплексная диагностика – САТ – тест самоактуализации (Э. Шостром), «Карта оценки и самооценки креативности».

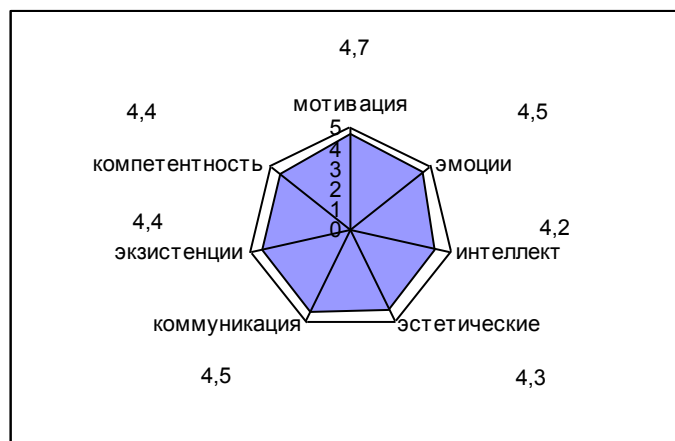
Метод, основанный на установлении многоуровневого соответствия результатов различных основных и дополнительных психодиагностических инструментов (**T-данные**), самооценки (**Q – данные**), экспертных оценок (**L-данные**), дополненный исследованиями продуктов творчества (креативных проектов) позволил уточнить структурные особенности, взаимосвязи параметров креативности как системного психического образования и индивидуальные варианты.

Анализ эмпирических данных включал как математическую обработку (группировку элементов в пределах исходных множеств, уровневый, корреляционный, факторный анализ, коэффициент достоверности различий по критерию t-Стьюдента, ранжирование), так и качественную их интерпретацию.

На первом этапе анализа результаты T, Q, L-данных суммировались и определялось среднее значение по каждому параметру креативности отдельно, а затем на основе обобщенных значений симптомокомплексов создавались индивидуальные (графические) модели креативности.

Сравнительный анализ позволил зафиксировать общее и различное в индивидуальных моделях, психологические особенности, в частности, зоны устойчивого развития – доминирующие, наиболее ярко выраженные параметры в структуре креативности, проблемные (слабо выраженные) психологические «зоны», определить

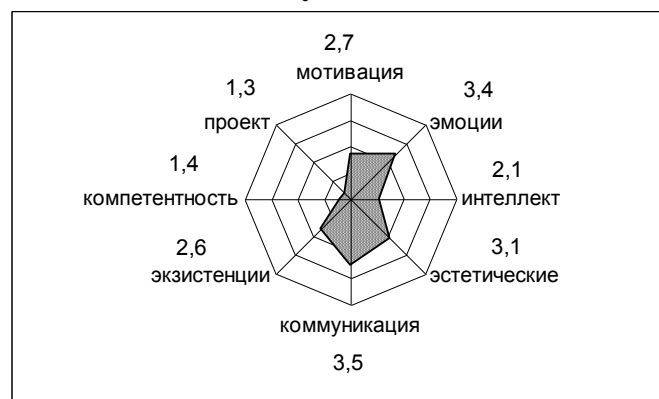
перспективу развития каждого индивида, а также классифицировать основные типы структуры креативности индивидов на основе шкалы: *гармонизация – деформация*. Выделяются *гармонизованные* (13,9%), *дегармонизованные (акцентированные)* (63,1%) и *деформированные* (23%) варианты структур. Примеры графических вариантов индивидуальных структур креативности представлены на рисунке 1.

А) Индивидуальная модель гармонизованной структуры креативности

Б) Индивидуальная модель дегармонизованной структуры креативности с ярко выраженными мотивационным и коммуникативным симптомокомплексами

В) Индивидуальная модель деформированной структуры креативности

Рис. 1. Индивидуальные модели структуры креативности

Исследовательская задача на следующем этапе анализа эмпирических данных заключалась в уточнении структурной организации креативности. Эмпирическое обобщение материала обеспечил математический аппарат (корреляционный и факторный анализ). Общая композиция структуры определялась по упорядоченности выделенных параметров креативности в рамках целого. Ассоциированные элементы («сгущения») рассматривались как центр (ядро) структуры, изолированные – как периферия. Связи между уровнями принятых координат понимаются в структурном плане как процессы интеграции, в генетическом – как векторы новообразований.

Корреляционный и факторный анализ подтвердили гипотезу о креативности как системном (многомерном, многоуровневом) психическом образовании. Анализ корреляционных структур в отдельных симптомокомплексах креативности позволил выделить *системообразующие* (имеющие наибольшее количество связей) параметры в каждом из них. Это: *творческая позиция* (мотивация) – 14 связей ($r \leq 0,45$); *дивергентность* – 14, *способность к преобразованиям* – 9; *формотворчество* – 10, *ассоциативность* – 10, *перфекционизм* – 11; *способность аккумулировать творческий опыт* – 13; *модель мира* (экзистенции) – 16.

Предположение о том, что *компетентность* личности в сфере теории и технологий творчества является фактором развития креативности подтвердилось на статистическом уровне. Аргументы – корреляции с общим коэффициентом креативности ($r = 0,51$).

Эмоциональные параметры – наиболее автономны в структуре креативности. Слабая выраженность корреляций внутри симптомокомплекса и с другими параметрами свидетельствует о вероятностном характере влияния эмоций на процессы творчества. Особую роль, как показал анализ эмпирического материала (Q-данных), выполняет опыт и актуализация *креативных состояний*, а также *эгокреативные чувства*, связанные с самосозиданием, самотворчеством.

С помощью факторного анализа удалось уточнить психологическую структуру и определить наиболее значимые параметры, определяющие базовую симптоматику креативности. Выделяются три фактора с удельными весами 32,6 %; 17 %; и 6 %. Всего – 55,6%. В *первый* фактор («Интеграторы в структуре креативности») вошли характеристики, связанные с экзистенциальными (0,77), интеллектуальными (0,75), эстетическими (0,66) и мотивационными (0,65) параметрами креативности. Это свидетельствует о том, что данные признаки выполняют системообразующие функции и являются *ядром* в структуре креативности. ***Интегрируют всю структуру – экзистенции – креативная модель мира.*** Схема инвариантных параметров в структуре креативности представлена на рисунке 1.

Содержание *второго* фактора включает качественные характеристики результатов творческой деятельности – креативных проектов: общий коэффициент результативности (0,94), совершенство (0,86), гибкость (0,82), вариативность (0,81), оригинальность замысла и воплощения (0,77). Это дает основания сделать вывод о том, что потенциальная креативность и актуализированная в результатах (продуктах) являются относительно «автономными». *Третий* фактор (эмоциональности и компетентности) включает гендерно обусловленные показатели.

Резюме:

– Креативность как субъективная детерминанта творчества представляет собой системное (многоуровневое, многофакторное) психическое образование и включает мотивационный, аффективный, интеллектуальный, эстетический, экзистенциальный, коммуникативный, компетентностный симптомокомплексы.

– Инвариантные, системообразующие компоненты в структуре креативности: *мотивация* (творческая позиция) – «энергетический ресурс» креативности; *интеллектуальные* (дивергентность, способность к преобразованиям) «отвечают» за динамику творческих преобразований; *эстетические* (формотворчество, ассоциативность, перфекционизм). – определяют качество результатов творчества. Интегрируют всю структуру *экзистенции* – креативная модель мира.

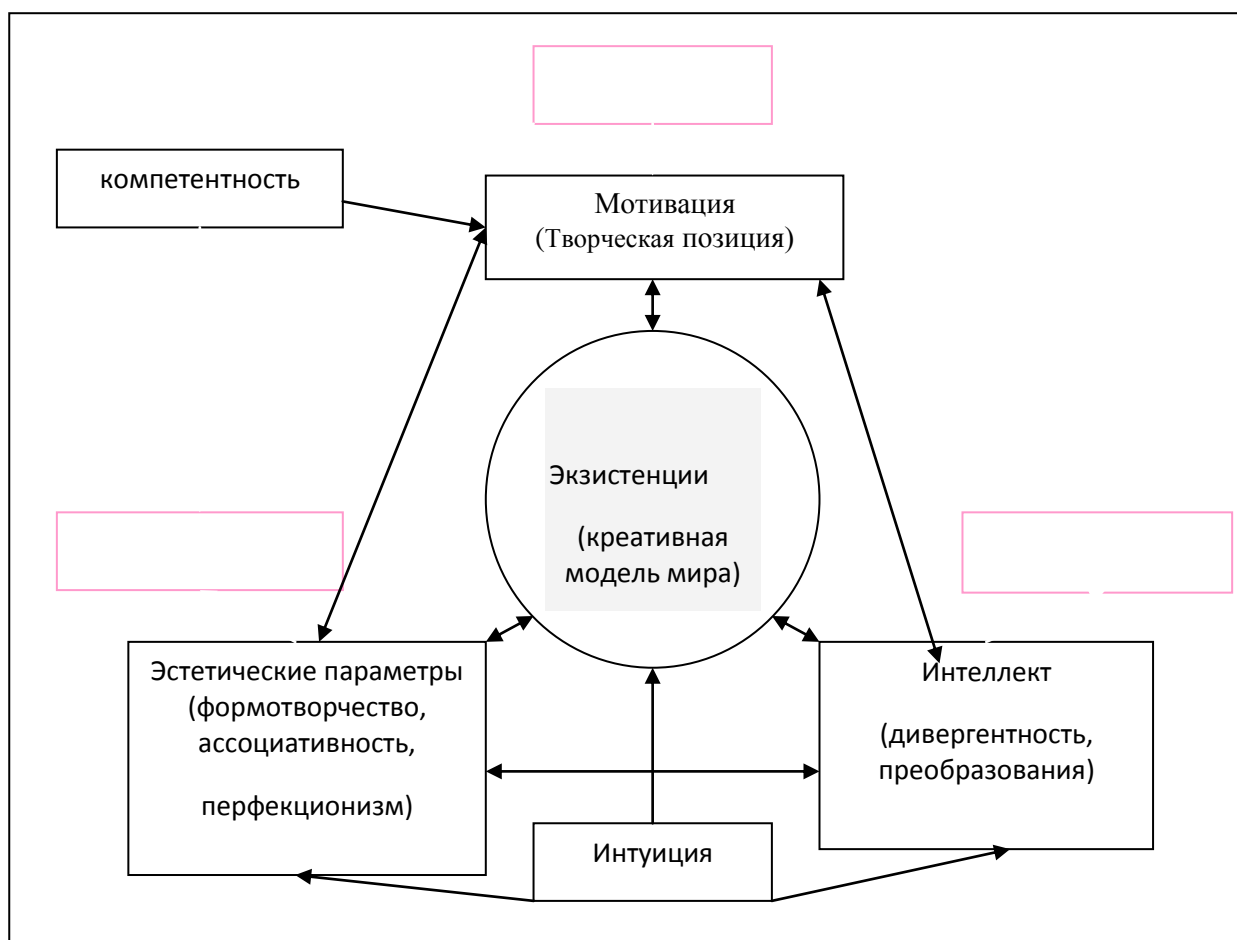

Рис. 1. Схема инвариантных параметров в структуре креативности.

– Креативная модель мира – система представлений человека *о мире* как стимуле для творчества, *о себе* как субъекте творческих преобразований, *о творчестве* как ценности – может рассматриваться в качестве **новообразования** в развитии креативности у взрослых. Признаки – многополярность, экстенциональность, мобильность. Базовый психический процесс – креация инновационного типа, преобразования, трансформации, многополярная динамика.

Литература

1. Барышева Т.А., Жигалов Ю.А. Психолого-педагогические основы развития креативности: учеб.пособие.– СПб СПГУТД, 2006
2. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности.– СПб.: Питер,2009

3. Любарт Т., Муширу К., Горджман С., Зенасни Ф. Психология креативности/ Пер. с фр.– М.: «Когито-Цент», 2009.
4. Петренко В.Ф. Построение семантических пространств как метод и форма модельного представления// Вестник СамГУ, 1998 №3, С. 132-141
5. Творчество: теория, диагностика, технологии. Словарь-справочник/ Под ред. Т.А.Барышевой. – СПб, 2014

INVARIANTS AND INDIVIDUAL VARIATIONS IN THE STRUCTURE OF THE CREATIVITY (from the experience of empirical research)

The article explains the multifactorial model of the psychological structure of creativity, analyzes the main approaches to the study of the structural parameters of creativity, identifies the individual characteristics.

Key words: psychology of creativity, creation, creative individual, creative world model.

УДК 612.821+371.72

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТВОРЧЕСКОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ И ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ У ДОШКОЛЬНИКОВ

*Курилова Т.П.
Россия, Санкт-Петербург,
Научно-практический центр «Психосоматическая нормализация»,
ГДОУ-16 Пушкинский район
prsrpn@gmail.com*

Актуальность данного исследования связана с введением нового ФГОС для дошкольного учреждения, где прописаны все условия формирования здоровых детей и методы, рекомендованные для этого. Если продолжать применять личностно-ориентированный подход к каждому ребенку, то необходимо применение инновационных методов диагностики и адаптационной поддержки для каждого маленького человека.

Ключевые слова: дошкольники, творчество, цветовой тест, адаптация

При применении личностно-ориентированного подхода к каждому ребенку, необходимо применение инновационных методов диагностики и адаптационной поддержки. Поэтому актуальность данного исследования связана с введением нового ФГОС [8] для дошкольного учреждения, где прописаны все условия формирования здоровых детей и методы, рекомендованные для этого.

Особо необходимо уделить внимание трем направлениям развития детей дошкольного возраста, совокупность применения методов которых и формирует здоровую, адекватную, адаптированную личность.

1. Художественно-эстетическое развитие предполагает развитие предпосылок ценностно-смыслового восприятия и понимания произведений искусства (словесного, музыкального, изобразительного, мира природы; становление эстетического отношения к окружающему миру; формирование элементарных представлений о видах искусства;

восприятие музыки, художественной литературы, фольклора; стимулирование сопереживания персонажам художественных произведений; реализацию самостоятельной творческой деятельности детей (изобразительной, конструктивно-модельной, музыкальной и др.) [8].

2. Познавательное развитие предполагает развитие интересов детей, любознательности и познавательной мотивации; формирование познавательных действий, становление сознания; развитие воображения и творческой активности; формирование первичных представлений о себе, других людях, объектах окружающего мира, о свойствах и отношениях объектов окружающего мира (форме, цвете, размере, материале, звучании, ритме, темпе, количестве, числе, части и целом, пространстве и времени, движении и покое, причинах и следствиях и др.), о малой родине и Отечестве, представлений о социокультурных ценностях нашего народа, об отечественных традициях и праздниках, о планете Земля как общем доме людей, об особенностях ее природы, многообразии стран и народов мира [8].

3. Социально-коммуникативное развитие, при котором в ФГОС предусматривается развитие дошкольников по усвоению норм и ценностей, принятых в обществе, включая моральные и нравственные ценности; развитие общения и взаимодействия ребёнка со взрослыми и сверстниками; становление самостоятельности, целенаправленности и саморегуляции собственных действий; развитие социального и эмоционального интеллекта, эмоциональной отзывчивости, сопереживания; формирование готовности к совместной деятельности со сверстниками; формирование уважительного отношения и чувства принадлежности к своей семье и сообществу детей и взрослых [8].

По данным российских педагогов проблемы современных дошкольников, имеют следующие типичные особенности:

«...произошли существенные изменения в интеллектуальной сфере детей, они стали более информированы и любознательны, свободно ориентируются в современной технике, во взрослой жизни, чему способствует насыщенность среды в детском саду и дома; отмечаются изменения в нравственном, социально-личностном развитии детей, в их поведении, общении...» [2].

Опыт работы дошкольного учреждения показывает, что необходимо формировать у детей умение строить взаимоотношения с окружающими людьми на основе взаимопонимания и сотрудничества, создать условия общего психического развития и развития высших психических функций в том числе, формировать предпосылки качеств, которые необходимы для адаптации к школе [2, 4, 5, 6, 7].

Как одна из предлагаемых обучающих адаптационных методик в дошкольном учреждении - это предложение незавершенного действия с целью развития самостоятельности принятия решения ребенком. В данном случае он должен не получать готовые штампы, а сам предлагать решения возникшей проблемы.

Если ребенок справляется с предложенной задачей, то изменяется его самооценка, эмоциональное состояние улучшается, тренируются и развиваются мыслительные операционные процессы.

Остается открытым вопрос диагностики возникающих личностных изменений. Это достаточно важно, так как, понимая, что происходит с ребенком, можно прогнозировать и будущие его поступки, и будущую эмоциональную реакцию, и мыслительные способности. А все эти характеристики отражают работу адаптационных механизмов защиты.

Общеизвестно, что у детей основным методом диагностики состояния являются рисунчатые тематические тесты и колористика.

Исследование проводилось в течение года (сентябрь 2013-май 2014) в группе детей ГДОУ-16 Пушкинского района Санкт-Петербурга численностью 25 человек, возраст 3-4 года. Половые различия в расчет не брались.

Рис. 1. Обсуждение результатов задания.

Перед проблемным самостоятельным заданием ребенок занимался рисованием.

Темой для рисунка выбиралась любая бытовая (например, «Я и мама в магазине», «Я и окружающая природа», «Моя семья» и др.).

Цветные карандаши и краски для каждого были подобраны с учетом цветового теста Люшера [9].

Перед проблемным самостоятельным заданием ребенок занимался рисованием.

Темой для рисунка выбиралась любая бытовая (например, «Я и мама в магазине», «Я и окружающая природа», «Моя семья» и др.).

Цветные карандаши и краски для каждого были подобраны с учетом цветового теста Люшера [9].

Потом карандаши и рисунки убирались, предлагалось задание для принятия самостоятельного решения, на которое отводилось определенное время (для каждого задания свое в зависимости от сложности).

После этого и выполнившим задание, и не выполнившим его предлагалось опять порисовать. Бытовая тематика рисунка была одна на всех. Отмечалась разница в предпочтении цвета рисунка. Фиксировалось различие между цветовыми предпочтениями первого рисунка и второго рисунка каждого ребенка.

У тех детей, которые справились с заданиями, рассматривался уровень психоэмоциональной и поведенческой лабильности, так как бурное реагирование на положительный стресс тоже является признаком психологической нестабильности и невротической установки. Особое внимание уделялось рисункам тех детей, которые не справились с заданием. С каждым из них проводилась беседа, выяснялись причины происшедшего (анамнез и др.), анализировались цветовые предпочтения, диагностировалось функциональное состояние, и предлагался алгоритм коррекционных мероприятий [1, 3].

Рис. 2. Курилова Т.П.

Можно привести один интересный пример. После первичной раздачи цветных карандашей и предложения темы «Семья» мальчик В. С. из неблагополучной семьи, воспитываемый бабушкой, так как родители его были алкоголиками, попросил черный карандаш и нарисовал одного себя со стороны спины.

Таким образом, диагностика состояний маленьких детей выходит на одно из первых мест при пребывании их в дошкольном учреждении, так как посещение этого учреждения является важной ступенькой дальнейшей социализации.

Литература

1. Булгакова О.С. Адаптивные изменения различных уровней организации личности. СПб.: НПЦ ПСН. 2012. 113с.
2. Виноградова Н. Ф. Программа обучения и развития детей 5 лет «Предшкольная пора». М.: ИЦ «Вентана – Граф». 2011.
3. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. – СПб., 1997.
4. Комарова Т.С. Детское художественное творчество. М.: Мозаика-Синтез, 2005. 120 с.
5. Paramonova L.A. Teorija i metodika tvorcheskogo konstruironanija v detskom sadu. М.: Akademija, 2002. 192p
6. Fedorova S.N. Jetnokul'turnoe razvitie detej. Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie: ucheb. posobie. М.: FORUM, 2011. 176p
7. http://sociosphera.com/publication/conference/2014/231/socialnokommunikativnoe_razvitiye_detey_doshkolnogo_vozrasta_v_usloviyah_vvedeniya_fgos/ - Режим доступа – свободный.
8. <http://www.rg.ru/2013/11/25/doshk-standart-dok.html>- Режим доступа – свободный.
9. <http://www.luscher-color.com/>- Режим доступа – свободный.

RELATIONSHIP OF THE CREATIVE EXPRESSION AND THE MENTAL HEALTH OF PRESCHOOLERS

The relevance of this research is connected with the introduction of a new GEF for preschool institutions, which stipulates all conditions for healthy children and techniques recommended for this purpose. If you continue to use personal approach to each child, it is necessary to use innovative methods of diagnosis and adaptation support for every little child and correction of the state of young children becoming one of the first places during their stay in the institution.

Key words: preschool children, creativity, color test, adaptation

УДК 612+159

ЗАВИСИМОСТЬ РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА В ПЕРВЫЙ ГОД ЖИЗНИ ОТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК МАТЕРИ

*Николаева Е.И., Баркова А.Р.
Россия, Петербургский университет путей
сообщения Императора Александра I; Российский
государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
klemtina@yandex.ru; barkovadevald@mail.ru*

Работа поддержана грантом РГНФ 14-16-48005

В работе анализируется вариабельность развития детей от рождения до 8 месяцев. Проводится лонгитюдный анализ записей матерей 8 детей (4 девочки и 4 мальчика) особенностей их развития в соответствии с Дневником развития ребенка, предложенным

А.М. Казьминым и Л.В. Казьминой (2008). Полученные данные, переведенные в баллы, сопоставляются с результатами анализа привязанности матерей (Верещагина, Николаева, 2009) и их эмоционального интеллекта (Люсин, 2004). Показано, что дети развиваются практически в соответствии с нормой до 4 месяцев, но после этого периода резко увеличивается разнообразие времени начала того или иного поведения. Показано наличие значимой связи ускоренного развития ребенка с уровнем привязанности матери. Связь развития ребенка с эмоциональным интеллектом матери не обнаружена.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, привязанность, слух, зрение, общение, мышление, развитие, ребенок

Известно, что младенчество от рождения до года выступает как особая возрастная категория развития человека. В этот период формируются жизненно важные психофизиологические процессы, начиная от жизнеобеспечивающих условных рефлексов заканчивая нравственным развитием [1,2,5].

Анализ развития детей свидетельствует о том, что в разные эпохи меняется время формирования тех или иных функций и поведенческих реакций у них. Так, еще в начале 20 столетия большинство детей начинало ходить примерно в возрасте 1,5 лет. В середине 20 столетия большинство детей начинало ходить в возрасте одного года, а сейчас многие начинают это делать в 10 месяцев [9].

Это касается многих психологических функций и объясняется более эффективным питанием детей, усиленным вниманием со стороны матери и других близких людей [6,8,10]. Однако есть существенное разнообразие в возможностях детей, поскольку многие сейчас рождаются с проблемами, которые могут быть полностью исчерпаны в течение первого года или, напротив, усилиться [11-13]. Разнообразие темпов развития ребенка может быть обусловлено и генетическими причинами, и ранними травмами, как внутриутробными, так и родовыми [14, 15, 17]. Именно поэтому оценка развития младенцев в первый год жизни сохраняет свою актуальность.

Первый год — самый уникальный период в жизни малыша. Потому что никогда он не будет развиваться так стремительно, как в этот возрастной период. Перед ним стоят очень важные задачи. В этот год ребенок многому учится [16]. Находясь рядом со взрослыми, общаясь, наблюдая, переживая, играя, гуляя, слушая сказку, взаимодействуя со взрослыми ребенок все время учится. Он приобретает собственный опыт.

Развитие ребенка происходит в моторной, сенсорной, когнитивной и эмоциональной сферах. Существует неравномерность развития каждой из этих сфер и разное сочетание темпов созревания каждой сферы у конкретного ребенка [14, 16]. Однако до сих пор не ясно, какое влияние на это развитие оказывает материнская забота и специфические особенности матери.

В настоящее время взаимодействие ребенка с матерью в первый год жизни описывается в рамках теории привязанности [3]. Согласно этой концепции, сразу же после рождения ребенок активно ищет взрослого, который мог бы обеспечить ему безопасность и заботу. В зависимости от отношения к ребенку фигуры первичного привязанности — взрослого, который обеспечивает уход за ребенком, формируется тот или иной вид привязанности, который сохранится у ребенка на всю дальнейшую жизнь. В настоящее время появились тесты, которые позволяют оценить тип привязанности матери к ребенку, что позволяет связать тип привязанности с темпом развития ребенка.

В последнее время введен термин «эмоциональный интеллект», который позволяет описать способность человека узнавать эмоции, называть их и управлять ими [7]. Есть данные о том, что эмоциональный интеллект матери может повлиять на

вероятность снятия диагноза, полученного ребенком при рождении, как следствие проблем, которые возникли у матери во время вынашивания ребенка [10]. Можно предположить, что эмоциональный интеллект матери мог бы повлиять и на темп развития у ребенка тех или иных функций.

Именно поэтому целью данной работы стало изучить особенности развития детей от рождения до года и сопоставить темп развития с уровнем привязанности матери и ее эмоциональным интеллектом.

Материалы и методы

Методология проведенного исследования основывалась на двустороннем сборе и изучении информации: с одной стороны, исследовались дети во временном промежутке от рождения до восьми месяцев, с другой - матери этих детей. Полученные результаты сопоставлялись, выявлялись корреляционные связи между показателями развития детей и личностными характеристиками матерей, после чего проводилась интерпретация.

Матери заполняли комплексный опросник, который позволяет собрать информацию о своевременности формирования на разных уровнях психофизиологических реакций детей. Кроме этого, они заполняли опросники, описывающих уровень привязанности матерей по отношению к детям и их эмоциональный интеллект.

Исследование было лонгитюдным, поскольку родители описывали ежемесячно развитие своих детей в возрасте от рождения до 8 месяцев и включало 3 этапа с использованием 3 блоков методик:

- первый этап направлен на изучение соответствия или несоответствия возрасту темпа развития у детей психофизиологических и психологических функций. Для описания этого процесса был использован «Дневник развития детей от рождения до 3 лет», составленный А.М. Казьминым, и Л.В. Казьминой [4].

– на втором этапе исследовался уровень привязанности матери к своему ребенку, для этого была выбран «Тест-опросник, оценивающий отношение матери к ребенку первых двух лет жизни» Н.В. Верещагиной и Е.И. Николаевой [3].

– третий этап включал в себя исследование эмоционального интеллекта у матерей при помощи опросника ЭМИн Д.В. Люсина [7].

Выборку для данного исследования составили дети, наблюдаемые в возрастном промежутке от рождения до 8 месяцев в количестве 8 человек, а также их матери, проживающие на территории С-Петербурга в поселке Горелово.

«Дневник развития ребенка от рождения до 3-ех лет», разработанный А.М. Казьминым, и Л.В.Казьминой [4] включает современные данные об основных закономерностях психического и двигательного развития детей от рождения до трёх лет. Таблицы, входящие в дневник, содержат место для регистрации достижений малыша. С помощью дневника родители могут самостоятельно оценить ход развития своего ребёнка.

Дневник состоит из девяти глав. Каждая из них содержит краткие сведения о соответствующей сфере развития ребёнка в первые три года жизни. В большинстве глав есть таблицы, включающие перечень наиболее типичных реакций ребёнка, на которые рекомендуется обращать внимание. При этом самые значимые из них выделены жирным шрифтом.

На втором этапе изучался уровень привязанности матери к своему ребенку, при помощи «Тест-опросник, оценивающий отношение матери к ребенку первых двух лет жизни» Н.В. Верещагиной и Е.И. Николаевой [3].

В тест-опроснике предлагается 20 высказываний, каждое из которых требуется оценить и в зависимости от согласия с ним, поставить ответ «да» или «нет», при сомнениях – выбрать наиболее близкий вариант ответа. Сумма баллов подсчитывается с помощью ключа к опроснику, где каждый совпадающий с ключом ответ прибавляется 1 балл.

Были выделены уровни безопасной привязанности матери к ребенку: высокий — 17—20 баллов, средний — 13—16, низкий — 8—12; небезопасная привязанность соответствовала семи баллам и менее.

Шкалы тест-опросника соответствуют предложенным М. Айнсворт четырем шкалам: чувствительность/нечувствительность к потребностям младенца; принятие/отвержение; неоперативность/вмешательство; поддержка/игнорирование. Показано, что разработанный тест-опросник является стандартизированной, валидной и надежной психодиагностической методикой для выявления уровня безопасной привязанности матери к ребенку.

На третьем этапе выявляли уровень эмоционального интеллекта и его подвиды при помощи опросника ЭМИн Д.В. Люсина [7].

Шкала МЭИ (межличностный эмоциональный интеллект -ЭИ) оценивает способность к пониманию эмоций других людей и управлению ими.

Шкала ВЭИ (внутриличностный ЭИ) описывает способность понимать собственные эмоции и управление ими.

Шкала ПЭ (понимание эмоций) описывает способность к пониманию своих и чужих эмоций. Шкала УЭ (управление эмоциями) предлагается для оценки способности к управлению своими и чужими эмоциями.

Субшкала МП (понимание чужих эмоций) описывает способность понимать эмоциональное состояние человека на основе внешних проявлений эмоций (мимика, жестикация, звучание голоса) и/или интуитивно; чуткость к внутренним состояниям других людей.

Субшкала МУ (управление чужими эмоциями) представляет способность вызывать у других людей те или иные эмоции, снижать интенсивность нежелательных эмоций. Возможно, склонность к манипулированию людьми.

Субшкала ВП (понимание своих эмоций) свидетельствует о способности к осознанию своих эмоций: их распознавание и идентификация, понимание причин, способность к вербальному описанию.

Субшкала ВУ (управление своими эмоциями) описывает способность и потребность управлять своими эмоциями, вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные.

Субшкала ВЭ (контроль экспрессии) оценивает способность контролировать внешние проявления своих эмоций.

Для подсчёта баллов ответы испытуемых кодируются по схеме «совсем не согласен» - 0, «скорее не согласен» - 1, «скорее согласен» - 2, «полностью согласен» - 3 для утверждений с прямым ключом и «совсем не согласен» - 3, «скорее не согласен» - 2, «скорее согласен» - 1, «полностью согласен» - 0 для утверждений с обратным ключом.

Значения по шкалам МЭИ и ВЭИ получаются путём простого суммирования соответствующих субшкал:

$$\text{МЭИ} = \text{МП} + \text{МУ}$$

$$\text{ВЭИ} = \text{ВП} + \text{ВУ} + \text{ВЭ}$$

Другой способ суммирования субшкал даёт ещё две шкалы – ПЭ и УЭ:

$$\text{ПЭ} = \text{МП} + \text{ВП}$$

$$УЭ = МУ + ВУ + ВЭ$$

Результаты исследования и их обсуждение

Сначала были проанализированы индивидуальные особенности психофизиологических реакций детей. Анализ каждого вида движений свидетельствует о достаточно большом разбросе начала того или иного движения (Табл.1).

Приподнимать голову дети должны начинать с 2,0 месяцев, но в нашей выборке трое детей делают это в 1,5 месяцев, тогда как другие трое – позднее.

Лежа на спине, удерживать голову по средней линии в норме дети должны с 3 месяцев, один мальчик начал это делать значительно раньше, то есть в 1,0 месяц, один ребенок на 0,5 месяца раньше и двое на 0,5 месяца позже, остальные - в соответствии с нормой.

Лежа на спине, трогать ручками колени в норме начинают дети делать в 5,5 месяцев, однако пятеро детей это начали делать в 4 месяца, что является показательным для пересмотра нормы формирования данного движения, у других двоих в 4,5 месяца, и только один ребенок соответствовал норме.

Таблица 1

Индивидуальные особенности развития психофизиологических реакций у детей
(д- девочки, м- мальчики)

Психофизиологические реакции	Норма развития, возраст (мес)	Дети возраст появления реакции (мес/балл)							
		1д	2д	3д	4д	5м	6м	7м	8м
Развитие общих движений									
Лежа на спине, совершает беспорядочные изолированные сгибания и разгибания рук и ног	1,5	1/4	1,5/3	0/5	1,5/3	1/4	1,5/3	1,5/3	¼
Лежа на животе, приподнимает голову	2	2/3	3/2	1,5/4	2/3	1,5/4	2,5/2	1,5/4	2/3
Лежа на животе, приподнимает голову по средней линии 45 градусов и удерживает ее (неустойчиво)	3	2,5/4	3,5/2	2/4	2,5/4	2/4	3/3	2/4	3,5/2
Лежа на спине, удерживает голову по средней линии	3	3/3	3,5/2	2,5/4	3/3	1/5	3,5/2	3/3	3/3
Лежа на животе, поднимает голову на 45-90 градусов (грудь приподнята, опирается на предплечья, локти на уровне или впереди плеч)	4	4,5/2	3,5/4	3/4	4/3	3/4	4,5/2	4/3	4,5/2

Лежа на спине, прижимает голову к груди по средней линии и сводит руки вместе	4	3,5/4	4,5/2	3/4	4/3	3/4	4,5/2	4/3	4/3
Лежит на животе, ноги раздвинуты в стороны, больше опирается на одну руку	4	4,5/2	4,5/2	3/4	4/3	4/3	4,5/2	4,5/2	4,5/2
Когда тянут за ручки, пытается присесть	4,5	3,5/4	3,5/4	3/5	4,5/3	4/4	4,5/3	4/4	5/2
Сидя с поддержкой за поясницу, удерживает голову прямо	5	4,5/4	5/3	4/4	5/3	4/4	4,5/4	4,5/4	5/3
Лежа на спине, трогает ручками колени	5,5	4,5/4	4/5	4/5	5,5/3	4/5	4,5/4	4/5	5/4
Лежа на спине, разгибает шею и спину, перекачивается на бок	6	5/4	5,5/4	5/4	5,5/4	4/5	4,5/5	4,5/5	5,5/4
Лежа на спине, опирается на вытянутые руки (кисти раскрыты, грудь приподнята, подбородок опущен).	6	5/4	6/3	5/4	6/3	4/5	5/4	5/4	6/3
Сидит (если посадить) с опорой на руки, свободно поворачивает голову в сторону.	6	7/2	6/3	5/4	6/3	5/4	6/3	6/3	6/3
Лежа на спине, поднимает ноги вверх и трогает ступни	7	4,5/5	6/4	5/5	6,5/4	4/5	6/4	7/3	5,5/5
Лежа на животе, опирается на предплечье одной руки, др. тянется за игрушкой	7	5,5/5	6/4	5,5/5	7/3	4/5	6/4	6/4	7/3
Посаженный, сидит с прямой спиной без поддержки руки свободны. Может наклоняться вперед, назад и в стороны, но легко теряет равновесие	7,5	7/4	6/5	5,5/5	7,5/3	6/5	6,5/4	8/2	8/2
Лежа на животе, разгибается, приподнимает голени и вытянутые руки в сторону	8	7/4	7/4	6/5	8,5/2	7/4	6,5/5	8/3	8/3

Лежа на животе, поворачивается по кругу	8	6/5	7/4	6,5/5	7,5/4	4/5	5,5/5	7/4	8/3
Устойчиво сидит без поддержки, может при этом свободно заниматься игрушкой	8	7/4	7/4	6,5/5	7,5/4	7/4	7/4	8/3	9/2
Стоит с поддержкой за грудь, пытается «пружинить» на ножках.	8	6,5/5	7/4	7/4	7,5/4	7/4	7/4	8/3	9/2
Лежа на боку, приподнимает голову	8	7,5/4	8/3	7/4	7,5/4	5/5	6,5/5	8/3	9/2
Переворачивается со спины на живот, вращая туловище	8,5	6/5	7,5/4	7/5	8/4	5/5	5,5/5	4,5/5	8/4
Сидя без опоры, поворачивает туловище в сторону и берет предмет, оборачивается и смотрит назад	9	8/4	8/4	7/5	8,5/4	8/4	7,5/5	9/3	9/3
С живота переворачивается на бок, опирается на одно предплечье, смотрит назад.	9,5	8/5	8,5/4	7,5/5	8/5	5/5	7/5	7/5	9/4
Переворачивается с живота на спину (тазовый пояс вращается относительно плечевого)	9,5	6,5/5	8,5/4	7,5/5	8,5/4	7/5	7/5	7/5	9/4
Ползает на животе	8	8/3	8,5/2	8,5/2	8,5/2	8/3	7/4	8/3	5/5

Лежа на спине, разгибать шею и спину, перекатываться на бок ребенок должен в 6 месяц. Трое мальчиков значительно превысили эту норму, у них сформировались данные движения в 4,0-4,5 месяца, у остальных детей в 5,0-5,5 месяцев и не у одного ребенка возраст не соответствовал данной норме, а также ни один ребенок не оказался за порогом нормы.

Лежа на спине, опирается на вытянутые руки (кисти раскрыты, грудь приподнята, подбородок опущен). Норма развития данных движений 6 месяцев. Здесь отличился мальчик Андрей, его показатель 4 месяца, у четверых детей 5 месяцев, остальные трое соответствовали норме.

Лежа на спине, поднимает ноги вверх и трогает ступни. Норма развития данного движения 7 месяцев. У четверых детей они сформировались значительно раньше, т.е. в 4,5-5,5 месяцев, один мальчик совпал с нормой, у остальных сформировались данные движения в 6-6,5 месяцев.

Лежа на животе, опирается на предплечье одной руки, др. тянется за игрушкой. Норма формирования 7 месяцев. Два мальчика и одна девочка значительно превысили норму, их показатель – 4 месяца.

Посаженный ребенок сидит с прямой спиной без поддержки, причем его руки свободны. Может наклоняться вперед, назад и в стороны, но легко теряет равновесие. Норма формирования 7,5 месяцев. Две девочки и один мальчик обогнали норму, их показатель составил 5,5-6,0 месяцев, показатели двух мальчиков оказались ниже нормы – 8 месяцев.

Лежа на животе, разгибается, приподнимает голени и вытянутые руки в сторону. Норма формирования этих движений - 8 месяцев. Показатели двух детей оказались выше нормы – 6,0-6,5 месяцев, у одного ребенка показатель чуть ниже нормы – 8,5 месяцев.

Лежа на животе, поворачивается по кругу. Норма формирования движения составляет 8 месяцев. Один мальчик отличился от всех значительно, он смог выполнять эти движения в 4 месяца. Трое детей тоже значительно раньше выполнили это движение, их показатель 5,5-6,5 месяцев.

Устойчиво сидит без поддержки, может при этом свободно заниматься игрушкой. Норма формирования движения составляет 8 месяцев. Одна девочка значительно опередила других детей, выполнив его в 6,5 месяцев, а один мальчик немного отстал от нормы с показателем 9 месяцев.

Стоит с поддержкой за грудь, пытается «пружинить» на ножках. Норма формирования движения – 8 месяцев. Одна девочка регулярно выполняла его в 6,5 месяцев, а один из мальчиков немного отстал от нормы с показателем 9 месяцев. У половины выборки возраст формирования движения оказался 7 месяцев.

Лежа на боку, приподнимает голову. Норма формирования движения – 8 месяцев. Двое мальчиков значительно опережают норму с показателями 5,0-6,5 месяцев, один мальчик немного отстает с показателем 9 месяцев.

Ползает на животе. Норма формирования движения – 8 месяцев. Трое детей незначительно отстают от нормы, выполнив его впервые в 8,5 месяцев. Один из мальчиков, ранее все делавший позднее, оказался единственным ребенком, значительно опережающим норму, выполнив движение в 5 месяцев.

Переворачивается со спины на живот, вращая туловище. Норма формирования движения составляет 8,5 месяцев. Существенное опережение нормы обнаружили пятеро детей, выполнив его в 4,5-6,0 месяцев, остальные опережают норму, но не так выражено (7,5-8,0 месяцев) и нет детей, соответствующих норме или оказавшихся ниже нормы. На этих основаниях можно предположить, что данная психофизиологическая норма требует пересмотра.

Сидя без опоры, поворачивает туловище в сторону и берет предмет, оборачивается и смотрит назад. Норма формирования двигательного навыка составляет 9 месяцев. Двое детей (мальчик и девочка) значительно опережают норму, выполняя его в 7,0-7,5 месяцев.

С живота переворачивается на бок, опирается на одно предплечье, смотрит назад. Норма формирования движения составляет 9,5 месяцев. Шестеро детей значительно опередили норму, выполнив движение в 5-8 месяцев, нет ни одного ребенка с показателями ниже нормы. Исходя из этого, стоит пересмотреть данную норму.

Переворачивается с живота на спину (тазовый пояс вращается относительно плечевого). Норма формирования движения 9,5 месяцев. Значительное опережение нормы выявлено у пятерых детей (6,5-7,5 месяцев). Исходя из этого, стоит также пересмотреть данную норму.

Следовательно, прослеживается определенная закономерность: чем старше ребенок, тем более он опережает существующую норму. Примерно до 4 месяцев дети, в основном развивались в соответствии с существующей нормой, тогда как после этого срока дети существенно опережали ее. Таким образом, закономерности развития свидетельствуют о том, что чем ранее анализируемый период, тем в большей мере он определяется внутренними, биологическими факторами, тогда как в более поздний период времени существенное влияние оказывают средовые факторы.

На следующем этапе анализа было оценено развитие движений рук (Табл.2). Изолированные хаотичные движения рук в норме возникают в 2 месяца. У одной девочки эти движения отмечены в 2 недели. У большинства детей наблюдается опережение нормы, и они двигают ручками уже в 1-1,5 месяца.

Лежа на спине, подносит ручки ко рту. Норма появления движения составляет 3 месяца. У половины детей наблюдается значительное опережение нормы, у двоих - незначительное опережение, два ребенка соответствуют норме по скорости возникновения данного движения.

Захватывает предмет, который касается ладони или пальцев. Норма появления движения составляет 3 месяца. Одна девочка демонстрирует это движение уже 1,5 месяца, остальные дети обнаруживают действие либо в соответствии с нормой, либо близко к ней по времени, опережая ее.

Трясет погремушкой, вложенной в руку. Норма обнаружения движения – 4 месяца. Трое детей выполняют его значительно раньше (в 2-2,5 месяца). Лишь одна девочка отстает от нормы на полмесяца.

Лежа на спине, тянется к увиденному предмету, хватается двумя руками и тянет в рот. Норма формирования навыка составляет 4,5 месяца. Трое детей обнаруживают его раньше (в 3 месяца). Одна девочка отстает от нормы на один месяц.

Лежа на спине, тянется к увиденному предмету одной рукой и хватается его. Норма формирования навыка составляет 4,5 месяца. Два мальчика обнаружили его значительно раньше, одна девочка выполнила его позднее на один месяц.

Тянет предмет, находящийся в руке, в рот. Норма формирования поведения 5 месяцев. Два ребенка выполнили его в 3 месяца, одна девочка отстала на один месяц от нормы. Три ребенка уложились в рамки нормы.

Большую часть времени кисти раскрыты. Это важный этап в развитии мозга ребенка, поскольку сразу же после рождения у него лучше работают сгибатели по сравнению с разгибателями. Именно поэтому сразу же после рождения у ребенка практически всегда зажаты кулачки. Норма формирования двигательного навыка 5 месяцев. Трое детей продемонстрировали его в 3,5 месяца, двое – в 4 месяца, один – 6.

Лежа на животе, одной рукой опирается, другой тянется за игрушкой. Норма формирования навыка 5 месяцев. 4 ребенка выполнили его в 4 месяца, один - в 6, остальные соответствовали норме развития.

Тянется к удаленному предмету. Норма появления движения составляет 7 месяцев. Только результаты одного ребенка соответствуют норме. Другие дети выполнили его раньше, причем один ребенок в 4 месяца.

Вращает кистью с удерживаемой игрушкой. Норма формирования движения – 7 месяцев. Данные двух детей соответствуют норме, остальные выполнили движение ранее, причем один ребенок – в 4 месяца.

Рассматривает то один предмет, удерживаемый в руке, то другой. Норма формирования – 8 месяцев. Все дети обнаружили движение раньше, причем один ребенок уже в 5 месяцев.

Таблица 2. Развитие движений рук

Психофизиологические реакции	Норма развития (мес)	Дети, возраст появления реакции (мес/баллы)							
		1д	2д	3д	4д	5м	6м	7м	8м
Изолированные хаотич-ные движения рук	2	1,5/4	2/3	0/5	2/3	1/4	1,5/4	1/4	1,5/4
Лежа на спине, подно-сит ручки ко рту.	3	2/4	3/3	1/5	3/3	1/5	2,5/4	1/5	1,5/5
Захватывает предмет, который касается ладони или пальцев	3	2,5/4	3/3	1,5/5	3/3	2/4	3/3	2/4	2/4
Сжимает и разжимает пальцы, когда в руку попадают податливые предметы: бумага и т.д.	3	2,5/4	3/3	1,5/5	3/3	3/3	3/3	2/4	2/4
Смотрит на движение своей руки.	3	2,5/4	4/2	1,5/5	3,5/2	2/4	3/3	2/4	3/3
Тянется к увиденному предмету одной или двумя руками, кисти раскрыты.	3,5	3/4	4/2	2/5	4/2	3/4	3/4	3/4	3/4
Сводит ручки по сред-ней линии, тянет их вверх, смотрит на них, играет ими.	3,5	3/4	4/2	2,5/4	4/2	2/5	3/4	3,5/3	3,5/3
Трясет погремушкой вложенной в руку.	4	3,5/4	4/3	2,5/5	4,5/2	2/5	4/3	2/5	3/4
Лежа на спине, тянется к увиденному предмету, хватает его двумя рука-ми и тянет в рот.	4,5	3/5	4,5/3	3/4	5,5/2	3/5	4/4	3/5	4/4
Лежа на спине, тянется к увиденному предмету одной рукой и хватает его.	4,5	3,5/4	4,5/3	3,5/4	5,5/2	3/5	4/4	3/5	4,5/3
Водит пальцами по поверхности игрушки.	4,5	2,5/5	4,5/3	3,5/4	5,5/2	4/4	4/4	4/4	4,5/3
Тянет предмет, находя-щийся в руке, в рот.	5	3/5	4/4	3/5	6/2	4/4	4/4	4/4	3/5
Большую часть времени кисти раскрыты	5	3,5/5	4/4	4/4	6/2	4/4	3/5	3/5	5/3
Лежа на животе, одной рукой опирается, другой тянется за игрушкой	5	4/4	5/3	4/4	6,5/1	4/4	5/3	4/4	5,5/2
Начинает приспособли-вать кисть под форму и размер захватываемого предмета.	6	5/4	5/4	4,5/5	6,5/2	5/4	5/4	5/4	6/3
Лежа на спине, держит в одной руке игрушку, др. тянется ко второй игру-шке и захватывает ее.	6	5/4	6/3	5/4	6,5/2	4/5	5,5/4	4/5	5/4
Перекладывает предмет из одной руки в др.	6	5/4	6/3	5/4	6,5/2	3/5	5/4	5/4	6,5/2
Тянется к удаленному предмету.	7	5/5	7/3	6/4	6,5/4	4/5	6/4	5/5	6/4
Смотрит на маленький предмет и пытается за-рести его всеми руками.	7	5,5/5	6/4	6/4	7/3	5/5	7/3	6/4	6/4
Вращает кистью с уде-рживаемой игрушкой.	7	6/4	5,5/5	6/4	7/3	4/5	6/4	4/5	7/3
Рассматривает то один предмет, удерживаемый в руке, то другой.	8	6/5	6,5/5	6/5	7/4	5/5	6,5/5	5/5	7/4
Поднимает предмет двумя руками.	8	6/5	6/5	7/4	7,5/4	5/5	7/4	6/5	8/3
Берет увиденный предмет щепотью.	8	6,5/5	6/5	7/4	7,5/4	6/5	7/4	6/5	7/4
Отталкивает мяч в слу-чайном направлении.	8	5,5/5	8,5/2	7/4	8/3	7/4	7/4	6/5	7/4
Стучит предметом о предмет.	9	5/5	6,5/5	7/5	8,5/4	6/5	7/5	7/5	8/4
Хлопает в ладоши.	9	9/3	8,5/4	5/5	85/4	8/4	8/4	5/5	8,5/4

Поднимает предмет двумя руками. Норма формирования движения – 8 месяцев. Один ребенок обнаружил движение в 5,5 месяцев, три – в 6 месяцев, два – в 7 месяцев и появление этого движение у одного ребенка соответствует норме.

Берет увиденный предмет щепотью. Норма формирования – 8 месяцев, но все дети смогли выполнить это движение в 6-7 месяцев.

Стучит предметом о предмет. Норма формирования – 9 месяцев. Все дети выполнили это движение раньше, причем одна девочка в 5 месяцев.

Даже такое социальное действие – «хлопает в ладоши», которое в норме дети должны выполнять в 9 месяцев, в данный срок выполнил лишь один ребенок, остальные существенно ранее. Тогда как два ребенка даже в 5 месяцев.

Следовательно, данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что существующие нормы не соответствуют развитию ребенка, поскольку многие дети выполняют движение ранее, причем разнообразие во времени выполнения действий также существенно увеличивается после 4 месяцев.

В таблице 3 представлены психофизиологические реакции ребенка, связанные с развитием зрительной функции.

Первые три реакции: «сужение зрачка при освещении», «смотрит на источник света» и «фиксирует взгляд на лице взрослого» у всех детей отмечаются практически в соответствии с нормой, что выявляет их генетическое происхождение.

Пытается следить за медленно перемещающимся лицом или ярким предметом на расстоянии 20-40 см. Норма формирования этого навыка составляет 1 месяц. Трое детей выполняют ее позднее на 0,5-1 месяца, остальные соответствуют норме.

Далее в таблице представлены действия, связанные с разглядыванием разнообразных предметов. Есть небольшие колебания, когда дети обнаруживают умение на 0,5 месяца ранее или позднее. Тем не менее, большинство детей точно следует норме.

Улыбается, увидев что-то знакомое.

Норма формирования навыка – 3 месяца. Для этого навыка, включающего значительную психологическую составляющую, в отличие от предыдущих, где физиологический компонент был более значим, отмечается более раннее проявление у 6 детей, и лишь развитие 2 детей соответствует норме.

Больше улыбается, когда видит мать, чем остальных. Норма формирования – 3,5 месяцев. Практически все дети делают это раньше, чем в норме, причем 4 ребенка так поступают уже в 1,0-1,5 месяца.

Узнает бутылочку или грудь и смотри на свое отражение в зеркале. Норма формирования – 5 месяцев. Но лишь 1-2 ребенка соответствуют норме, все остальные выполняют действия раньше.

Далее все действия выполняются ранее нормы у большинства детей. Лишь отдельные дети выполняют действие в соответствии с нормой или позднее.

Таким образом, анализ данной таблицы обнаружил следующие закономерности: примерно до 4 месяцев развитие детей в той или иной мере соответствует норме.

Чем ближе к моменту рождения, тем меньше разрыв между нормой и реальным выполнением действия конкретным ребенком.

Но после 4 месяцев отмечается существенный разброс момента начала выполнения того или иного действия.

Разрыв между нормой и ее выполнением особенно ярок для действий, которые должны появляться в соответствии с нормой в 8 или 9 месяцев.

Таблица 3.

Характеристика зрения детей

Смотрит на источник света	1	0,5/4	1/3	0,5/4	1/3	1/3	1/3	1/3	0/4
Фиксирует взгляд на лице взрослого	1	1/3	1/3	0,5/4	1/3	1/3	1/3	1/3	1/3
Пытается следить за медленно перемещающимся лицом или при ярком предмете на расстоянии 20-40 см	1	0,5/4	2/2	0,5/4	1,5/2	1/3	2/2	1/3	1/3
Фиксирует взгляд на лице взрослого устойчиво	1,5	1/4	2/2	1/4	1,5/3	1,5/3	2/2	1,5/3	¼
Предпочитает смотреть на контрастные простые предметы	2	1,5/4	2/3	1/4	2/3	2/3	1,5/4	1,5/4	1,5/4
Предпочитает смотреть на новые предметы	2	1/4	2,5/2	1/4	2/3	2/3	2/3	2/3	1,5/4
Рассматривает детали лица, предмета, узоров	2	1,5/4	2,5/2	1,5/4	2/3	2/3	2/3	2/3	2/3
Переводит взгляд на появившийся в поле зрения объект: снизу, сверху, с боку	2	1,5/4	2,5/2	1,5/4	2,5/2	2/3	1,5/4	2/3	2/3
Улыбается, увидев что-то знакомое	3	1,5/5	3/3	2/4	3/3	2/4	2,5/4	2/4	2/4
Следит за перемещающимся во всех направлениях лицом взрослого или предметом на расстоянии 20-80 см	3	2/4	3,5/2	2/4	3/3	3/3	2,5/4	2/4	3/3
Рассматривает предметы в комнате	3	2/4	3/3	2/4	3,5/2	2/4	3/3	2/4	3/3
Смотрит на свою руку	3	2,5/4	4/2	2/4	3,5/2	2/4	3/3	2/4	2,5/4
Смотрит на предмет, который держит в руке	3	2/4	4/2	2/4	3,5/2	2/4	3/3	2/4	3/3
Больше улыбается, когда видит мать, чем остальных	3,5	3/4	3,5/4	2/5	4/2	1/5	3/4	1/5	2,5/4
Предпочитает объемные игрушки	4	2,5/5	4/3	2,5/5	4/3	3/4	3/4	4/3	4/3
Моргает при близком приближении предмета	4	3/4	4/3	2,5/5	4,5/2	3/4	3,5/4	3/4	4/3
Смотрит на свое отражение в зеркале	5	4/4	4/4	3,5/5	5/3	4,5/4	4/4	4/4	5/3
Узнает бутылочку или грудь	5	4/4	4,5/4	3,5/5	5/3	4/4	4/4	4/4	3,5/5
Реагирует на маску	5	4/4	5/3	4/4	5/3	5/3	4,5/4	5/3	5/3
Рассматривает окружение на улице	6	5/4	5/4	4/5	5,5/4	4/5	5/4	5/4	6/3
Глазами выбирает любимую игрушку	6	5/4	6/3	4,5/5	5,5/4	5/4	5,5/4	5,5/4	6/3
В новом месте осматривается, может быть напуган	6	5/4	5/4	4/5	6/3	5/4	7/2	6/3	3/5
Выражение лица меняется в зависимости от выражения лица взрослого	6	5/4	5/4	4,5/5	6/3	6/3	6,5/2	6,5/2	4/5
Узнает мелкие предметы (крошки хлеба, маковые зернышки) на расстоянии 20-40 см	8	6,5/5	7,5/4	7/4	7/4	7/4	7/4	8/3	7/4
Отличает своих от чужих по внешнему виду	8	6/5	6/5	7/4	7/4	6,5/5	6,5/5	6/5	5/5
Следит за игрой в мяч	9	6/5	7/5	7/5	7/5	7/5	7/5	7/5	7/5

Таблица 4.

Специфика развития слуха

Психофизиологические реакции	Норма развития (мес)	Дети, возраст появления реакции (мес/баллы)							
		1д	2д	3д	4д	5м	6м	7м	8м
Слух									
Вздрагивает или мор-гает при резком звуке	0	0/3	0/3	0/3	0/3	0/3	0/3	0/3	0/3
Прислушивается к звуку колокольчика	1	1/3	1/3	0,5/4	1,5/2	1/3	1/3	1/3	1/3
Прислушивается к звуку погремушки	2	1/4	2/3	1/4	2/3	1,5/4	1,5/4	1/4	2/3
Прислушивается к голосу взрослого	2	1,5/4	2,5/2	1/4	2/3	2/3	2/3	2/3	¼
Улыбается, когда слышит голос взрослого	2	1,5/4	2,5/2	1,5/4	2,5/2	2/3	2/3	2/3	1,5/4
Замирает, когда слышит новый звук на фоне других	2,5	2/4	3/2	1,5/4	3/2	2,5/3	2,5/3	2/4	2,5/3
Прислушивается к музыке	3	2/4	3/3	2/4	3/3	3/3	3/3	2/4	3/3
Гулит в ответ на зву-ковую стимуляцию	3	3/3	3/3	2/4	3/3	2,5/4	2,5/4	2/4	3/3
Различает голос матери от других	3	2,5/4	3/3	2/4	3,5/2	2,5/4	2,5/4	2/4	2/4
Выделяет любимую музыку	4	4/3	4/3	3/4	4,5/2	3,5/4	3,5/4	4/3	4/3
Избирательно внима-телен к определенным звукам, что зависит от характера звука, а не от интенсивности	4	4/3	4/3	3/4	4,5/2	4/3	4/3	4/3	4/3
Иногда поворачивает голову к источнику звука, если он находится на уровне звука	4	4/3	4/3	3/4	4,5/2	3,5/4	3,5/4	3,5/4	4/3
Трясет погремушку, делает паузу и снова трясет	4	3,5/4	4/3	3/4	4,5/2	4/3	4/3	4/3	4/3
Слушает говорящего и реагирует на прекращение разговора	4	3,5/4	4/3	3/4	5/2	4/3	4/3	4/3	4/3
Переводит взгляд с одного говорящего на др.	5	4/4	4/4	4/4	5/3	4,5/4	4,5/4	4,5/4	3/5
Смотрит внимательно на объект, издающий звук	5	4/4	4/4	3,5/5	5,5/2	4,5/4	4,5/4	4/4	3/5
Эмоционально реагирует на издающие голоса	6	5/4	5/4	4/5	6/3	5,5/4	5,5/4	5/4	4/5
Отчетливо находит источник звука (лежа на спине)	6	4,5/5	5/4	4/5	6/3	5/4	5/4	5/4	4/5
Прислушивается к ше-поту и др. тихим звукам	6	4,5/5	5/4	4/5	6/3	5/4	5/4	5/4	5/4
Смеется в ответ на не-которые звуки	6	3,5/5	5/4	4/5	6/3	6/3	6/3	4,5/5	4/5
В положении сидя по-ворачивается к источ-нику звука	7	6,5/4	6,5/4	5/5	6,5/4	6,5/4	6,5/4	7/3	7/3
Пытается воспроизвести мелодию услышан-ной речи	7	6,5/4	7/3	5/5	6,5/4	7/3	7/3	7/3	6/4
Интересуется предме-тами воспроизводящи-ми звук	8	6/5	6/5	5,5/5	7/4	7/4	7/4	7/4	6/5
Пытается воспроизвести услышанные новые звуки	9	6/5	8,5/4	6,5/5	8,5/4	8/4	8/4	8/4	8/4

В таблице 4 представлены данные о психофизиологических реакциях детей, связанных со звуком. Мы отмечаем выявленные ранее закономерности: до 4 месяцев дети развиваются примерно одинаково. В 4 месяца появляются навыки, связанные с общением, появляется большее разнообразие в начале появления навыка. Например, слушает говорящего и реагирует на прекращение разговора. В норме эта реакция

проявляется в 4 месяца. В нашей выборке один ребенок обнаружил данную реакцию позднее на месяц- в 5 месяцев, двое раньше на 0,5 месяцев, остальные соответствовали норме.

Отчетливо видно, что практически все реакции большая часть детей обнаруживает раньше обозначенного нормой времени.

На следующем этапе было проанализировано развитие у ребенка общения со взрослым (Табл. 5).

Таблица 5

Развитие общения

Психофизиологические реакции	Норма развития (мес)	Дети (возраст появления реакции, мес/баллы)							
		1д	2д	3д	4д	5м	6м	7м	8м
Улыбается, издает радостные звуки в ответ на голос и улыбку взрослого	2	2/3	3/2	1/4	3/2	2,5/2	2/3	2/3	2/3
Поддерживает зрительный контакт с говорящим	3	2,5/4	3/3	1,5/5	3/3	3/3	3/3	3/3	3/3
Оживляется или подает голос, когда к нему обращаются	4	3,5/4	3,5/4	1,5/5	3,5/4	3/4	3,5/4	3,5/4	3/4
Протестует, когда теряет взгляд взрослого или он хочет уйти	4	4,5/2	4/3	2/5	4/3	4,5/2	4,5/2	4,5/2	4/3
По ситуации понимает, что его сейчас будут кормить и успокаивается	5	5/3	4,5/4	2,5/5	5/3	4/4	4,5/4	4,5/4	5/3
Обменивается со взрослым звуками и выражением лица	5	5/3	4/4	3,5/5	5/3	5/3	4,5/4	4,5/4	4/4
Отворачивается, плачет, когда хочет избежать нежелательного события или контакта	6	5,5/4	5,5/4	4/5	6/3	6/3	5,5/4	5,5/4	4,5/5
Проявляет интерес к человеку взглядом, попыткой дотянуться или голосом	6	5/4	5/4	4,5/5	6,5/2	6/3	5/4	5/4	6/3
Требуя продолжения какого-либо занятия, начинает двигаться, ищет зрительного контакта или подает голос	6	5/4	7/2	4,5/5	6,5/2	6,5/2	5/4	5/4	6/3
Улыбается своему отражению в зеркале	6	4,5/5	4,5/5	3,5/5	6,5/2	5/4	4/5	5/4	6/3
Повторяет действие, вызывающее интересную реакцию у взрослого	8	6/5	7/4	5/5	7,5/4	6/5	7/4	7/4	8/3
Движениями и звуками привлекает внимание взрослого	8	6/5	6/5	5,5/5	8/3	6/5	7/4	7/4	8/3
Тянет руки на встречу к взрослому	8	7/4	8/3	6/5	8,5/2	6,5/5	7/4	7/4	6/5
Играет в прятки	8	6/5	8,5/2	7/4	8,5/2	8/3	7/4	7/4	9/2

Реакции ребенка в процессе общения в значительной мере зависят и от взрослого, участвующего в общении. Именно поэтому мы видим значительное разнообразие реакций детей.

Улыбается, издает радостные звуки в ответ на голос и улыбку взрослого. Норма формирования реакции – 2 месяца. Одна девочка обнаруживает эту реакцию уже в 1 месяц, одна – в 3 месяца. Остальные дети выполняют ее близко к норме.

Подобное правило сохраняется и для других реакций, представленных в таблице 5.

Оценивая развитие речи, можно видеть различие в скорости формирования этого важнейшего психического познавательного процесса.

Таблица 6

Развитие активной речи

Психофизиологические реакции	Норма (мес)	Дети, возраст появления реакции (мес/ баллы)							
		1д	2д	3д	4д	5м	6м	7м	8м
Развитие активной речи									
Произносит гласные звуки, иногда с сочетанием с согласными, гулит	4	4/3	3,5/4	3,5/4	5/2	4/3	3/4	3/4	3/4
Произносит серии одинаковых слогов: «баба», «мама»	10	7/5	9/4	7/5	10/3	8/5	7,5/5	8/5	8/5

Анализируя результаты, представленные в таблице 6, можно заметить, что чем позднее возникает поведение, тем больше разнообразие в возрасте, когда это поведение возникает. Практически не отмечается более позднее формирование поведения, но многие дети опережают норму.

Аналогичные закономерности отмечаются при оценке наглядно-действенного мышления ребенка (Табл.7). Разброс составляет примерно один месяц в обе стороны от нормы, но больше детей опережает норму, чем отстает от нее. Однако есть ребенок, который на 3,5 месяца ранее стал возвращать взгляд на лицо.

Таблица 7.

Развитие мышления

Психофизиологические реакции	Норма развития (мес)	Дети, время появления реакции (мес/балл)							
		1д	2д	3д	4д	5м	6м	7м	8м
Развитие мышления									
Настойчиво пытается что-либо достать	5	5/3	5/3	4/4	5/3	5/3	5/3	5/3	6/2
После отвлечения, возвращает взгляд на то место или лицо, где был взгляд	9	5,5/5	7/5	7/5	9/3	6/5	7,5/5	8/4	7,5/5

Пищевое поведение в этом возрасте несет в себе как отпечаток наглядно-действенного мышления, так и попыток общения со взрослым. Оно представлено в таблице 8.

Держит бутылочку или придерживает грудь матери. Норма формирования навыка – 7 месяцев. Три ребенка проявляют это поведение уже 5,0-5,5 месяцев. Но одна девочка незначительно отстает от нормы.

Помогает держать чашку, из которой пьют. Норма формирования – 9 месяцев. Четверо детей значительно опережают норму и выполняют действие в 6,5-7,5 месяцев.

Ташит в рот сухарик, сосет его. Норма формирования навыка – 9 месяцев. Шестеро детей значительно опережают норму, выполняя действие в 4,0-7,5 месяцев.

Следующий этап состоял в том, чтобы сопоставить особенности развития детей с характеристиками матерей. Для каждого ребенка данные по всем таблицам были

переведены в баллы в соответствии с тем, насколько темпы развития ребенка были адекватны типичному развитию, оцененному ранее. Эти данные были сопоставлены с результатами, полученными при обследовании матерей.

Таблица 8.

Развитие навыков приема пищи

Психофизиологи-ческие реакции	Норма (мес)	Дети, возраст появления реакции (мес/балл)							
		1д	2д	3д	4д	5м	6м	7м	8м
Развитие навыков приема пищи									
Производит жеватель-ные движения (двига-я челюстями вверх, вниз)	6	4,5/5	5/4	5/4	6/3	5,5/4	5,5/4	5/4	6/3
Ест густоватую пищу с ложечки, захватывая ее губами	6	5/4	5/4	5/4	5,5/4	5,5/4	5/4	4,5/5	6/3
Держит бутылочку или придерживает грудь матери.	7	5/5	6/4	5,5/5	7,5/2	5/5	6/4	6/4	6/4
Направляет бутылочку: тянет ко рту или отталкивает	7	5/5	7/3	6/4	8/2	6/4	6/4	6/4	6/4
Пьет из чашки, которую придерживает взрослый	8	6/5	7/4	7/4	8,5/2	7/4	7,5/4	7/4	9/2
Помогает держать чашку, из которой поят	9	6,5/5	7/5	7,5/5	9/3	7,5/5	8/4	8/4	9/3
Тащит в рот сухарик, мусолит его	9	4/5	6/5	7,5/5	9/3	7/5	7,5/5	7/5	8/4

Результаты свидетельствуют о том, что существует значимая корреляционная связь между уровнем привязанности матери и темпом развития ребенка: чем выше уровень привязанности матери к ребенку, тем выше темп его развития.

Коэффициент корреляции $r=0,28$.

Связи между эмоциональным интеллектом матери и темпом развития ребенка нет ($r=0,15$).

Ранее подобная зависимость была получена и для двухлетних детей [10]. Все это свидетельствует о значимости факта желанности ребенка в семье.

Возможно, многие матери не могут описать словами свои чувства, но высокий уровень привязанности к ребенку обеспечивает последнему хороший уход.

Выводы.

1. В первые 4 месяца жизни отмечается небольшое отклонение параметров развития ребенка от нормы, тогда как после 4 месяцев начало различных видов поведения у детей чрезвычайно варьирует. Можно предположить, что в первые четыре месяца преобладает генетически запрограммированный путь развития. В более позднем возрасте разнообразие поведения определяется качеством ухода за ребенком.
2. В первые 8 месяцев не выявлено половых различий во времени появления тех или иных навыков.
3. Выявлена значимая корреляционная связь между уровнем привязанности матери к ребенку и более ранним проявлением у него того или иного вида поведения. Следовательно, развитие ребенка в возрасте от 4 до 8 месяцев в значительной мере предопределяется уходом за ним.

Литература

1. Безруких М. М., Сонькин В. Д., Фарбер Д. А. Возрастная физиология: (Физиология развития ребенка): Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / — М.: Издательский центр «Академия», 2002. — 416 с. ISBN 5-7695-0581-8
2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб: Питер, 2008.
3. Верещагина Н.В., Николаева Е.И. Тест-опросник, оценивающий отношение матери к ребенку первых двух лет жизни // Вопросы психологии. 2009. № 4. С.151-159.
4. Казьмин А.М., Казьмина Л.В. Дневник развития ребенка от рождения до 3-ех лет. М.: Когито-Центр, 2008.
5. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития — СПб.: Питер, 2005.
6. Леутин В.П., Николаева Е.И. Предупреждение невротических реакций у детей дошкольного возраста (методическое письмо). Новосибирск, 1988.
7. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004.
8. Мухамедрахимов Р. Ж. Мать и младенец психологическое взаимодействие. СПб: СПГУ, 2003.
9. Николаева Е.И. Психофизиология. Уч для вузов. Рек. МО РФ. М.: ПЕР СЕ, 2008.
10. Николаева Е.И. Наказания и поощрения в современной семье: данные последних исследований // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2008. Т.2.В.2 С.70-78.
11. Николаева Е.И., Меренкова В.С. Влияние особенностей привязанности матери к ребенку первых лет жизни и ее реагирования в эмоциональной ситуации на здоровье ребенка // Вопросы психологии. 2010. №2. С. 65-72.
12. Николаева Е.И., Сафонова А.М. Детская психическая травма как отзвук социальных потрясений // Историческая психология и социология истории. 2010.Т.3, №1. С. 184-194.
13. Николаева Е.И., Сафонова А.М., Альперина Е.Л., Леутин В.П. Анализ рассогласования фактической и регистрируемой заболеваемости неврозами с помощью теста инверсии эмоционального отражения // Бюллетень СО АМН СССР. 1990. N 3-4. С. 36-40.
14. Обухова Л.Ф. Детская психология. М.: Юрайт, 2014.
15. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Ремис, 2008
16. Сирс У., Сирс М., Сирс Р., Сирс П. Ваш малыш от рождения до двух лет.М.: Эксмо, 2012.
17. Nikolaeva E.I., Merenkova V.S. The Effect of a Mother's Level of Attachment and Her Emotional Intelligence on a Child's Health during Its First Year of Life// Psychology 2013. Vol.4, No.5, 483-487.

THE RELATION OF THE DEVELOPMENT OF THE CHILDREN OF THEIR FIRST YEARS WITH PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THEIR MOTHERS.

In the article the variability of children's development from the birth to 8 months is analyzed. The longitudinal analysis was made of the mothers' notes of 8 children (4 boys and 4 girls) about the peculiarities of their children development. The dairy of child's development by Kasmins' (2008) were used as a example. The receiving data were translated into scores and were compared with mothers' attachment (Vereshagina, Nikolaeva, 2009) and emotional intelligence (Lusin, 2004) levels. It was shown that children develop in concordance with norm

till 4 month, but later there is the variety of the beginnings of the different type of the behaviors. It was shown the significant connections the accelerated child's development with the mothers' attachment level. There are no significant connections between emotional intelligence and accelerated child's development.

Key words: emotional intelligence, attachment, hearing, vision, communication, thinking, development, child.

УДК 159.91

**МЕТАФОРА ЯНУСОВИДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЧАСТЬ 1:
КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КРЕАТИВНОСТИ**

Вергунов Е. Г.

*Россия, Новосибирск, Научно-исследовательский институт физиологии и
фундаментальной медицины» СО РАМН,
vergounov@gmail.com*

Работа поддержана грантом РГНФ 14-06-00195.

Рисунки выполнила художник Т. А. Павлюк

В работе показан первый этап разработки методики невербальной оценки мотивации к деятельности (в том числе креативной) – описание требований к инструменту измерения. Описываются проблемы, с которыми сталкивается исследователь в психофизиологическом исследовании, когда требуется количественно измерить креативность. На основе изучения литературы и собственного опыта исследования креативности и связанных с ней вопросов, делается вывод о том, что одним из наиболее значимых (и прогностичных) аспектов при определении креативности является оценка мотивации к креативной деятельности. В связи с этим предлагается оригинальное решение – разработать методику для невербальной оценки мотивации к креативной деятельности (как одного из компонентов деятельности) на основе построения метафоры янусовидной деятельности. В качестве стимульных материалов для методики предлагается взять оригинальные рисунки-метафоры, которые передают различные аспекты янусовидной деятельности (в пилотажных исследованиях используются метафорические карты из модели «BASIC Ph»), и регистрировать латентное время выбора для каждой метафоры. Для каждого испытуемого методика должна выравнять индивидуальную сложность выполнения заданий (согласно подходу К. Халла), выявлять влияние социальной желательности на реакции выбора и оценивать нестабильность ответов (в секундах).

Ключевые слова: креативность, невербальная метафора, янусовидная деятельность, латентное время выбора.

Творчество – концепт, который имеет сложную нейро-психо-философскую основу [28]. Обзор полемики вокруг вопроса о творчестве и смежных с ним понятиях [43, 35, 40, 31, 29, 12, 34, 21] показывает, что

- до сих пор нет надёжного и общепризнанного инструмента для количественного измерения показателей, связанных с творчеством,

- в научных источниках отсутствует обсуждение требований к самому «техническому заданию», нет чётких представлений, каким должен быть этот инструмент.

Таким образом, мы предлагаем на обсуждение возможное решение – разработку требований и первые шаги по реализации инструмента, который бы соответствовала этим требованиям. Методологически мы придерживаемся исследовательской парадигмы, в которой должны быть:

(1) Некая теория (в простейшем варианте – набор аксиом), которая определяет предмет изучения, связывает (2) с (3) и указывает границы, в пределах которых это всё вместе работает предсказуемым образом.

(2) Индикатор – практический смысл одного количества предмета изучения (например, индивид А в состоянии А1) по отношению к другому количеству (индивид Б в состоянии Б1 или тот же А, только в состоянии А2): как эта разница улучшит или ухудшит жизнедеятельность Б или А в состоянии А2 по сравнению с А1; этот индикатор работает и в обратную сторону: если он изменился, то однозначно меняется количество предмета изучения.

(3) Инструмент измерения количества предмета изучения, которое относится к конкретным состояниям (А1, Б1 или А2) и находится в пределах границ (1).

Поскольку для круга понятий, связанных с творчеством, пока ещё нет общепризнанной теории и терминологии [12], то для пункта (1) введём специальный предмет изучения – *креативность* и дадим ему специальное категориальное определение, исходя из наших целей. Первым употребил это понятие Д. Симпсон в 1922 году, и с тех пор известно более 60 определений, но так и не появилось единого толкования: идёт речь одновременно о процессе, продукте, личности и условиях [12]. Поэтому, чтобы не нагружать изложение излишними связями, мы дадим своё – такое, которое допускает количественное измерение и соотнесение количества креативности с любым представлением о творчестве путём корреляционного исследования. Р. Стенберг [38] выделяет несколько подходов к изучению творчества (психоаналитический, когнитивный, психометрический, социально-личностный и др.), но для категориального определения *креативности* сейчас наиболее эффективным будет операциональный подход. Такой приём успешно применил А. Бине в аналогичной ситуации («интеллект – это то, что измеряют мои тесты»). Наше операциональное определение сложнее, чем у А. Бине:

- если мы всю совокупность представлений и концепций о творчестве (существующих сейчас и появляющихся в будущем), которые имеют свои методики численного измерения, объединим в одно множество Т, тогда *креативность* с любым из элементов Т может быть в одном из следующих отношений

- (а) количество *креативности* является причиной количества данного элемента Т;
- (б) количество *креативности* является следствием количества данного элемента Т;
- (в) количество *креативности* сопутствует количеству данного элемента Т, причём характер корреляции может быть функцией от количества *креативности* или Т.

В дальнейшем (при появлении в множестве Т общепризнанной теории творчества) сама креативность и её инструменты могут быть легко переопределены через понятийный аппарат новой теории.

Поскольку в предлагаемой модели креативности формы связей явно не указаны, то появляется первое требование к инструменту измерения: он должен быть робастным. В числе наиболее важных особенностей робастной методики можно отнести следующее:

- эффективность при любом виде распределения получаемых данных,
- надёжность результатов при возникновении ошибочных ситуаций как внешнего, так и внутреннего происхождения (в том числе устойчивость к резким перепадам измеряемых значений – статистическим «выбросам»).

Робастные инструменты обычно используются для обеспечения хорошего качества измерений при неполной (неизвестной) математической модели, наличии неопределённости, воздействии деструктивных факторов.

Для конкретики приведём аналогию с математической обработкой результатов полевых психологических исследований. Методы, обычно используемые отечественными исследователями, относятся к параметрической статистике. Они являются мощными, дают много возможностей. Но при этом нуждаются в большом количестве данных и обязательно требуют их распределения по нормальному (гауссовскому) закону. При этом каждый исследователь сталкивается с тем, что реальные полевые результаты обычно далеки от гауссовой кривой. Более того, в отечественных ГОСТах по статобработке (принятых ещё в СССР, действующих поныне и о которых современные исследователи, вполне возможно, не знают) указано, что экспериментальные данные ДОЛЖНЫ быть приведены к гауссовой кривой. Как образом? Вот несколько способов, рекомендуемых для различных ситуаций:

- сглаживание сырых данных,
- трансформация сырых данных в новые величины, которые по своему определению имеют нормальное распределение,
- отбраковка (исключение из обработки) статистических выбросов.

Мы акцентируем внимание читателя на разнице между тем, что «сырые данные ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ нормальное распределение», и тем, что «сырые данные ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРИВЕДЕНЫ к нормальному распределению». Но, к нашему сожалению, обсуждение этого важного вопроса выходит за рамки статьи.

С широким распространением робастных подходов в параметрической статистике стали применяться критерий Смирнова-Граббса, L- и E- критерии Грительна и Мура, и при подтверждении этими фильтрами наличия выбросов для устойчивых оценок средних величин используют методы Пуанкаре, Хубера или Винзора.

А теперь все эти сложности сравним с непараметрической (ранговой) статистикой, которая становится всё популярнее в связи с её высокими робастными возможностями. Для применения ранговых методов нам не требуется знание точных параметров закона распределения сырых данных, а необходимо и достаточно одного предположения – что у этих данных в принципе существует какой-то закон распределения [18].

Это пример нам понадобился, чтобы подчеркнуть – нам нет необходимости точно описывать связи в модели на данном этапе построения модели (хотя с понятийной точки зрения иметь такое описание желательно). Для создания робастного инструмента достаточно постулировать, что такие связи имеют место быть. В робастном инструменте должно быть:

- (а) большое число разных, но равнозначных вариантов предъявления;
- (б) учёт степени сложности задания для каждого испытуемого;
- (в) невысокая социокультурная обусловленность результатов (испытуемый) и их интерпретаций (исследователь);
- (г) минимальное время проведения теста (низкая степень утомления испытуемого);
- (д) малая трудоёмкость обработки (возможность полной автоматизации);
- (е) контроль таких факторов, как социальная желательность, аггравация, симуляция и т.д. (шкала достоверности).

Для сравнения рассмотрим отечественный вариант методики П. Торренса [22]. Как показывают лонгитюдные результаты по выборкам американских и российских школьников, средние баллы невербальной (образной) креативности с увеличением

возраста не имеют достоверных отличий между этими выборками, в то время как средние баллы вербальной креативности меняются:

- средние баллы по выборкам американских школьников (которые в начальной школе изначально более низкие, чем у российских школьников) имеют тенденцию к росту за 9 школьных лет,

- средние баллы по выборкам российских школьников за 9 лет не имеют тенденции к росту.

Поэтому далее будем рассматривать только невербальную батарею (аудиальной в отечественном варианте нет) – в соответствии с пунктом (в). Теперь определимся с тем, что измеряет отечественный вариант [12, 23, 21]: шкалы коррелируют друг с другом с различной силой для разных возрастов, в основе корреляций лежит шкала беглости. Это позволяет сделать вывод, что основной измеряемый параметр в методике – «количество дивергентного мышления», что не всеми авторами соотносится как полная тождественность креативности ([3], [21] и др.). В основе дивергентности мышления могут быть различные психологические процессы: от проявления творческих возможностей до гиперкомпенсации интеллектуальной недостаточности (оригинальничание) и психической неадекватности [12].

Такой вывод соответствует современному взгляду на психометрические измерения креативности (как дивергентного мышления) и интеллекта (как конвергентного мышления), хотя данная психометрическая парадигма за столетие своего существования не привела к прорывным открытиям в этих областях [32]. При этом сам П. Торренс считал, что высокий уровень креативности без адекватной творческой мотивации не приведёт к творческим успехам [41]. Но измерение уровня творческой мотивации в его методике не предполагается.

По пункту (а). Есть всего один вариант предъявления, что ставит в неравное положение тех, кто его выполняет в самый первый раз и тех, кто его уже выполнял или знает о его заданиях. Более того, П. Торренс указывает, что во время тестирования недопустима утечка информации о заданиях.

По пункту (б). В методиках на оценку конвергентного мышления сложность заданий разрабатывается на основе баланса количества их решивших и нерешивших испытуемых. В нашем случае можно использовать подход К. Халла [36]:

- задание для данного испытуемого можно считать лёгким, если его верные реакции имеют силу привычки (привычные), или в данной ситуации они не имеют конкуренции со стороны неверных реакций; но при этом само по себе привычное (заученное) не может без участия мотивационного компонента быть гарантом того, что данная деятельность будет осуществлена;

- задание для данного испытуемого можно считать трудным, если его верные реакции не имеют силу привычки, или в данной ситуации они подавляются неверными реакциями или другими, иррелевантными привычками.

Сравнение результатов испытуемых, которые имеют существенные отличия в языковых (для вербальной батареи) или изобразительных (для образной батареи) навыках без учёта сложности заданий для испытуемых представляется не совсем корректным – даже при том, что само наличие таких навыков может быть связано с креативностью (см. обсуждение далее концепции Т. М. Amabile о креативности при решении конкретной задачи).

По пункту (в). С одной стороны, стимульный материал невербальный, но его обработка происходит через вербальные конструкторы (например, оригинальность рисунка, абстрактность названия). При этом нужны обновляемые (раз в несколько лет) таблицы

для разных возрастов испытуемых, направленностей образования (гуманитарное, техническое...) и культурных слоёв (город, деревня...) на основе репрезентативных выборок. Нет также данных о том, имеются ли половые различия в результатах теста по различным возрастным периодам испытуемых.

По пункту (г): время, нужное для получения сырых баллов по шкалам превышает время самого тестирования, причём процедура не может быть полностью автоматизирована.

По пункту (д). На проведение батареи (с учётом организационных моментов) надо около 45 минут, причём для младших возрастов рекомендуется невербальную батарею выполнять отдельно (в другой день) от вербальной батареи (ещё час).

По пункту (е). Оценка достоверности результатов отсутствует. Более того, нам не удалось найти в литературе обсуждение вопросов внутренней согласованности шкал теста: в каждую шкалу входят результаты нескольких (или всех) заданий батареи, но нет данных о том, насколько «пункты шкал» из разных заданий измеряют одно и то же.

Всё вышеизложенное показывает, что для полевых исследований в нашем отечестве этот тест нуждается в тщательной подготовке – как самих исполнителей, так и свежих стандартизованных данных. И при этом методика чувствительна к особенностям выборки и способа предъявления стимулов. Также отметим из собственной практики, что один и тот же материал (от одного и того же испытуемого) разные исследователи могут интерпретировать различно. Робастная методика должна быть максимально свободна от таких ситуаций.

Теперь про практические индикаторы. Все исследователи согласны в том, что повышение креативности – это благо [41, 17, 42, 29, 3, 34, 12, 21, 4] для личностного роста и самореализации в социуме... Хотя биографии выдающихся (с точки зрения креативности) людей показывают, что уровень их таланта был не всегда сопоставим со статусом в социуме. И вот у нас возникает простая ситуация: допустим, что испытуемый А набрал в тесте креативности (пусть будет тест Торренса, Гилберта, или какой-то другой) существенно больше баллов, чем испытуемый Б (то есть у А абсолютное значение количества креативности больше, чем у Б). Тогда логично задать вопросы:

- как у А в его реальной деятельности проявляется это отличие (преимущество или, возможно, совсем даже и не преимущество) – по сравнению с Б, как мы это увидим? А если нет такого показателя, то тогда что нам дают подобные измерения креативности?

- что надо делать Б в течение какого-то времени, чтобы в следующий раз в подобном тесте получить результат, более близкий к А? Причём речь идёт не о «натаскивании» на выполнение теста, а об участии Б в некоторой продуктивной деятельности.

Если же теория креативности, по которой был построен тот самый тест, предписывает, что креативность изначально предопределена и не может быть кардинально изменена, то тогда нужно не тестирование, а исследование на наличие «гена креативности», конституциональных особенностей либо чего-то другого из этой области (это тот же самый индикатор, только односторонний). Если теория креативности предполагает, что мы как-то можем влиять на уровень креативности, то тогда тем более должен быть индикатор. И этот индикатор в свою очередь должен быть взаимоувязан с инструментом измерения количества.

Что же может быть таким индикатором в нашем случае, если даже классические подходы к изучению креативности его не имеют? Наше первое побуждение – взять количество «счастья в жизни» непосредственно и соотнести его с количеством креативности.

Исследование вопросов счастья такую мысль также подтверждает: для счастья нужна креативность какого-нибудь вида. А само счастье можно измерять количественно – как, например, количество времени (за сутки, неделю, месяц, год), в течение которого человек чувствует себя счастливым [24]. Но есть два момента:

- опять-таки биографии талантливых людей показывают, что тут есть сложная нелинейная многофакторная связь, которая не позволяет сделать надёжный прогноз;
- авторы теорий, связывающих счастье с креативностью, не дают нам инструмента количественного измерения креативности в своём понимании.

Современное видение вопроса об условиях креативной деятельности к ним относит наличие мотивации к креативной деятельности. И даже более того, мотивация к креативной деятельности рассматривается как основа успешности такой деятельности [10]. Краткий обзор (ниже) показывает, что креативность неразрывно связана с мотивацией к креативной деятельности, и именно уровень такой мотивации может стать требуемым индикатором.

В модели стилей управления И. Адизеса [25] есть четыре фактора, один из которых (Е) может быть связан с конструктом «креативность»:

Р – Материальная деятельность (что сейчас делать, задачи)

А – Административная деятельность (как сейчас делать, ритуалы)

Е – Генерация перспективных идей (зачем и когда делать, цель)

І – Внутреннее сплочение (кто будет делать, социальная интеграция)

На Рисунке 1 показано участие Е-стиля управления (креативного) в жизненном цикле предпринимательской идеи [25]: без участия Е-стиля невозможно ни появление идеи на свет, ни её развитие, ни процветание.

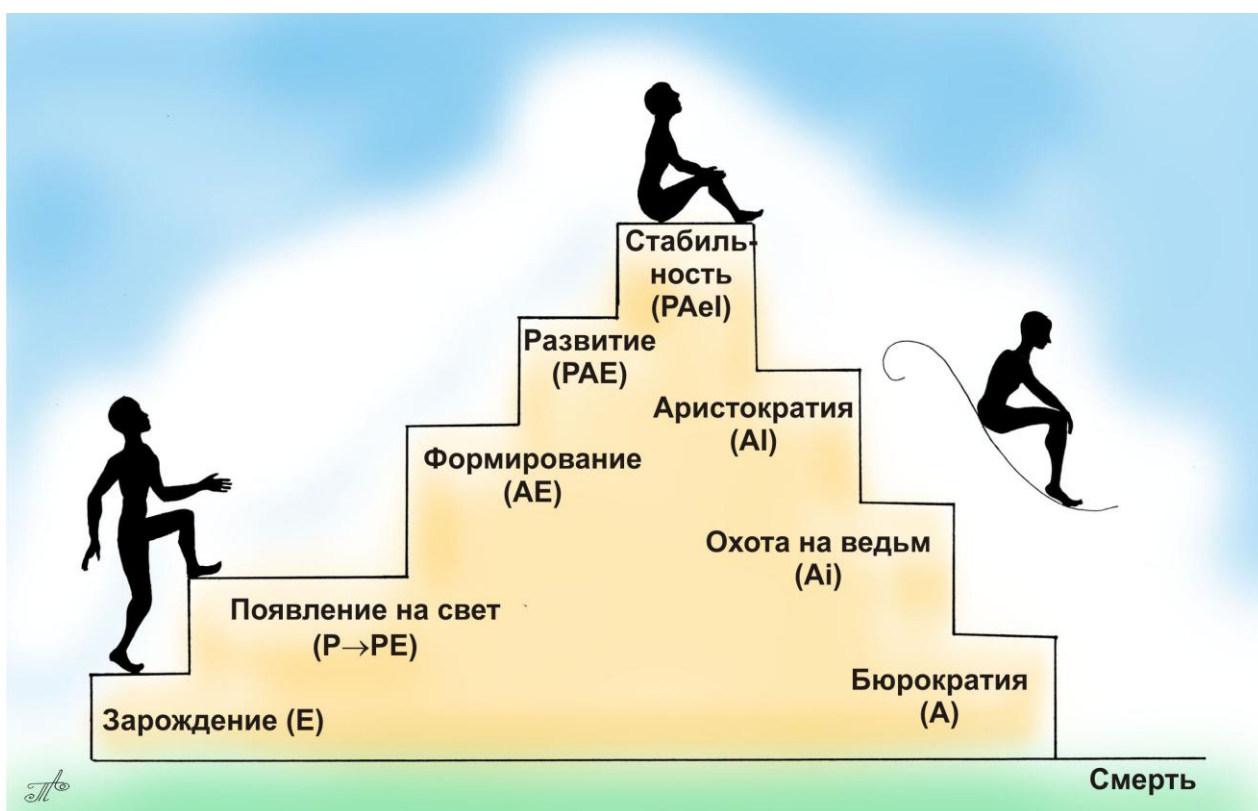

Рис. 1. Участие Е-стиля управления (содержащего креативность) в жизненном цикле предпринимательской идеи на стадиях её появления и развития, по [25]

Поскольку стили управления (включающие в себя мотивации и предпочтения к

определённой деятельности) можно развивать, то на уровень креативности в определённых случаях можно влиять в некоторых пределах, опираясь на изначальные показатели шкал [26]. Так как креативность (как и другие шкалы) измеряется (опросник) методом ранжирования то мы в итоге получаем не абсолютное количество креативности, а только её выраженность по отношению к другим шкалам. То есть мы не можем сказать, кто из двух испытуемых имеет больше креативности, но можем сказать, кто из них больше мотивирован к деятельности, которая связана с креативностью. В этом контексте понятие «увеличить количество креативности» означает «развивать мотивацию к креативной деятельности». И если человек больше занимается (и при том с удовольствием) креативной деятельностью, то это соответствует более высоким баллам по шкале креативности (и наоборот).

Здесь с точки зрения индикатора и инструмента для количественного измерения креативности всё обстоит хорошо, причём эта модель работает уже несколько десятков лет.

В модели Ш. Ричи и П. Мартина [19] ещё более прямая связь креативности с мотивационными предпочтениями: один из 12 факторов мотивации является креативностью. Количество креативности измеряется путём ранжирования по опроснику, увеличение количества креативности – это формирование/развитие соответствующей мотивации. Так что мы опять не имеем абсолютного значения количества креативности, но зато имеем модель, которая успешно работает в течение десятков лет. В рамках исследования мотивации к труду было проведено изучение модели Ш. Ричи и П. Мартина на наличие факторов второго порядка на выборке из 292 испытуемых [1], а также были определены значения α -Кронбаха и актуальные средние величины для исходных (и новых) шкал. Наиболее содержательной стала четырёхфакторная структура (метод главных компонент). Полюсы первого фактора (по вхождению исходных факторов Ш. Ричи и П. Мартина, обсуждаем только вхождения при абсолютном значении $r > 0,3$):

- высокий заработок и материальное поощрение ($r=0,74$); физические условия работы ($r=0,65$);
- самостоятельность достижения целей ($r=-0,75$), профессиональный/личностный рост ($r=-0,43$); креативность ($r=-0,43$).

Если человек хочет проявить креативность, самому себе ставить (и достигать) цели, в том числе и в плане роста (личностного и/или профессионального), должен быть готов за это платить. Ценой (на данном этапе, по крайней мере) может быть либо отказ от притязаний на обеспеченность и престижную работу в комфортных условиях, либо получение дохода от какой-то другой деятельности, а свои задачи – в свободное от этой деятельности время.

Полюсы второго фактора:

- социальные контакты ($r=0,84$); взаимоотношения ($r=0,79$);
- высокий заработок и материальное поощрение ($r=-0,32$).

Интерпретация этого фактора очевидная: человек за возможность вести необходимую ему социальную активность иногда готов пожертвовать уровнем доходов.

Полюсы третьего фактора:

- разнообразие и перемены ($r=0,83$); креативность ($r=0,53$);
- структурированность ($r=-0,73$).

Если человеку нужны изменения и нововведения, то он отказывается от стабильности и надёжности.

Полюсы последнего фактора:

- власть и влияние ($r=0,71$);
- профессиональный/личностный рост ($r=-0,67$); востребованность ($r=-0,64$).

Если человек хочет применить свою влияние здесь и сейчас для получения выгод в тактическом плане (например, получить всё и сразу – локальный максимум), то за это он может заплатить отсутствием перспективы (потеря пути к глобальному максимуму).

Таким образом, можно считать, что мотивация человека может быть связана с целями в материальном или социальном плане, избегании рутины или подтверждении своего текущего статуса от окружающих. Стоит отметить, что только материальный достаток, креативность и профессиональный/личностный рост входят в факторы дважды. Можно предположить, что креативность (наряду с профессиональным/личностным ростом) имеет на мотивацию к труду влияние, сопоставимое с влиянием материального достатка.

Возникает логичный вопрос: как формировать (сохранять, развивать) мотивацию – в том числе к креативной деятельности? Так как И. Адизес, Ш. Ричи и П. Мартин работают в области организационного поведения, то их ответ такой (для примера рассмотрим креативную деятельность):

- проводится отбор кандидатов по качественным признакам (наличие любопытства, пытливости и др.), а не по формальным (образование, стаж и др.);
- кандидаты помещаются в условия трудового или учебного коллектива, где нужно качество (креативность) относится к числу основных ценностей организационной культуры;
- происходит адаптация нового работника к оргкультуре данного типа, усвоение её ценностей.

Своё видение процесса формирования мотивации описывает специалист по счастью М. Чиксенмихайи, который показывает, что у человека появляется устойчивая мотивация к деятельности (в том числе креативной), если [24]:

- он в этом успешен, и социум его вознаграждает;
- он это умеет делать, знает правила и следует установленному порядку;
- у него есть всё необходимое для этой деятельности.

Д. Б. Богоявленская [3] полагает (и это близко к представлениям М. Чиксенмихайи), что креативность возникает тогда, когда происходит выход за рамки поставленных задач. Всё, что необходимо для решения задачи (даже если она сама по себе имеет творческий характер) – это не креативность, а достижение результата (то есть ближе к репрезентативной деятельности по Л. С. Выготскому [8]). А креативность – это то, что остаётся у человека в сухом остатке за вычетом достигнутого результата. Таким образом, мотивация к креативной деятельности может формироваться при развитии навыка выхода за рамки (что предполагает необходимость волевого компонента в креативной деятельности), которые требуют условия решаемой задачи.

Я. А. Пономарёв считал, что творчество является формой развития материи (включая неживую материю). Наиболее известны его исследования креативности в группах с разными эмоциональными характеристиками участников, выявление прямого и побочного продуктов деятельности, влияния произвольности (в частности – внимания), как необходимой части креативной деятельности [17]. Одно из его оригинальных исследований в этой области:

- до постановки задачи одна группа испытуемых получила воздействие нейтральных стимулов (неявных подсказок для будущей задачи), но после постановки задачи эти стимулы ими не были задействованы;

- после постановки задачи другая группа испытуемых те же нейтральные стимулы (неявные подсказки) восприняла как возможное средство завершения деятельности по решению задачи, и успешно применило их.

Согласно теории Г. С. Альтшуллера, креативность заложена в самой природе людей, но для раскрытия этих природных способностей требуется их востребованность – и самим человеком, и обществом. Обучение решению изобретательских задач (алгоритмизация этого процесса решения) – путь к развитию креативности по мнению Г. С. Альтшуллера [2]. Таким образом, и Д. Б. Богоявленская, и Г. С. Альтшуллер, и Я. А. Пономарёв считают, что развитие мотивации к креативной деятельности – это вопрос в большей степени педагогических методов.

Есть представления о том, что креативность при решении данной конкретной задачи [27] – это область пересечения трёх кругов, диаметры которых пропорциональны уровням (Рис. 2):

- навыков и умений, связанных с данной предметной областью;
- мотивации к решению данной задачи (Т. Амабиле соотносит этот пункт в первую очередь с аспектами внутренней мотивации);
- талантов и навыков, связанных с креативной деятельностью.

Причём воздействие на один из этих «кругов» отражается как на других кругах, так и на результирующей креативности-пересечении.

Например, Т. Амабиле приводит условия, которые в которых эффективно подавляется мотивация к креативной деятельности:

- человек знает, что будет оценка результатов его деятельности;
- внешний контроль или наблюдение за самой деятельностью, навязывание жёстких сроков и целей, детальная регламентация деятельности;
- человек знает, что будет материальное вознаграждение за работу в контролирующей манере (не за степень креативности результата, а именно за сделанную работу);
- ситуация «игры с нулевой суммой»: победителей вознаграждают за счёт остальных;
- наличие многих ограничений на способы ведения деятельности;
- пребывание в организационной культуре, к ценностям которой относится внешнее стимулирование деятельности.

При этом обратная положительная связь, как материальная, так и вербальная, путём которой признаются творческие достижения и компетентность человека, не снижает его мотивации к креативной деятельности.

Другие исследователи показывают, что есть возрастные периоды, в которых место доминирующих занимают различные мотивационные установки [20]. Например, мотивации социального развития являются наиболее актуальными с 13 до 24 лет (мотивация познания) и с 37 до 48 лет (мотивация самореализации). При этом отметим, что компоненты мотивации социального развития Б. Н. Рыжова – познание самореализация – вероятно, можно соотнести с двумя из трёх элементов внутренней мотивации (точнее, мотивации на основе внутренних стимулов) в творческой деятельности [9]: познание, достижение и самоактуализация.

Наше изучение мотиваций социального развития Б. Н. Рыжова показало в пилотном исследовании, что выраженность мотиваций познания и самореализации проявляет слабые и умеренные значимые корреляции с чертами темперамента испытуемых (у мужчин и у женщин различным образом) и не имеет значимых корреляций с чертами их характера [5].

Рис. 2. Креативность при решении конкретной задачи как область пресечения мотивации, навыков и таланта, по [26]

На уровень мотивации к выполнению задания также могут оказывать влияние особенности когнитивного опосредования сложности самого задания. Например, Б. Вайнер показал, а позже совместно с К. Шнайдером подтвердил [44, 45], что такое наблюдение, как лучшие результаты у высокотревожных людей при решении лёгких задач и худшие результаты при решении трудных задач по сравнению с низкотревожными людьми (у которых это происходит ровно наоборот) связано только с их особенностями когнитивного опосредования переживания успеха и неудачи. В этом контексте Б. Вайнер рассматривал лёгкие задачи как повод испытать успех, а трудные – как повод испытать неудачу.

При этом отдельное изучение вопросов [14, 15]:

- *поощрения* (обучение на основе подкрепления – некоторого воздействия, которое усиливает социально приемлемое поведение и может быть позитивным или негативным в зависимости от того, на фоне какой эмоции осуществляется)

- и *наказания* (ситуация, в которой родители сигнализируют ребёнку о социальной неприемлемости определённого поведения и делают нечто, что должно прекратить его повторение)

показывают, что:

- в случае семьи мы, как правило, имеем дело не с самой системой поощрения и наказания в чистом виде, а с когнитивными представлениями детей и их родителей о поощрении и наказании, что в свою очередь опосредовано множественными параметрами их личности и связано с особенностями той культуры, в которую погружена семья;

- у детей с различным уровнем интеллекта реакция (в том числе и вегетативная) на положительное и негативное подкрепление различна;

- у детей с различным уровнем проявления право- и леворукости реакция (в том числе и вегетативная) на положительное и негативное подкрепление различна.

Так что можно ожидать, что у некоторых людей успех, поощрение или повышенное внимание экспериментатора могут увеличить мотивацию к выполнению заданий теста, а у некоторых – нет. И более того, в ряде случаев материальное поощрение может даже демотивировать испытуемого. Однако вышеописанные решения и объяснения не являются исчерпывающими – до сих пор изучается вопрос о том, как внешние и внутренние стимулы влияют в различных условиях (в частности, при воспитании в семье) и для разных испытуемых на мотивацию к креативной деятельности [30, 33, 10, 14]. Кроме того, иногда мы наблюдаем ситуации, когда талантливый человек занимается своей креативной деятельностью вопреки мнению социума, несмотря на господствующие в его окружении ценности.

Сравним это с положениями теории П. Торренса [41] – творческий продукт у человека получается на пересечении трёх кругов, диаметры которых пропорциональны уровням его (Рис. 3):

- мотивации к творчеству;
- способностей к творчеству;
- умения в творчестве.

В модели П. Торренса, как и в модели Г. Амабиле, рассматривающих креативность как процесс, воздействие на один из таких «кругов» отражается как на других кругах, так и на результирующей креативности-пересечении.

К этому можно добавить, что ряд авторов показывает [10, 11, 16, 6, 7, 9], что обучение навыкам эффективной саморегуляции не только позволяет сохранять мотивацию к деятельности (в том числе и креативной), но и помогают избегать эффекта эмоционального выгорания, а также способствуют продлению полноценной творческой и социальной жизни.

Можно предположить, что все эти представления дополняют друг друга. Но при этом что-то количественное более или менее надёжно измеряется только с помощью методики П. Торренса. И если бы в методике П. Торренса измерялись все три показателя, то, возможно, что сегодня теория креативности была бы более разработанной.

Как мы считаем, наиболее полно на наши вопросы отвечает методика «BASIC Ph» группы израильских психологов (М. Лахад, О. Аялон и др.), которая много лет успешно применяется в ситуациях с психическими и эмоциональными травмами [37]. Эффект модели «BASIC Ph» (профилактический или терапевтический) достигается за счёт активации всех видов копинга (в модели их шесть), в число которых входит «Игра воображения», что может быть связано с понятием «креативность» [39]. В модели «BASIC Ph» есть собственный инструмент – набор метафорических изображений-карт – для профилактики эмоциональных и психических травм, а также работы с теми, кто их пережил. Поскольку в модель входит креативность, то можно считать, что увеличение количества креативности (скорее всего, одного из её аспектов) является одним из ресурсов эффективного копинга, что согласуется с другими авторами – например [11].

Отсюда вытекает, что

- для успешного копинга надо иметь не только нужные ресурсы, но и стремление их применять (мотивация) в эффективном копинге (проактивный, проблемно-ориентированные виды копинга), поэтому креативность связана, в том числе, и с мотивационной сферой;
- для эффективного копинга требуется один из аспектов креативности; эффективный копинг, развивает, вероятно, тот же самый аспект креативности.

Таким образом, недостаток количества креативности выявляется в ходе различных видов интервью (пострисуночный опрос, рассказ истории или сказки, составление истории из готовых метафорических карт-рисунков), с помощью метафорических карт можно в ходе тренингов «увеличивать количество креативности» при обучении эффективному копингу.

Рис. 3. Креативность при создании творческого продукта как область пресечения творческой мотивации, творческого умения и творческих способностей, по [41]

Подробное обсуждение тематики копинга выходит за рамки нашей статьи, поэтому приведём только один пример. Установлено, что неэффективный копинг является фактором риска для возникновения аддикций (в том числе и нехимического типа) [13]. Таким образом, развитие различных аспектов креативности в ходе обучения эффективному копингу может выступать как профилактика возможного аддиктивного поведения.

К сожалению, методика «BASIC Ph» (как и методика исследования мотивации ТАТ) с точки зрения «измерения шкал» для наших целей имеет ряд недостатков:

- оценка невербального материала производится по критериям, которые выделяются исследователем из вербального изложения рассказывающего;
- выделение признаков – агонистических (добавляются к соответствующим шкалам) и антагонистических (вычитаются из соответствующих шкал) – нельзя автоматизировать, и качество выделения этих признаков связано с опытом исследователя.

Тем не менее, идеи, заложенные и в саму модель «BASIC Ph», и в её стимульный материал – метафорические рисунки – наиболее подходят для целей создания робастного (устойчивого к внутренним и внешним воздействиям) инструмента количественного измерения мотивации к деятельности (включая креативную). На этой основе был разработан компьютерный вариант методики невербальной оценки мотивации к деятельности для проведения пилотажного исследования. В окончательном варианте методики предполагается использовать оригинальный (собственный) стимульный вариант.

В следующих частях будут подробно описаны последующие этапы разработки методики, а также итоги проверки внутренней согласованности шкал с обсуждением полученной метафоры деятельности (русскоязычные испытуемые из 14 стран) с точки зрения оценки мотивации к креативной деятельности. Следующим этапом планируется проверка шкал нашей методики с помощью перекрёстных корреляций с другими тестами.

Литература

1. Алмаев Н. А. (2012) Применение контент-анализа в исследованиях личности: Методические вопросы / Н. А. Алмаев. – М.: ИП РАН. – 167 с.
2. Альтшуллер Г. С. (1979) Творчество как точная наука / Г. С. Альтшуллер. – М.: Советское радио – 184 с.
3. Богоявленская Д. Б. (2002) Психология творческих способностей: Учеб. пособие / Д. Б. Богоявленская. – М.: Издательский центр «Академия». – 320 с.
4. Вергунов Е. Г. (2013) Развитие творческого потенциала личности на основе психофизиологического подхода / Е. Г. Вергунов // Воспитание и дополнительное образование в Новосибирской области: информационно-методический журнал. – Новосибирск: НИПКиПРО. – №1. – С. 15 – 18.
5. Вергунов Е. Г. (2013) Мотивации социального развития и черты темперамента и характера / Е. Г. Вергунов // Сборник научных трудов международной научной конференции «Актуальные аспекты современной психофизиологии – V». СПб. С. 34 – 37.
6. Вергунов Е. Г. (2013) Количественный подход к оценке сформированности компетенции саморегуляции у студентов-психологов / Е. Г. Вергунов // Психология образования в поликультурном пространстве. – Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. – Т. 3 (№ 23). – С. 30 – 35.
7. Вергунов Е. Г. (2014) Оценка психофизиологической стоимости креативности в междисциплинарных исследованиях / Е. Г. Вергунов, Е. И. Николаева // Вестник психофизиологии. – СПб. – № 1. – С. 74 – 82.
8. Выготский Л. С. (1982-84) Собрание сочинений: В 6 т. / Л. С. Выготский. – М.
9. Гололобова Л. Д. Программа адаптации сестринского персонала медицинских организаций новосибирской области / Л. Д. Гололобова, М. И. Поскотина, Е. Г. Вергунов // Главная медицинская сестра. – 2014. – № 7. – С. 126 – 138.
10. Гордеева Т. О. (2011) Мотивация творческой деятельности / Т. О. Гордеева // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – С. 331 – 359.
11. Заева М. (2014) Креативность как копинг-стратегия в трудовой деятельности / М. Заева, И. Васильева. – Saarbrücken, Deutschland: Lap Lambert Academic Publishing. – 92 с.
12. Ильин Е. П. (2009) Психология творчества, креативности, одарённости / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер. – 434 с.
13. Короленко Ц. П. (2001) Психосоциальная аддиктология / Ц. П. Короленко,

- Н. В. Дмитриева. – Новосибирск: «Олсиб». – 251 с.
14. Николаева Е. И. (2010) Кнут или пряник? Поощрение и наказание как методы воспитания ребёнка / Е. И. Николаева. – СПб: Речь. – 154 с.
15. Николаева Е. И. (2010) Психология детского творчества / Е. И. Николаева. – СПб: Питер. – 240 с.
16. Николаева Е. И. (2013) Прогноз «физиологической стоимости» эффективности процесса обучения у старших школьников / Е. И. Николаева, Е. Г. Вергунов // Психология образования в поликультурном пространстве. – Т. 1. – С. 47 – 53.
17. Пономарёв Я. А. (1976) Психология творчества и педагогика / Я. А. Пономарёв. – М.: Педагогика. – 280 с.
18. Резник А. Д. (2008) Книга для тех, кто не любит статистику, но вынужден ею пользоваться. Непараметрическая статистика в примерах, упражнениях и рисунках / А. Д. Резник. – СПб.: Речь. – 265 с.
19. Ричи Ш. (2004) Управление мотивацией / Ш. Ричи, П. Мартин / Пер. с англ. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 399 с.
20. Рыжов Б. Н. (2012) Системная периодизация развития / Б. Н. Рыжов // Системная психология и социология. – М.: МГПУ. – № 5. – С. 5 – 42.
21. Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам (2011) / Под ред. Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – 736 с.
22. Туник Е. Е. (2006) Тест Торренса Диагностика творческих способностей: методическое руководство / Е. Е. Туник. – СПб.: ИМАТОН. – 192 с.
23. Туник Е. Е. (2013) Лучшие тесты на креативность. Диагностика творческого мышления / Е. Е. Туник. – СПб.: Питер. – 320 с.
24. Чиксентмихайи М. (2013) Эволюция личности / М. Чиксентмихайи / Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн. – 420 с.
25. Adizes I. (1985) Mismanagement: How to Solve the Mismanagement Crisis: Diagnosis and Treatment of Management Problems / I. Adizes. – Santa Monica, CA: The Adizes Institute Inc. – 281 p.
26. Adizes I. (2004) Management/Mismanagement Styles: How to Identify a Style and What To Do About It / I. Adizes. – Santa Barbara, CA: Adizes Institute Publishing. – 232 p.
27. Amabile T. M. (1996) Creativity in Context. Update To the Social Psychology of Creativity / Teresa M. Amabile. – Boulder, Colorado: Westview Press. – 336 p.
28. Chakravarty A (2010) The creative brain – Revisiting concepts / A. Chakravarty // Medical Hypotheses. – 74. – P. 606 – 612.
29. Csikszentmihalyi M. (1997) Creativity Flow and Psychology of Discovery and Invention / M. Csikszentmihalyi. – New York: Harper Perennial. – 464 p.
30. Eisenberger R. (1996) Detrimental effects of reward: reality or myth? / R. Eisenberger, J. Cameron // Am. Psychol. – 51. – P. 1153 – 1166.
31. Eysenck H. J. (1995) Genius: The natural history of creativity / H. Eysenck. – Cambridge University Press. – 344 p.
32. Haier R. J. (2008) Brain Imaging Studies of Intelligence and Creativity: What is the Picture for Education? / Richard J. Haier, Rex E. Jung // Roeper Review. – 30:3. – P. 171 – 180.
33. Hennessey B. A. (1998) Reality, intrinsic motivation, and creativity / B. A. Hennessey, T. M. Amabile // Am. Psychol. – 53. – P. 674 – 675.
34. Hennessey B. A. (2010) Creativity / B. A. Hennessey, T. M. Amabile // Annu. Rev. Psychol. – V. 61. – P. 569 – 598.
35. Hocevar D. (1981) Measurement of Creativity: Review and critique / D. Hocevar // Journal of Personality Assessment. – 45. – P. 450 – 464.

36. Hull C. L. (1943) Principles of Behavior / Clark L. Hull. – New York: Appleton-Century-Crofts. – 422 p.
37. International Handbook of Human Response to Trauma (2000) / Editors Arieh Y. Shalev, Rachel Yehuda, A. C. McFarlane. – New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers. – 477 p.
38. Sternberg R. J. (1996) Investing in creativity / R. J. Sternberg, T. I. Lubar // American Psychologist. – 51(7). – P. 677 – 688.
39. The «BASIC Ph» Model of Coping and Resiliency. Theory, Research and Cross-Cultural Application (2013) / Edited by M. Lahad, M. Shacham, O. Ayalon. – London: Jessica Kingsley Publishers. – 288 p.
40. The nature of creativity: Contemporary Psychological Perspectives (1988) / Ed. R. J. Sternberg. – New York: Cambridge University Press. – 464 p.
41. Torrance E. P. (1962) Guiding creative talent / E. P. Torrance. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. – 278 p.
42. Torrance E. P. (1988) Creativity as manifested in testing / E. P. Torrance // The nature of creativity: Contemporary Psychological Perspectives / Ed. R. J. Sternberg. – New York: Cambridge University Press. – P. 43 – 75.
43. Wallach M. A. (1970) Creativity / M. A. Wallach // Manual of children psychology / Ed. P. A. Mussen. – New York: Wiley. – Vol. 1. – P. 1211 – 1271.
44. Weiner B. (1966) The role of success and failure in the learning of easy and complex tasks / B. Weiner // Journal of Personality and Social Psychology. – 3. – P. 339 – 344.
45. Weiner B. (1971) Drive versus cognitive theory: A reply to Boor and Harmon / B. Weiner, K. Schneider // Journal of Personality and Social Psychology. – 18. – P. 258 – 262.

METAPHOR OF JANUS-LIKE ACTIVITY. PART 1: QUANTITATIVE MEASUREMENTS OF THE CREATIVITY

In the article the first stage of method's development of the nonverbal motivation to the activity assessment (including the creative one) is described. On this stage the description of the demands to the methods of measuring is offered. The researcher's problems during psychophysiological attempts to measure of creativity using quantitative methods are described.

On the basis of literary and own experience of creativity investigation the conclusion is drawn, that the prognostic aspects of the creativity is the motivation assessment to creative activity. The development of the method of nonverbal motivation assessment to creative activity (as a component of activity) is offered using metaphor of Janus-like activity.

As the stimuli were using original pictures-metaphors, which reproduce different aspects of Janus-like activity (in pilot project the metaphor cards from the model of «BASIC Ph» were used), and latent time records were made for each metaphors. For each subjectsepy method was equalized for individual complexity of tasks performance (in accordance with C. Hull's approach), the influence of social desirability on the reaction of choosing and the assessment of answers nonstability were made.

Key words: creativity, nonverbal metaphor, Janus-like activity, latent time of choosing.

УДК 159.91

МЕТАФОРА ЯНУСОВИДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

ЧАСТЬ 2:

ПОИСК НЕВЕРБАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ ДЛЯ ОЦЕНКИ КРЕАТИВНОСТИ

Вергунов Е. Г., Николаева Е. И.

Россия, Новосибирск, Научно-исследовательский институт физиологии и фундаментальной медицины» СО РАМН НГПУ,

vergounov@gmail.com

Россия, Санкт-Петербург, ПГУПС,

klemtina@yandex.ru

Работа поддержана грантом РФНФ 14-06-00195.

Рисунки выполнила художник Т. А. Павлюк

В работе показан второй этап разработки методики невербальной оценки мотивации к деятельности (в том числе креативной) – проверка работоспособности сначала «ручного» (пилотажная выборка), потом компьютерного варианта теста (пилотажная профессионально однородная выборка). Описываются типичные проблемы, с которыми обычно сталкивается исследователь и при планировании психофизиологического исследования, и при обработке его результатов. Обсуждены пути решения подобных проблем с помощью подходов Data Mining (интеллектуального анализа данных). По итогам первого этапа разработки методики был отобран стимульный материал для теста – 16 невербальных метафор (рисунков), которые передают разносторонние аспекты янусовидной деятельности. Была отработана технология выполнения теста в ручном и компьютерном вариантах. Особенностью методики является то, что стимульный материал в пилотажных исследованиях предъявлялся путём случайного выбора двух серий из 354 возможных. Все 354 серии различны, и при этом равнозначны. Общее время прохождения двух серий испытуемыми составляло несколько минут. При выполнении испытуемым теста регистрировалось латентное время выбора для каждой метафоры, а после окончания теста оценивалась нестабильность ответов (в секундах). Была обсуждена метафора профессиональной деятельности, созданная испытуемыми из профессионально однородной выборки работников интеллектуальной сферы. Было выделено три латентных переменных – предпочтения к деятельности: социально желательной, репрезентативной и творческой. По результатам данного этапа был подготовлен следующий этап – проверка на 400 испытуемых согласованности шкал теста при выполнении ими трёх серий теста.

Ключевые слова: креативность, невербальная метафора, янусовидная деятельность, латентное время выбора, интеллектуальный анализ данных

Измерения креативности и интеллекта строятся на психометрической дихотомической парадигме «дивергентное или конвергентное мышление», эффективность которой до сих пор не была доказана [43]. При этом известен иной вид мышления – янусовидный.

Янусовидное мышление предполагает оценку одного явления с многих кардинально разных, независимых точек зрения. Подобный подход к описанию сложного творческого процесса позволяет расширять диапазон значимости свойств объекта (явления), учитывать многоаспектность их восприятия, вычленять те свойства и взаимосвязи, которые остаются в тени при обычном, шаблонном восприятии действительности. Такой вид мышления был установлен при изучении способов решения

задач лауреатами Нобелевской премии, которые исходили из того, что в один и тот же момент возможно существование двух или более независимых концепций, идей, образов [51]. Его назвали янусовидным, по имени римского бога Януса, чьи многочисленные лица (два, четыре, шесть и т.д.) были обращены в противоположные стороны.

На этом основании этого стимульный материал для методики невербальной оценки мотивации к деятельности (в т.ч. креативной) был построен не по принципу дивергентности, а по принципу янусовидности. Поскольку понятие «дивергентность» подробно описано в многочисленных источниках, то опишем выбор на основе «янусовидности» – в первую очередь ориентируясь на оценку мотивации к креативной деятельности.

Творчество можно классифицировать как с позиции предмета (математическое, музыкальное, художественное, хореографическое, прикладное и.д.), так и метода оценки (вербальное, образное, визуальное, двигательное, слуховое). Примером такого подхода может служить классификация видов креативности и творчества по трём факторам [54], автор которой указывает, что в качестве основы были взяты теории М. Чиксентмихайи и Г. Уоллеса:

- по ограничениям творческого пространства (нет ограничений / есть ограничения или дополнительные условия);
- по используемым подходам (аналитика: сверху-вниз / синтетика: снизу-вверх / логика: индукция-дедукция-абдукция-аналогия / ориентация на решение проблем);
- по областям применения (наука: абстрактное / технология: конкретное / искусство: эмпирическое).

При этом в единовременном опросе большинство пунктов будет «пустыми»: вряд ли все испытуемые проявляют себя во всех сферах одновременно и одинаково в настоящий момент времени. Но если какие-то из сфер креативности отсутствуют в тесте, то области возможного проявления креативности из анализа выпадают. Таким образом, дивергентная шкала предполагает скорее построение некоторого профиля по всем этим сферам, чем интегральную оценку.

Очевидно, что если взять за основу устоявшиеся и общепринятые этапы креативной деятельности, то они будут соответствовать требованиям янусовидности:

- они неспецифичны к виду креативности;
- они все вместе описывают единый процесс (имеют смысл только в этом качестве), и каждый из них необходим (и их мало);
- выделение этапов подразумевает различную природу каждого из них (иначе можно было бы всё свести к единственному этапу), причём они описывают все стороны процесса.

Самая первая модель процесса креативности была описана в теории Г. Уоллеса [53], и она состояла из пяти стадий (этапов):

- (1) подготовка (приобретение навыка),
- (2-3а) инкубация (решение проблемы на неосознаваемом уровне),
- (2-3б) намёк (появление чувства, что решение близко),
- (2-3в) озарение (инсайт, внезапное решение),
- (4) проверка.

Три стадии (2-3а)-(2-3б)-(2-3в) обычно объединяют в две стадии – (2) инкубация и (3) озарение (например, [38]), поэтому мы в дальнейшем будем придерживаться четырёх стадийного варианта. Заметим, что Г. Уоллес хорошо систематизировал и обобщил ход творческого процесса, который ранее был описан А. Пуанкаре на основе собственного опыта математических открытий [49]. Следующей по хронологии стала семишаговая

«модель изобретательства» Д. Россмана [50]:

- наблюдение (потребности, затруднения);
- анализ (потребности, затруднения);
- изучение всей доступной информации;
- формулировка всех объективных решений;
- критический анализ всех решений, их плюсов и минусов;
- рождение новой идеи – изобретение;
- экспериментальная проверка (при необходимости возвращаемся на предыдущие

шаги).

А. Осборн, автор идеи «мозгового штурма», предложил в 1953 году другую семишаговую модель креативного процесса [48]:

- ориентирование в проблеме, выбор направленности действий;
- подготовка;
- анализ;
- выдвижение гипотезы;
- инкубация, озарение;
- синтез идеи;
- обсуждение и развитие идеи.

Коллеги А. Осборна в 1985 году предложили CPS-модель (креативное решение проблем) – новый шестишаговый вариант [45]:

- поиск объекта;
- поиск данных;
- поиск проблемы;
- поиск решения;
- поиск приемлемости решения.

На этом обзор моделей мы закончим, потому что кроме модели Г. Уоллеса во всех последующих, включая ТРИЗ [3], есть основания, нарушающие критерий янусовидности: замена этапов процесса, как качественно различающихся внутренних состояний изучаемой системы, на алгоритм действий, более или менее внешних по отношению к этой системе.

Однако во всех этих моделях показан принцип решения сложной задачи. Сначала из «большого и нерешаемого» вычлняются куски «простого и решаемого». А собственно креативность расходуется на остаток, который уже невозможно далее представить как композицию простых (гарантированно решаемых) задач.

В качестве выбора янусовидных сторон креативной деятельности мы опирались на стадии креативности по теории Г. Уоллеса. Обоснование выбора стимульного материала для пилотажных исследований из колоды метафорических карт «Соре», которая реализует модель «BASIC Ph» [44, 52] дано в предыдущей части статьи [15]. Были взяты изображения, которые подходили на роль агонистов и антагонистов по отношению к образам стадий теории Г. Уоллеса. Недостающие изображения были взяты из другой колоды метафорических карт («Oh»). Метафорические карты – это метафорические рисунки, шесть из которых представляют соответствующие метафоры видов эффективного копинга в модели «BASIC Ph».

Таким образом, всего было отобрано 16 карт. Затем 10 испытуемых выполнили тест (ручной вариант методики), после чего с каждым из них было обсуждение – как результатов, так и самой процедуры тестирования. Все наши гипотезы в первом приближении подтвердились, включая и то, что оценка выбора на основе латентного времени выбора более значима (и менее обусловлена социальной желательностью,

аггравацией, симуляцией и др.), нежели результаты сознательного выбора [25].

Однако выяснилось, что ручной вариант теста слишком грубый: засекают время можно в лучшем случае с точностью до 1-3 секунд, что в некоторых случаях близко к самому значению латентного времени выбора карты. Поэтому ручной вариант теста был заменен компьютерной версией (реализованной С. И. Чулковым), которая была размещена на сайте (<http://test.new.ru.dedi3067.your-server.de/>) для проведения пилотажного удалённого тестирования испытуемых. Тест можно выполнять и в ручном варианте, но с учётом того, что погрешность измерений при этом возрастает. Вот описание методики в компьютерном исполнении:

- 16 стимулов раскладываются перед испытуемым на экране по четыре; каждая четвёрка – это задание, всего получается четыре таких задания, и они составляют первую серию; каждый из 16 стимулов участвует в серии ровно один раз;

- в каждом задании надо мышкой выбрать самую привлекательную картинку (стимул) из четырёх (она исчезает), потом – самую привлекательную из трёх (она исчезает), затем – самую привлекательную из двух (она исчезает); в конце щелчком мышки выбирается последняя картинка-стимул и начинается показ нового задания со следующей четвёркой стимулов;

- после завершения первой серии стимулы случайным образом перемешиваются, и начинается следующая серия, которая полностью аналогична предыдущей (только состав четвёрок стимулов будет уже другой, но каждый стимул также участвует только один раз).

При описанной технологии выполнения существует 354 различных (но при этом равноценных) серии, две из которых (различных и равноценных) случайным образом входят в процедуру тестирования. При следующем выполнении будут случайно выбраны другие две серии. Время выполнения двух серий составляет диапазон от минуты до 2-3 минут. В процессе тестирования фиксируется время выбора каждого стимула. После выполнения теста рассчитывается нестабильность ответов (стандартное отклонение латентного времени выбора по всем 16 картам из двух серий). Высокая нестабильность ответов свидетельствует о низкой согласованности выборов в разных сериях испытуемым определённых стимулов. Это может быть обусловлено действием различных факторов – от стремления показывать социально одобряемые реакции, до отвлечения испытуемого от выполнения заданий теста по каким-то внутренним или внешним причинам.

Обработка данных осуществлялась следующим образом. Согласно общепризнанному представлению, тесная положительная корреляция показателей может свидетельствовать о том, что процессы, соответствующие показателям, участвующим в исследовании, опираются на общие механизмы [4]. Достаточно эффективны для оценки адекватности используемых параметров корреляционный, регрессионный, дискриминантный, кластерный (в случае, если расстояния между объектами определяют по коэффициентам корреляции) и факторный анализы. Проблема заключается в том, что в большинстве психологических и психофизиологических экспериментов эти методы неприменимы по ряду причин:

- отсутствие нормального распределения, слишком малые или резко различающиеся размеры выборок, либо изучаемые показатели не измеряются в шкалах отношений (в шкалах наименований, порядка или интервалов) [32];

- резко отличающаяся информационная ёмкость выборок; для сравнения используют обычно коэффициент вариации [20] (σ/M , %; где σ – стандартное отклонение, M – среднее значение) или показатель Фишера [22] (σ^2/M , где σ^2 –

дисперсия, M – среднее значение).

Например, факторный анализ, который позволяет эффективно работать с латентными переменными, очень чувствителен ко всем вышеописанным препятствиям. При обычных размерах выборок (от менее сотни до трёх сотен испытуемых) и анализе методом главных компонент (его особенность в том, что факторы ранжированы: первый описывает наблюдаемое разнообразие больше, чем второй, а второй – больше, чем третий и т.д.) нами были замечены такие закономерности (причём это на физиологических показателях, которые измеряются в абсолютных шкалах):

- на каждые 30-40 очередных обследований попадает 1-2 очень «особенных» (но в пределах нормативности, причём это не технические артефакты измерений) испытуемых, которые сильно изменяют более слабые факторы (третий, четвёртый и т.д.);

- на каждые 100-160 очередных обследований попадает 1-2 ещё более «особенных» испытуемых, которые изменяют самые сильные и устойчивые факторы (первый, второй);

- исключение всех таких особенных испытуемых (а это в сумме менее 5% выборки) даёт качественно иную факторную структуру, чем при их включении;

- в обоих случаях (и при их включении, и при исключении) характеристики модели (мера КМО, критерий Барлетта, доля описываемой дисперсии) находятся в диапазоне приемлемости;

- не всегда такие «статистические выбросы» ухудшают ситуацию; в нашей практике есть случай, когда на выборке из 160 испытуемых исключение только одного единственного (ничем принципиально не отличающегося от других) резко ухудшало показатели модели: мера КМО снижалась более чем на 0,100, а доля объясняемой моделью дисперсии падала сразу на 0,200.

На протяжении ряда лет [10, 11, 13, 14; 27, 28 и др.] мы изучаем визуализации трёхмерного распределения психофизиологических данных методами нелинейного анализа. Методы визуализации показывают не только особенности статистических выбросов выборок (впадины, пики в трёхмерном пространстве), но и то, что исходные данные не подчиняются нормальному закону распределения.

Инструментов для фильтрации явных и неявных статистических выбросов имеется достаточно, и естественно, что после фильтрации происходят изменения в первоначальной модели, построенной по сырым данным [36]. Но возникает методологический вопрос [33]: какая из этих двух (иногда качественно различных) моделей больше соответствует реальности – при 100% выборки или при 95% выборки после фильтрации на «выбросы»?

В настоящее время появляются новые инструменты для ответа на эти вопросы [2]. Например, факторный анализ выступает не как итоговая процедура, а лишь как инструмент интеллектуального анализа данных (Data Mining), который нужен на этапе сокращения входной размерности информации – числа переменных. На этом этапе отбираются перспективные для анализа переменные и отбрасываются гипотезы, которые не ведут к цели исследования. И делается это путём включения новых переменных в модель или исключения ненужных из модели [5].

В этом случае от факторного анализа требуется только оперативное построение качественного представления о распределении данных в многомерном пространстве переменных [29]. И при этом можно включать в модель даже дихотомические переменные (например, пол испытуемых). И если переменная «пол» окажется связанной с интересующей нас силой с одним из факторов вместе с другими переменными, то есть смысл рассмотреть гипотезы влияния пола на эти переменные. А если полученная модель

имеет адекватность не менее 0,6 (мера КМО) и описывает хотя бы 70% наблюдаемой дисперсии, то эти гипотезы будут иметь высокую вероятность пройти последующие проверки. Подобные проверки гипотез выполняются с помощью других методов Data Mining (в том числе и с помощью таких программ, как WizWhy). Особенно эффективны для психофизиологических исследований, в которых мы изучаем самоорганизующиеся системы [21], средства анализа динамических систем [9, 31, 12, 22, 7, 23, 14 и др.].

При включении в модель порядковых переменных следует тщательно их кодировать: если мы закодируем А как «0», В как «1», а Б как «2» (предполагается, что А – это минимум, а В – это максимум), то корреляции с такой переменной станут неверными (правильная кодировка: А=0, Б=1, В=2). Очень полезно добавлять в факторную модель шкалы лжи или ошибок. Если шкал лжи нет, то вместо них может быть составлена шкала «статистических выбросов».

Эффективное применение WizWhy при обработке психологического исследования и разработке новой методики показано Н. А. Алмаевым [1]. Компания WizSoft Ltd. (Тель-Авив, Израиль) любезно предоставила свою программу WizWhy нам для исследовательских целей. WizWhy – это способ построения правил вида «если, то». В «если» входят диапазоны значений «причин» (одна или больше независимых переменных), а в «то» – диапазоны значений «следствия» (изучаемой переменной). В корреляционном исследовании, например, «следствие» может быть шкалой из одного теста, а «причины» – шкалами из другого теста [5]. По каждому правилу мы можем получить:

- число объектов выборки, для которых это правило верно,
- долю, которую составляет это число от всех объектов выборки, которые попадают под действия правила и уровень статистической значимости правила.

Правила бывают исключаящими, которые отсекают часть выборки из указанного диапазона значений изучаемой переменной, и включающими – которые связывают часть выборки с указанным диапазоном значений изучаемой переменной. Разбивать диапазоны значений переменных можно вручную или автоматически.

Если добавлять в факторную модель не только такие переменные, как пол, возраст, учебный класс (для школьников), шкалы лжи, но и время выполнения испытуемым заданий и количество допущенных им в них ошибок, а также и другие условия проведения эксперимента, вплоть до того, кто именно проводил обследования данной выборки, можно предварительно сформировать модель взаимодействия переменных. Если новая переменная притянется к одному из факторов, то есть смысл проверить, насколько контролируется условие, которое соответствует данной переменной. Если новые переменные не меняют факторную структуру, то они исключаются из модели (и из гипотез).

Если эксперимент был качественно спланирован, то в процессе проверки гипотез будут получены ответы на вопросы «что» и «как». После этого наступает очередь ответа на вопрос «почему», и вот тут иногда приходится проводить специальное корреляционное исследование. В некоторых случаях для ответа на вопросы «что» и «как» бывает достаточно всего лишь 8-16 испытуемых при условии построения и изучения визуализации сырых данных каждого из них. Фактически это идеографический этап исследования, своеобразный Case Studies (хорошим примером исследования, построенного на анализе индивидуальных случаев, считается [42]), и это можно рассматривать как пилотажное исследование. А следом, на его основе планируется с нужным числом сотен (или тысяч) испытуемых «полноценное» корреляционное исследование – специально для ответа «почему» (фактически это номотетический этап

исследования).

В исследовании, представленном в данной работе, целью описания и обсуждения результатов методики было проверить работоспособность программы и показать смысл тех изменений, которые были внесены в методику на этом этапе.

Из 15 испытуемых, согласившихся выполнить компьютерную версию теста, было 6 женщин и 9 мужчин. Испытуемые были жителями г. Новосибирска, имели высшее образование, работали в интеллектуальной сфере. Возраст испытуемых был в диапазоне от 24 до 55 лет. Факторный анализ описывает трёхфакторную структуру, которая имеет смысловую интерпретацию и объясняет 91,2% наблюдаемой дисперсии

Критерий сферичности Барлетта на многомерную нормальность распределения переменных ($p < 0,001$) подтверждает (при $p < 0,05$) приемлемость данных для факторного анализа. Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина (0,786) показывает приемлемую адекватность полученной модели. Три фактора (Рис. 1) необходимы и достаточны для модели при данном качестве (высокая однородность выборки) и количестве (мало) испытуемых. Приемлемые характеристики модели при малочисленной выборке объясняются тем, что выборка однородна по профессиональному признаку, и тем, что измерения представлены не баллами, а физической величиной (латентное время выбора).

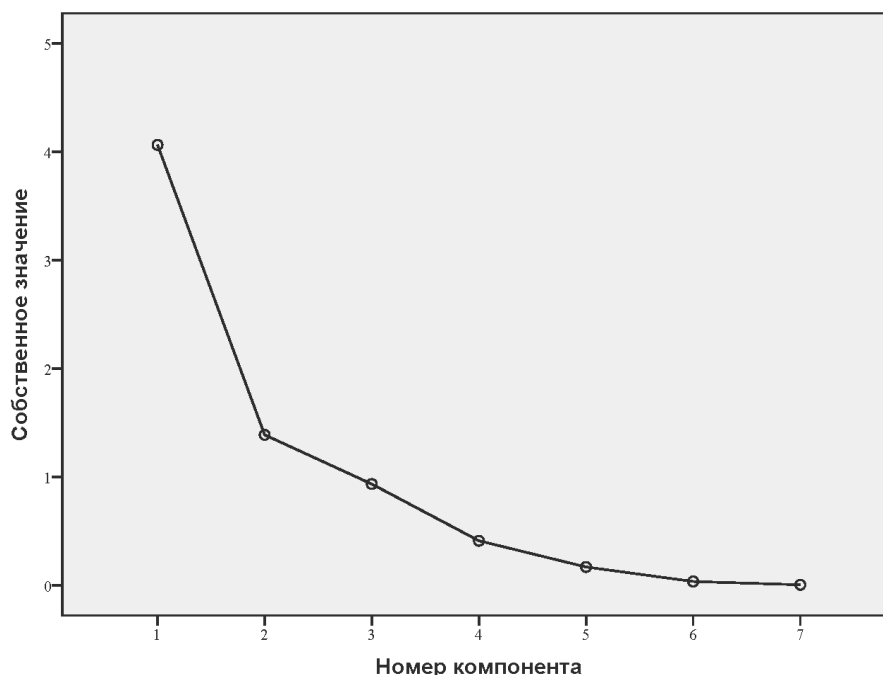

Рис. 1. График собственных значений компонент (Scree-тест), экспортирован из SPSS

Учитывая, что наша модель (Табл.1) скорее всего, описывает не просто деятельность, а профессиональную деятельность испытуемых, то интерпретация может быть такой:

- фактор № 1 объясняет 57,1% наблюдаемой дисперсии и, вероятно, выражает социально-желательные аспекты деятельности (к нему притянулась шкала нестабильности ответов), которые подразумевают, в том числе, некое умение выполнять монотонную рутинную работу;

- фактор № 2 объясняет 18,1% наблюдаемой дисперсии и выражает деятельность, опосредованную телесно-волевыми усилиями, которые связаны с выполнением

кропотливых и малоинтересных рутинных заданий; можно рассматривать это, согласно Л. С. Выготскому, как репрезентативную деятельность [16];

- фактор № 3 объясняет 16,0% наблюдаемой дисперсии и выражает деятельность, опосредованную когнитивными усилиями, которые проявляются тем больше, чем больше интереса к заданию; можно рассматривать как отражение творческой деятельности [16].

Пол и возраст не вошли в факторную модель (нагрузки менее 0,2). Можно высказать гипотезу, что в данном диапазоне возрастов нет значимого половозрастного влияния на деятельность работающих в интеллектуальной сфере.

Таким образом, деятельность работающих в интеллектуальной сфере в данном диапазоне возрастов описывается с помощью социально-желательной компоненты (самой влиятельной) и близких по степени влияния – репрезентативной компоненты и компоненты, отражающей творческие аспекты деятельности.

Согласно М. Заевой и И. Васильевой [19], которые рассматривают коммуникативную креативность с точки зрения копинг-стратегии в трудовой деятельности, креативность включает в себя значительные когнитивные усилия. Согласно Г. Уоллесу [53], для креативности нужны не только когнитивные усилия, но и определённые телесно-волевые усилия (если стадии Г. Уоллеса интерпретировать в терминах «BASIC Ph»). А. Пуанкаре ещё более обоснованно утверждал, что без осознанной тяжкой работы (даже если она кажется в тот момент безрезультатной) открытий не бывает [49]. Также напомним известное высказывание Т. Эдисона: «Гений это 1 % вдохновения и 99 % пота» (цит. по [18:354]). Но чтобы отделить когнитивные компоненты от креативных компонент на таких испытуемых и по стимульному материалу, используемому в компьютерной версии методики, нужна была бы выборка объёмом не менее нескольких тысяч подобных участников (набор такой выборки не входит в задачи этого этапа разработки методики).

Таблица 1. Нагрузки на метафоры в трёхфакторной модели (метод главных компонент, варимакс-вращение с нормализацией Кайзера

Вербальное описание метафоры	Ф № 1	Ф № 2	Ф № 3
(а) Разноцветные воздушные шары, поднимающиеся ввысь	+0,992		
(б) Индивидуальное спортивное состязание	+0,990		
(в) Шкала нестабильности ответов	+0,954		
(г) Дети с радостью идут за воспитателем, играющей на дудочке	+0,939		
(д) Телесно-волевые усилия		+0,943	
(е) Кропотливая монотонная рутина (чертежи, расчёты, отчёты)	+0,474	+0,608	-0,399
(ж) Когнитивные усилия, ум			+0,978

Примечание: даны только нагрузки, значение которых по модулю превышает величину 0,2

Естественно, что подтверждение или опровержение наших гипотез должно произойти в процессе перекрёстного сравнения методики с другими тестами. Сейчас же (при отсутствии других тестов, выполненных этими же испытуемыми) единственно доступный способ проверить внутреннюю согласованность модели одновременно является и самым простым. Надо определить внутреннюю согласованность шкалы,

которую можно составить из переменных, входящих в первый фактор (в прочих факторах шкалы содержат по одному пункту, поскольку метафора (е) входит во все три фактора сразу, причём максимальная нагрузка меньше 0,7 – Табл.1). В этом случае мы вводим новую переменную – дисперсию шкалы, и проверяем согласованность дисперсий пунктов шкалы по отношению к дисперсии всей шкалы. Мы это сделали с помощью α -Кронбаха: 4 метафоры в шкале, созданной на основе фактора № 1, измеряют свой предмет (как пункты в опроснике) с высокой согласованностью ($\alpha = 0,980$).

Л. Кронбах и ряд других исследователей полагают, что внутренняя согласованность шкалы связана с высокой корреляцией между её пунктами [41]. А это будет только в том случае, если дисперсии отдельных пунктов шкалы меньше дисперсии всей шкалы. Вывод о том, насколько предмет измерения совпадает с тем, что замыслил создатель шкалы опросника, определяется при внешней проверке валидности опросника, а на основе значений α -Кронбаха можно сделать заключение о том, насколько пункты шкалы измеряют некое общее свойство (предмет измерения шкалы) [40]:

$$\text{Альфа} = (1 - \{\text{сумма дисперсий пунктов}\} / \{\text{дисперсия шкалы}\}) * N / (N - 1),$$

где N – число пунктов в шкале.

Альфа Кронбаха является наиболее популярным (и публикуемым) показателем для оценки внутренней согласованности однородных шкал, хотя чёткого критерия для значений альфы Кронбаха нет. Обычно придерживаются следующих рекомендаций [24, 39]:

- Альфа $\geq 0,90$ – внутренняя согласованность шкалы **отличная**;
 - Альфа $\geq 0,80$ – внутренняя согласованность шкалы **хорошая**;
 - Альфа $\geq 0,70$ – внутренняя согласованность шкалы **приемлемая**;
 - Альфа $\geq 0,60$ – внутренняя согласованность шкалы **сомнительная**;
 - Альфа $\geq 0,50$ – внутренняя согласованность шкалы **малопригодная**;
 - Альфа $< 0,50$ – внутренняя согласованность шкалы **недопустимая**;
- (отрицательные значения α интерпретации не подлежат).

Таким образом, физическая суть α -Кронбаха – это доля «истинных» измерений в общем объёме измерений, и более того, от исследователя, применяющего опросники, для подтверждения надёжности выводов по конкретной выборке требуется показать альфу или другой аналогичный показатель [39]. Покажем, как это влияет на выводы. Например, в некотором исследовании мы получили тесную значимую корреляцию между двумя шкалами используемых тестов $r_{12} = 0,71$. При этом обе шкалы на нашей выборке показывают сомнительную согласованность – пусть у обеих шкал $\alpha_1 = \alpha_2 = 0,63$. То есть 37% результатов, которые хотя и получены по этим шкалам, но не подлежат интерпретации с их помощью. А истинная корреляция между шкалами будет слабой: $r = r_{12} \times \alpha_1 \times \alpha_2 = 0,71 \times 0,63^2 = 0,28$.

Указание, что для нашей шкалы $\alpha = 0,980$ говорит о том, что психометрические измерения на данной выборке с помощью этой шкалы содержат всего лишь 2% «шума» [36]. И можно заключить, что все испытуемые при выполнении теста были согласны на сотрудничество – они отвечали непротиворечиво и достаточно согласовано.

Вхождение метафоры «телесно-волевые усилия» (метафора одного из видов копинга в «BASIC Ph» [52]) как фактора в модель соответствует последним исследованиям, которые показывают, что полноценная умственная деятельность (включая креативную) требует высокого психофизиологического (в т.ч. вегетативного) обеспечения [43, 26, 14 и др.]. Процедура подготовки для такой деятельности затратна (физиологически, ментально), на неё могут уйти многие годы [38]. Г. Гарднер [42] в своём исследовании отметил, что для достижения выдающихся успехов и признания

надо напряжённо, интенсивно и мотивированно трудиться в конкретной области (при наличии неординарных способностей) не менее 10 лет (так называемое «правило десяти лет»).

Вопрос с вхождением в модель метафоры «Когнитивные усилия» (метафора одного из видов копинга в «BASIC Ph» [52]) можно обсудить с учётом модели творческого процесса, построенной на основе изучения деятельности великих математиков [2].

Рис. 2. Модель творческого процесса, знак «→» означает применение методов индукции и аналогии; по [2]

В этой модели в математическое творчество включается отбор и поиск направлений, где результаты представляют собой значимые материалы. Высокая или низкая значимость будущих результатов – это оценку может сделать только человек (и это не может быть полностью автоматизировано). Креативность исследователя проявляется не столько в поиске решения задачи, сколько в том, как полно исследователь с помощью своего эксперимента сможет дать ответ на важные запросы, возникающие (сейчас или в будущем) в социальном, научном или культурном контексте. Причём А. Пуанкаре подчёркивал, что именно постановка (выбор) самого вопроса выявляет уровень креативности. А решение (которое тоже требует креативности) – только следствие правильной постановки вопроса [49]. Схема креативной «естественнонаучной» деятельности М. Альберти (Рис. 2) подходит достаточно близко к стадиям теории Г. Уоллеса (знак «→» означает применение методов аналогии):

- явление (чтобы правильно поставить вопрос по отношению к тому, мимо чего все прочие проходят, но изучение которого даст важный результат, нужна очень долгая и серьёзная подготовка);
- наблюдение и выдвижение гипотезы;
- эксперимент → доказательство → объяснение (на этом этапе возможно возвращение на предыдущие шаги, их повторение).

Таким образом, присутствие когнитивной компоненты выглядит вполне логично. И это, например, может объяснять связь креативности с конвергентным и продуктивным типами мышления (они, так же как и индукция, активно используют принцип аналогий).

В части первой статьи было показано, что при выборе той или иной невербальной метафоры, которые входят в модель «BASIC Ph», испытуемый показывает предпочтение к соответствующей поведенческой стратегии [52]. Считается [35], что латентные переменные, объясняющие как отдельные поведенческие акты, так и в целом деятельность человека – это

- могут быть мотивации, которые учитывают влияние среды (для функциональных переменных, которые описывают мотивации как процесс),

- могут быть мотивации, учитывающие образование намерений и произвольность (в случае, если эти переменные – диспозициональные),

то мы можем полагать, что шкалы, построенные на основе факторов модели, будут связаны либо с функциональными переменными, либо с диспозициональными. Рассмотрим иерархию основных проблемных областей психологии мотивации, которую подробно описал Х. Хекхаузен [35].

(1) Личностные мотивы – устойчивые во времени предрасположенности и ценностные диспозиции (и их иерархия), которые характерны для конкретного индивида, и которые проявляются в том

- как и на что он тратит своё время;

- каким образом данный индивид предпочитает действовать;

- почему при одних и тех же обстоятельствах данный индивид будет вести себя иначе, чем окружающие.

У индивидов наблюдается различная степень проявления отдельных мотивов и их иерархии, что предопределяется причинами исторической и онтогенетической природы. Примером могут служить такие мотивы, как агрессивность, власть, достижение, общение и принадлежность, которые привлекают данного индивида, если их значимость для него позитивна. При объяснении поведения индивида мотивы выступают как диспозициональные переменные. Например, Р. Б. Кеттел [37] таковыми считал:

- диспозиции темперамента, которые проявляются всегда, вне связи с той или иной ситуацией;

- когнитивные диспозиции (способности), которые проявляются при изменении сложности воспринимаемых стимулов (окружение, сама ситуация);

- динамические (мотивационные) диспозиции, проявление или уход «в тень» которых связано с побудительными характеристиками актуальной ситуации.

Особняком от других характерологических теорий стоит концепция мотивов, которую Ф. Лерш предложил на основе своего интуитивно-фенологическо-общепсихологического подхода. В Лейпциге в 1938 году вышла книга Ф. Лерша «Строение характера», но все последующие её издания назывались «Строение личности», в том числе и восьмое [47], в которой Ф. Лерш предлагает такую классификацию мотивов:

- мотивы «витального бытия», например, либидо потребность в новых впечатлениях стремление к наслаждению, стремление к деятельности;

- мотивы «индивидуального Я», например, стремление к самоуважению, уровень притязаний, потребность в самосохранении, потребность в признании, воля к власти, стремление к значимости, эгоизм;

- мотивы «неиндивидуального бытия», например, творческое соучастие (стремление к продуктивному творчеству), обязанности (долг), человеческое участие,

отрешённое соучастие (художественная потребность, метафизическая потребность, религиозные искания), познавательное соучастие (интересы), любовное соучастие.

(2) Результирующая мотивационная тенденция, которая приводит к образованию намерений и учитывает

- ожидаемую личностную ценность как влияние личностных мотивов, см. (1),
- ситуативные стимулы (влияние ситуации);
- латентные потребности, включая стремление снизить когнитивный дискомфорт, закончить прерванные и незавершённые действия, а также другие намерения, которые могут быть активными в данный момент.

(3) Компонент произвольности, в который входят процессы и условия, доводящие имеющиеся намерения до реализации при наличии подходящих возможностей (включая организацию нужных возможностей). Произвольность по отношению к конкурирующим друг с другом намерениям:

- должна давать ответ на то, стоит или не стоит превращать данное намерение в цель для действия;
- инициировать нужное действие по реализации соответствующего намерения;
- довести инициированное действие до завершения и провести оценку итога, который получился в результате деятельности.

Отечественные исследователи, описывая креативную деятельность [6, 30, 17, 8 и др.), отдают предпочтение диспозициональным переменным (включая произвольность) перед функциональными переменными (внешними стимулами).

Более подробное обсуждение результатов компьютерная версия сейчас не имеет смысла в связи со спецификой и малым объёмом выборки. В процедуру измерения было решено внести такие изменения:

(1) произвести замену некоторых карт-изображений для более точного разграничения обобщающих метафор (в частности, когнитивные способности и креативность);

(2) набирать группу испытуемых более или менее случайным образом и максимально разнородную (в том числе из разных городов и стран проживания);

(3) делать три предъявления вместо двух.

Пункты (1) и (2) обоснованы выше. Пункт (3) вытекает из пункта (2) в связи с тем, что новые испытуемые будут менее однородной группой, а также с тем, что в обобщённые метафоры входит метафора телесно-волевого усилия, которую надо учитывать не только как произвольный компонент мотивации, но учитывать влияние произвольного компонента на саму процедуру измерения шкал методики.

Л. Ланге, являясь учеником В. Вундта, в 1888 году поставил первый эксперимент по количественному измерению воли с помощью рефлексометрии: время реакции уменьшалось, когда испытуемый обращал внимание на саму двигательную реакцию, по сравнению с тем, когда испытуемый обращал внимание на стимул [46]. Согласно интерпретации этого эксперимента О. Кюльпе (отличной от объяснений В. Вундта на основе простого сложения времени моторной реакции и времени апперцепции стимула) у испытуемого при различных заданиях формируются разные predispositions, которыми направляются его внимание, а принятая цель управляет всей деятельностью испытуемого, включая и процессы, которые не подлежат волевому контролю. Исходя из учения А. Ухтомского о доминанте [34], нам представляется, что объяснение О. Кюльпе эксперимента Л. Ланге более обосновано, чем объяснение В. Вундта.

Предъявление №1 объявляется тренировочным, чтобы нивелировать различие между испытуемыми, знакомых и незнакомых со стимульным материалом. В этом случае

эффект Л. Ланге выражен максимально. Предъявления №2 и 3 объявляются зачётными, но латентное время выбора в предъявлении №2 также может быть искажено за счёт эффекта Л. Ланге, хотя и в меньшей степени, чем в предъявлении №1. Предъявление №3 проходит в нужных условиях – эффект Л. Ланге выражен минимально. Вот описание этого процесса одним из испытуемых (все сведения, которые могут как-то идентифицировать отдельных испытуемых, изменены), полученное от него во время посттестового опроса:

«Первый раз я разглядывал картинки – разбирался, что этим хотел показать художник, второй раз я их помнил и делал уже быстрее, а в третий раз всё было на автомате».

При этом данный испытуемый на первое прохождение затратил 52 секунды, на второе – 39 секунд, на третье – 25 секунд. Нестабильность ответов составила величину 1,2 секунды (результаты надёжные).

Таким образом, в предыдущей части (№ 1) был описан методологический аспект, в текущей части (№ 2) – проверка компьютерного варианта методики, а также ряд аспектов интеллектуального анализа данных. В последующей части (№ 3) будут описаны итоги проверки внутренней согласованности шкал методики на русскоязычной выборке (четыре сотни испытуемых, диапазон возрастов от 5 до 76 лет). На следующем этапе разработки методики планируется провести проверку валидности шкал методики с помощью перекрёстных корреляций с другими тестами.

Литература

1. Алмаев Н. А. (2012) Применение контент-анализа в исследованиях личности: Методические вопросы / Н. А. Алмаев. – М.: ИП РАН. – 167 с.
2. Альберти М. (2014) Творчество в математике / Микель Альберти / пер. с исп. – М.: Де Агостини. – 160 с.
3. Альтшуллер Г. С. (1979) Творчество как точная наука / Г. С. Альтшуллер. – М.: Советское радио – 184 с.
4. Бейли Н. (1963) Статистические методы в биологии / Н. Бейли – М.: Мир. – 272 с.
5. Белда И. (2014) Разум, машины и математика. Искусственный интеллект и его задачи / Игнаси Белда / пер. с исп. – М.: Де Агостини. – 160 с.
6. Бехтерев В. М. (1928) Общие основы рефлексологии человека. Руководство по объективному изучению личности / В. М. Бехтерев. – Л.: Государственное издательство «Москва». – 544 с.
7. Бинималис Басса М. И. (2014) Новый взгляд на мир. Фрактальная геометрия / Мария Изабель Бинималис Басса / Пер. с исп. – М.: Де Агостини. – 144 с.
8. Богоявленская Д. Б. (2002) Психология творческих способностей: Учеб. пособие / Д. Б. Богоявленская. – М.: Издательский центр «Академия». – 320 с.
9. Вергунов Е. Г. (2000) Медицинские знания: визуализация и представление информации / Е. Г. Вергунов // Вестник межрегиональной ассоциации «Здравоохранение Сибири». – № 2. – Новосибирск. – С. 65 – 69.
10. Вергунов Е. Г. (2009) Опыт применения методов визуализации в качественном анализе тайм-теста / Е. Г. Вергунов, Е. И. Николаева // Мир науки, культуры образования. – Горно-Алтайск. – № 7. – Часть 2. – С. 128 – 131.
11. Вергунов Е. Г. (2011) Анализ иерархических корреляционных связей между параметрами эмоционального реагирования старшеклассников: / Е. Г. Вергунов // Мир науки, культуры образования: Научный журнал. – Барнаул. – № 6. – Часть 2. – С. 101 – 104.
12. Вергунов Е. Г. (2011) Специфика простой и сложной сенсомоторной реакции у

- школьников с различной успеваемостью / Е. Г. Вергунов // Психология образования в поликультурном пространстве. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2011. – Т. 3. – С. 43 – 47.
13. Вергунов Е. Г. (2012) Психофизиологический анализ эмоциональных реакций старших школьников с разной академической успешностью: автореф. дисс. на соиск. кандидата психол. наук: 19.00.02 / Е. Г. Вергунов. – СПб: РГПУ им. А. И. Герцена. – 24 с.
14. Вергунов Е. Г. (2014) Оценка психофизиологической стоимости креативности в междисциплинарных исследованиях / Е. Г. Вергунов, Е. И. Николаева // Вестник психофизиологии. – СПб. – № 1. – С. 74 – 82.
15. Вергунов Е. Г. (2014) Метафора янусовидной деятельности, часть 1: количественное измерение креативности / Е. Г. Вергунов // Вестник психофизиологии. – СПб. – № 3 – С. 44-58.
16. Выготский Л. С. (1982-84) Собрание сочинений: В 6 т. / Л. С. Выготский. – М.
17. Выготский Л. С. (1997) Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. – СПб.: СОЮЗ. – 96 с.
18. Гордеева Т. О. (2011) Мотивация творческой деятельности / Т. О. Гордеева // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – С. 331 – 359.
19. Заева М. (2014) Креативность как копинг-стратегия в трудовой деятельности / М. Заева, И. Васильева. – Saarbrücken, Deutschland: Lap Lambert Academic Publishing. – 92 с.
20. Зайцев В. М. (2003) Прикладная медицинская статистика / В. М. Зайцев, В. Г. Лифляндский, В. И. Маринкин. – СПб.: ООО «Издательство ФОЛИАНТ». – 432 с.
21. Зинченко Ю. П. (2014) Актуальные проблемы методологии, теории, образования и практики клинической психологии в современной России / Ю. П. Зинченко // Материалы Международной научно-практической конференции «Медицинская (клиническая) психология: исторические традиции и современная практика (к 70-летию ЯГМА)» 02-04 октября 2014. – Ярославль: ЯГМА.
22. Лаос-Бельтра Р. (2014) Математика жизни. Численные модели в биологии и экологии / Рафаэль Лаос-Бельтра / пер. с исп. – М.: Де Агостини. – 160 с.
23. Мадрид К. (2014) Бабочка и ураган. Теория хаоса и глобальное потепление / Карлос Мадрид / Пер. с исп. – М.: Де Агостини. – 144 с.
24. Наследов А. Д. (2007) SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. 2-е изд. – СПб.: Питер. – 416 с.
25. Николаева Е. И. (1995) Психофизиологические закономерности оценки эмоциональной значимости слов: Дисс. на соиск. доктора биол. наук: 14.00.17 / Е. И. Николаева. – Новосибирск: ИБХ СОАН РФ. – 308 с.
26. Николаева Е. И. (2008) Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии: учебник / Е. И. Николаева. – М.: ПЕР СЭ. – 624 с.
27. Николаева Е. И. (2011) Использование программы «Surfer» для визуализации разнообразия реакций у детей / Е. И. Николаева, Е. Г. Вергунов // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях-2011: труды конференции. – Н. Новгород: ИПФ РАН. – С. 134 – 135.
28. Николаева Е. И. (2013) Психофизиологические основы адаптации студентов-

- психологов к учебной деятельности / Е. И. Николаева, С. А. Котова, Е. Г. Вергунов // Качество психологического образования: единство теории и практики: коллективная монография / Под ред. Л. И. Боровикова, Д. К. Войтюка. – Новосибирск: НИПКиПРО. – С. 218 – 250.
29. Окунь Я. (1973) Факторный анализ / Я. Окунь. – М.: Статистика. – 200 с.
30. Пономарёв Я. А. (1976) Психология творчества и педагогика / Я. А. Пономарёв. – М.: Педагогика. – 280 с.
31. Постнов В. Г. (2004) Ассоциативный и фрактальный механизмы реакции мозга на острую глобальную ишемию у кардиохирургических больных (постановка проблемы) / В. Г. Постнов, А. М. Караськов, Е. Г. Вергунов // Патология кровообращения и кардиохирургия. – Новосибирск. – № 3. – С. 69 – 74.
32. Резник А. Д. (2008) Книга для тех, кто не любит статистику, но вынужден ею пользоваться. Непараметрическая статистика в примерах, упражнениях и рисунках / А. Д. Резник. – СПб.: Речь. – 265 с.
33. Талеб Н. Н. (2009) Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Насим Николас Талеб / пер. с англ. – М.: Колибри. – 528 с.
34. Ухтомский А. А. (2002) Доминанта. Статьи разных лет. 1887-1939 / А. А. Ухтомский. – СПб.: Питер. – 448 с.
35. Хекхаузен Х. (2003) Мотивация и деятельность / Хайнц Хекхаузен. – М.: Питер. – 2-е изд. — 859 с.
36. Atkinson G. (1998) Statistical Methods For Assessing Measurement Error (Reliability) in Variables Relevant to Sports Medicine / G. Atkinson, A. M. Nevill // *Sports Med.* – V. 26 (4). – P. 217 – 238.
37. Cattell R. B. (1955) The chief invariant psychological and psychophysical functional unities found by P-technique. / R. B. Cattell // *Clin. Psychol.* – 11. – P. 319 – 343.
38. Chakravarty A (2010) The creative brain – Revisiting concepts / A. Chakravarty // *Medical Hypotheses.* – 74. – P. 606 – 612.
39. Cohen L. (2007) *Research Methods in Education* / L. Cohen, L. Manion, K. Morrison. – NY: Routledge. – 638 p.
40. Cronbach L. J. (1951) Coefficient alpha and the internal structure of tests / L. J. Cronbach // *Psychometrika.* – V. 16. – P. 297 – 334.
41. Cronbach L. J. (1955) Construct validity in psychological tests / L. J. Cronbach, P. E. Meehl // *Psychol. Bull.* – V. 52. – P. 281–302.
42. Gardner H. (2011) *Creating minds: An Anatomy of Creativity Seen Through the Lives of Freud, Einstein, Picasso, Stravinsky, Elliot, Graham and Gandhi* / Howard E. Gardner. New York: Basic Books. – 438 p.
43. Haier R. J. (2008) Brain Imaging Studies of Intelligence and Creativity: What is the Picture for Education? / Richard J. Haier, Rex E. Jung // *Roeper Review.* – 30:3. – P. 171 – 180.
44. *International Handbook of Human Response to Trauma (2000)* / Editors Arieh Y. Shalev, Rachel Yehuda, A. C. McFarlane. – New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers. – 477 p.
45. Isakson S. G. (1985) Curriculum Planning for Creative Thinking and Problem Solving / Scott G. Isakson, Sydney J. Parnes // *Journal of Creative Behavior.* – 19. – P. 1 –29.
46. Külpe O. (1893). *Outlines of psychology* / Oswald A. Külpe / Edward Bradford Titchener, Trans. New York: Macmillan. – 462 p.
47. Lersch Ph. (1962) *Aufbau der Person.* 8 Aufl. / Philipp Lersch. – München: J. A. Barth. – 664 s.

48. Osborn A. F. (1963) *Applied Imagination: Principles and Procedures of Creative Thinking* (3rd ed.) / Alex F. Osborn. – New York: Charles Scribner's Sons. – 417 p.
49. Poincaré H. (1910) *Mathematical Creation* / Jules Henri Poincaré // *The Monist. Devoted to the philosophy of science.* – Chicago, Illinois: The Open Court Publishing Company. – Vol. XX, No 3. – P. 321 – 335.
50. Rossman J. (1931) *The Psychology of the Inventor: A Study of the Patentee* / Joseph Rossman. – Oxford, England: Inventors Publ. Co. – 252 p.
51. Rothenberg A. (1983) *Psychopathology and creative cognition. A comparison of hospitalized patients, Nobel laureates and controls* / A. Rothenberg // *Archives of General Psychiatry.* – V. 40. – № 9. – P. 937 – 942.
52. *The «BASIC Ph» Model of Coping and Resiliency. Theory, Research and Cross-Cultural Application* (2013) / Edited by M. Lahad, M. Shacham, O. Ayalon. – London: Jessica Kingsley Publishers. – 288 p.
53. Wallas G. (1926). *The art of thought* / G. Wallas. – New York: Harcourt, Brace and Company. – 320 p.
54. Wang Y. (2009) *On Cognitive Foundations of Creativity and the Cognitive Process of Creation* / Yingxu Wang // *International Journal of Cognitive Informatics and Natural Intelligence.* – 3(4). P. 1 – 18.

METAPHOR OF JANUS-LIKE ACTIVITY. PART 2: SEARCH OF NONVERBAL METAPHOR FOR EVALUATION OF THE CREATIVITY

In the article the second stage of method's development of the nonverbal motivation to the activity assessment (including the creative one) is described. It was the verification of the effectiveness of two variants of the test (paper and computer ones, pilot project). The subjects were the intellectual workers.

The typical problems of researcher who plans a psychophysiological experiment and then processes the data are described. The methods of this kind of problems decision using the approaches of Data Mining are discussed. Using the results of the first stage method development the stimuli were chosen: 16 nonverbal metaphors (pictures), which reproduce different aspects of Janus-like activity.

The technology of the test's performance both paper and computer variants was offered. The peculiarities of method are the stimuli: in pilot projects it was random choosing from 354 variances in two series.

All 354 variances are different, but equivalent ones. Total time of two series performances by subjects was some minutes. The latent time of choosing by subjects were registered for each metaphor. At the end of test performance nonstability of answers are assessed. The metaphors of professional activity of subjects of the same intellectual professions were discussed. Three latent variables: social desirability, representative and creative activity were described.

Using the results of this stage the next stage was prepared: the verification of test's scale consistency after the procedure in which 400 subjects will perform three series of the tests.

Key words: creativity, nonverbal metaphor, Janus-like activity, latent time of choosing, Data Mining.

УДК 008:7.036+82

СИНДРОМ АСПЕРГЕРА: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ XXI ВЕКА
(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Чукуров А.Ю.
Россия, Санкт-Петербург,
Российский государственный педагогический
университет А.И.Герцена,
achukurov@yandex.ru

Речь пойдет об активном присутствии аутизма и, конкретно, синдрома Аспергера, в художественном пространстве XXI века. Данная статья посвящена, прежде всего, анализу отдельных аспектов взаимодействия художественного поля и поля психофизиологии. Будет раскрыта проблема нейроразнообразия, а также взаимодействие девиации и культуры на современном этапе. Мы подробно проанализируем специфику репрезентации аутизма в художественной культуре. Сегодня мы наблюдаем активное развитие идеи нейроразнообразия и трансформации отношения к проблеме аутизма в обществе. Все виды художественного творчества отдают дань аутизму вообще или конкретно синдрому Аспергера, что свидетельствует о глубинных изменениях в мировой культуре. Бесконечная вариативность телесных практик естественным образом приводит нас к мысли о бесконечной вариативности практик ментальных, тем самым исключая из поля культуры идею девиантности или сводя ее до правоприменительной юридической практики.

Ключевые слова: нейроразнообразие, аутизм, Аспергер, искусство, девиантность.

I. Нейроразнообразие и проблема культурной трансгрессии

Данная статья посвящена, прежде всего, анализу отдельных аспектов взаимодействия художественного поля и поля психофизиологии. Однако специфический предмет, который находится в фокусе нашего внимания, невольно выводит нас на известный и – что невозможно отрицать – весьма спорный социокультурный феномен нашей современности. Речь идет о феномене политкорректности, который стал краеугольным камнем западного мировоззрения на самом деле относительно недавно. Однако за пятнадцать-двадцать лет своего полноценного существования у него сложился широкий круг противников и критиков. Автор данной статьи к таковым себя не относит, а потому весь последующий материал будет выдержан по возможности именно в духе политкорректности.

Речь пойдет об активном присутствии аутизма и, конкретно, синдрома Аспергера, в художественном пространстве XXI века. Весьма примечательно, что лица с синдромом Аспергера, а требования политкорректности не позволяют нам использовать словосочетание «страдающие синдромом Аспергера», называют всех прочих, не относящихся к их сообществу и представляющих психофизиологическую норму (условную, разумеется) – «нейротипичные». В самом термине определенная ироническая коннотация уже звучит довольно ясно, особенно для носителей русского языка, в котором термин «типичное» чаще используется для обозначения чего-либо «усредненного» и потому «менее достойного». Но вдвойне забавно, что это английское слово – *neurotypical* – в то же самое время используют как неприкрыто насмешливое для обозначения лиц со средним уровнем IQ.

В эпоху трансмодерна, когда, вспоминая Лесли Фидлера, «рвы и границы» уже не просто «пересечены и засыпаны», но одно упоминание о них звучит нелепо и выводит человека за пределы научного дискурса; когда пережитком прошлого оказывается не только фиксация на расовой принадлежности, но и традиционная поло-ролевая идентификация, уже ни у кого не вызывает сомнения, что тело – это не более, чем механизм для достижения тех или иных смысложизненных задач, и как любой механизм, может быть перестроено и видоизменено согласно требованиям заказчика/владельца. Но если тело и самосознание регулярно оказываются в центре социокультурного дискурса, в рамках которого признается их вариативная множественность в силу господствующего в XXI веке духовного феномена толерантности, то отчего наше психическое состояние, сама нервная система, определяющая столь много в наших повседневных практиках, пока не стала предметом пристального внимания научной гуманитарной общественности?

Между тем, художественная жизнь, очевидно опережая научную рефлексию, выводит на авансцену героев не только с синдромом Аспергера, но и со множеством иных проявлений аутизма. Это случайное совпадение или некий временный мейнстрим в кино и литературе? Нет, это весьма значимая тенденция, являющаяся частью всеохватного процесса культурной трансгрессии. Культурологическая наука еще не обратилась к молодому и стремительно набирающему обороты социокультурному движению, которое выступает за нейроразнообразие. Между тем, если мы сегодня утверждаем гендерную толерантность со свободой поло-ролевой самоидентификации, то обязаны идти до конца и согласиться с базовым тезисом движения за нейроразнообразие – в устройстве и функционировании головного мозга не существует единого стандарта и образца. Не зря сегодня представители сообщества аутистов не желают, чтобы их лечили. По мнению ряда исследователей, гены, ответственные в частности за синдром Аспергера, появились относительно недавно и являются продуктом эволюции вида *Homo sapiens*. Иными словами, возможно, это более высокая ступень эволюции! Как известно, носители данного синдрома проявляют крайнюю степень внимания к отдельным отраслям знания и научным сферам. Физика, математика, лингвистика – это лишь крошечный перечень тех отраслей, в которых эти люди могут оказаться незаменимы. Эта мысль в более развернутой форме была высказана еще в 2002 году профессором факультета экспериментальной психологии и психиатрии Кембриджа Симоном Барон-Коэнном [6]. Если углубиться в лингвистические тонкости, то мы поймем, что даже фраза «человек с аутизмом» в корне не верна, потому как аутизм от человека не отделяется, являясь его органической частью. Это то, что определяет личность, но при этом не является болезнью.

II. Девиация и культура

Анализируя нейроразнообразие как часть куда большего явления – разнообразия культурного, являющегося фундаментом современного толерантного общества – мы выходим на проблему более глобального свойства. Речь идет о соотношении двух понятий – «культура» и «девиация». Что мы понимаем под термином «девиация»? Как правило, речь идет о поведении, отклоняющимся от общепринятых норм в разные этапы развития общества. По мнению исследователей, «отклоняющееся поведение» понятие широкое. Оно включает и неприемлемые ценностные ориентации, и поведенческие реакции, и морально-нравственные установки. «Иначе говоря, у девиантного поведения — девиантная мотивация. Примерами подобного поведения служат отсутствие приветствия при встрече, хулиганство, инновационные или революционные действия и т. п. Девиантными субъектами являются молодые аскеты, гедонисты, революционеры,

психически больные, святые, гении и т. п. ... Действия человека включены в социальные взаимосвязи и системы (семья, улица, коллектив, работа и т. и.) с общей нормативной регуляцией. Поэтому девиантным является поведение, нарушающее стабильность процессов социального взаимодействия. Равновесие (стабильность) социального взаимодействия предполагает интеграцию действий многих, которая нарушается девиантным поведением одного или нескольких людей. В ситуации девиантного поведения человек, как правило, ориентируется на ситуацию, включающую в себя (1) других людей и (2) общие нормы и ожидания. Девиантное поведение вызывается как недовольством другим, так и нормами взаимоотношений» [3]. Определение более размытое дать просто невозможно. Здесь вам и психически больные, и гении, да и вообще все, кто «равновесие» нарушает. Вспомним про призывы «не раскачивать лодку»... Вот только кто и по какому праву дает нам критерии «нормы»?

И здесь возникает очень серьезный вопрос: что есть девиация и девиантное поведение в социуме эпохи трансмодерна? Разумеется, все то, что может причинить вред жизни и здоровью другого человека. Но, собственно, это и все! Поведение человека всегда оценивается другим человеком, группой лиц, обществом в целом. На что мы опираемся, давая ту или иную оценку чужим поведенческим реакциям? Прежде всего, на существующее законодательство и морально-этические неписанные нормы. Если с законодательством все более или менее ясно, то вот неписанные нормы вызывают массу вопросов, ибо не ясно, кто их и в каких условиях создавал, и кто отвечает за их соблюдение. Если меняются нормы права как в диахронии, так и в синхронии (например, при пересечении государственных границ), то что уж говорить о нормах морали и нравственности. Совершенно очевидно, что они никак не могут рассматриваться критериями девиантности в силу полной и абсолютной собственной нерелевантности.

В обществе эпохи глобализации и трансмодерна поле девиации стремительно сокращается. Реинкарнация консервативных групп и тенденций, обострение фундаментализма и проявление иных, сходных с указанными, тенденций в последние десять лет – косвенное подтверждение данного тезиса. Как хорошо известно, чем активнее развивается тот или иной процесс, чем яростнее и упорнее заявляет о себе та или иная идея, тем с большим сопротивлением среды они сталкиваются.

III. «Аспергер» для культурологов

Для гуманитарной научной общественности, в частности, для читающих наш журнал культурологов, необходимо все же чуть более детально пояснить, что представляет собой синдром Аспергера и какое место он занимает в спектре аутизма.

Название синдрому дал Ганс Аспергер – врач, психиатр и педиатр. Австрийский медик в годы второй мировой войны изучал детей с разнообразными коммуникационными и поведенческими отклонениями. Он и выделил детей, отличавшихся неловкостью, сниженной эмпатией и трудностями в общении. Дальше, в процессе изучения и наблюдения, он обратил внимание на их высокий интеллектуальный уровень. За описанным синдромом в науке так и закрепилось название «Аспергер», а само изучение было продолжено. Впоследствии многие исследователи отметили умение концентрироваться на интересующей их вещи или проблеме, повышенное внимание, жесткую логику, упорство в достижении поставленной цели и стремление к совершенству.

Синдром Аспергера – это, согласно утвердившейся терминологии, «расстройство аутистического спектра». Здесь сразу следует отметить, что существует несколько видов аутизма. «Вне зависимости от конкретного диагноза расстройства аутистического спектра характеризуются трудностями с социальным взаимодействием, социальной

коммуникацией и гибкостью мышления. Это называется триадой нарушений (Лорна Винг, 1996). Аутизм представляет собой гетерогенный синдром, – недавние исследования [4].

Синдром Аспергера предполагает наличие проблем с невербальной коммуникацией; невозможность разделить интересы близкого; трудности в установлении социальных контактов; высокую степень организованности; перфекционизм; правильную «академическую» речь; отсутствие чувства юмора; неуклюжесть и, конечно же, повторяющиеся движения и ритуалы, ставшие классикой художественной культуры (вспомним хотя бы полюбившегося многим Шелдона из сериала «Теория Большого взрыва»), но об этом пойдет речь ниже.

Как уже было указано, согласно одному из подходов гены, ответственные в частности за аутизм, появились относительно недавно и являются продуктом эволюции человека. Но эволюция идет дальше, а значит, исходя из указанного предположения, аутистов должно становиться с каждым годом все больше. Так ли это? Ответ однозначный и подтвержденный множеством медицинских исследований – так.

Андрей Петрухин, детский невролог, назвал аутизм одной из самых распространенных болезней. «По его словам, в России им страдает один ребенок из тысячи. Другие российские эксперты называют еще большие цифры. По словам Марины Бардышевской, практически в каждой группе детского сада есть ребенок с аутистическим расстройством. Как рассказал Евгений Лильин, по статистике советского времени один аутист приходился на 150 тыс. детей.

В других странах цифры также растут с огромной скоростью. В США в 1970-е годы один аутист приходился на 10 тыс. детей. Сейчас, по данным Центра по контролю и профилактике заболеваний (подструктура Минздрава), один аутист приходится уже на 88 детей. При этом два года назад аутистов в США насчитывалось на 23% меньше, чем сейчас. В Израиле за последние семь лет их стало в два раза больше, и сейчас аутизмом в этой стране страдает каждый 200-й ребенок. Польская статистика причисляет к аутистам одного ребенка из тысячи, шведская – одного из 500». [1]

Количество исследований, связанных с выявлением аутизма, изучением поведения и мыслительного процесса аутистов растет в геометрической прогрессии. Точно также как растет количество самих аутистов. «Недавние исследования, проведенные в Великобритании, показали, что за последнее десятилетие в десять раз увеличилось количество "выявленных" аутистов. В британском парламенте создана даже специальная межфракционная группа по проблемам этого заболевания. Хотя еще недавно полагали, что на 500 детей приходится лишь один аутист, сейчас в Британии насчитывают до полумиллиона человек, страдающих от этой болезни.

Согласно только что опубликованным результатам исследования Британского совета по медицинским исследованиям, на тысячу детей младше восьми лет приходится шестеро больных. Серьезной проблемой считается также рост числа семей, в которых двое и более детей больны аутизмом. Особенно беспокоит рост числа таких случаев среди близнецов». [2]

Иными словами, цивилизация меняется, как неизбежно меняются представления о норме и девиации. Вместо того, чтобы цепляться за отжившие нормы, правила и традиции, общество должно быть нацелено на выработку новых методик и техник межличностного взаимодействия, обучения, социализации.

А самое главное, оно должно осознать принципиальную неприменимость традиционалистско-консервативных лекал для оценки тех или иных событий, мировоззренческих практик и моделей поведения.

IV. «Аспергер» и художественный текст

Современная художественная культура дает нам великое множество примеров, когда в центре полотна, текста, сюжета оказывается представитель сообщества аутистов, но особенно авторам полюбился именно синдром Аспергера. Даже неискушенный в художественной жизни человек сразу вспомнит прекрасный фильм Барри Левинсона «Человек дождя». Здесь массовый зритель, пожалуй, впервые понял, что это состояние, пограничное с гениальностью.

Я много писал о художественном тексте стран Северной Европы и могу со всей определенностью утверждать, что данный регион находится в лидерах по обращению к этой проблематике, а синдром Аспергера давно и прочно прописался в культурах Скандинавии и Финляндии. Даже если в произведении нет прямого указания на наличие у героя одной из форм аутизма, значит его модель поведения будет соответствовать классическому описанию одного из синдромов группы. Первое, что бросается в глаза, – это общность главных героев, словно бы речь идет об одном и том же человеке, разве что описанным различными людьми, добавившими к портрету незначительные, субъективно выделенные черты. Уже стало общим местом при анализе произведений стран Скандинавии указывать на «аутичность» персонажей, однако необходимо обратить внимание, что аутизм этот часто имеет природу сугубо социальную.

Синдром Аспергера или любое иное проявление аутизма используется, прежде всего, для подчеркивания разрыва человека с реальностью, олицетворением которой, как правило, выступает истеблишмент. В определенный момент человек уже не может справляться с жизненными трудностями, ломается, бежит от общества. Подчас такой герой даже не осознает, что именно толкнуло его на этот последний шаг, приведший к разрыву с, казалось бы, привычным образом жизни. Но одним из самых любимых приемов скандинавских художников, наиболее часто используемый для манифестирования невозможности контакта человека и повседневности, – выход на авансцену героя, априори не способного социализироваться. Конфликт задается психологическими или физиологическими особенностями героя.

Пожалуй, впервые мы сталкиваемся с тем, как грань между реальностью и ее отражением в кривом зеркале истончается настолько, что становится фактически вовсе незаметна, в произведении Йоханны Синисало «Тролль». Само по себе данное произведение абсолютно укладывается в мейнстрим современной североевропейской литературы вообще и финской литературы в частности. Вселенское одиночество – вот центральная тема романа.

Тот факт, что главный герой романа является представителем миноритарной культуры, для современной литературы совершенно естественно. В данном случае – он фотограф-гомосексуалист, – но этого, увы, явно недостаточно: писательница еще более подчеркивает незащитность, даже некоторую слабость героя, выводя его в повествовании под именем Ангел. Хотя у героя есть нормальное имя и фамилия, тем не менее, «Ангел» перестает быть прозвищем, а становится Именем героя. Но по ходу повествования мы понимаем, что Ангел это даже не и прозвище или имя, – это образ, всеми желанный и абсолютно недостижимый. Словно Йоханна Синисало пытается нам намекнуть на инобытийное происхождение персонажа, на его неустойчивое положение в этом, реальном мире. А то, что он гомосексуалист – лишь дополнительная характеристика его как Иного. Если внимательно анализировать образный ряд романа, то другим персонажем, призванным вызывать сочувствие и сопереживание у читателя, своеобразным alter ego Ангела, становится Паломита – бедная филиппинка, живущая на положении рабыни у соседа Ангела – Пентти, человека грубого и жестокого: «...она

глядит на меня снизу вверх трогательными карими, как у косули, глазами. Потом она вдруг вздрагивает, застывает, и глаза ее становятся еще больше» [5], – так, в одной фразе писательница дает полную характеристику Паломите. Образ женщины-косули в первой же фразе автоматически превращает Паломиту в жертву. Так же очевидно, возможно даже слишком, что Ангел и Паломита должны проникнуться друг к другу симпатией. Два человека с комплексом жертвы пытаются по мере возможностей помогать друг другу, вступают в странный молчаливый союз, союз обреченных перед жестоким миром. Здесь автор напрямую не обращается к синдрому Аспергера, но аутичность героев, их инобытийность подчеркнута включением в ткань повествования сказочного персонажа – тролля – дает читателю именно эту ассоциацию.

Наиболее полно «коммуникационный дисбаланс» отразила на страницах своих произведений современная шведская писательница Ингер Эдельфельдт. Она создает яркую галерею образов «маленького человека», зажатого в тисках повседневности, хорошо организованной, вполне комфортной, но лишенной человеческого тепла и счастья. Остроту ее произведениям придет как раз обыденность обстановки, в которую вписано действие романов, повестей и рассказов. Считается, что вершина творчества писательницы – это сборник рассказов «Удивительный хамелеон», где Эдельфельдт максимально ярко передает фобии представителя современного шведского общества. На первый план среди прочих в ее творчестве выходит социальная фобия, которой страдает по официальным данным огромный процент женского населения в странах Скандинавии и Финляндии. Изоляция и специфическая форма «социального аутизма» – это весьма характерный для нее сюжет.

Примеры можно приводить и дальше – это и повесть Хенрики Рингбум «Одержимость Мартины Дагер» (1998), и повесть Микаэлы Сундстрем «Вокруг нас небеса те вовеки вздымаются» (1999), и произведения столь популярного сегодня норвежского писателя Эрланда Лу, и, прежде всего, его роман «Наивно. Супер», где перед нами разворачивается жизнь «социального аутиста», и многие другие. В конце концов, именно шведский писатель и журналист Стиг Ларссон дает нам цикл «Миллениум», где главная героиня со всей очевидностью является представительницей сообщества аутистов. «Психофизиологические проблемы могут подталкивать человека к активной борьбе с не устраивающей его реальностью. Агрессия становится стержнем всей жизни, в конечном счете приводя к саморазрушению» [7, 20].

Это явление можно было бы назвать «региональным», если бы оно не получило распространение по всему миру. Это и «Загадочное ночное убийство собаки» Марка Хэддона, недавно переведенное на русский язык, и «Дэниэл молчит» Марти Леймбаха – психологический тяжелый роман, где семья не смиряется с аутизмом ребенка, но пытается бороться с поставленным диагнозом. Джоди Пиколт написала роман «Последнее правило», схожий с текстом Леймбаха. Есть и другая группа текстов – так называемая документальная проза, представленная такими авторами, как Ирис Юханссон, создавшую автобиографическое произведение «Особое детство».

Кинематограф и телевидение также все более и более активно используют тему различных форм аутизма и пока еще миноритарной субкультуры аутистов. Интересно, что даже в фильме «Форест Гамп», – символе американского патриотизма, – главный герой представляет именно эту субкультуру. С моей точки зрения, это знаковое явление, со всей очевидностью говорящее о переосмыслении роли аутизма в мировом культурном пространстве. А вот фильм «Меня зовут Кхан» соединил сразу два магистральных культурных тренда эпохи – выход на авансцену художественной жизни синдрома Аспергера и тему террористических актов 11 сентября 2001 года. Ризван Кхан – главный

герой – соединил в себе все то, что сегодня превращает обычного рядового гражданина в Символ Эпохи. Во-первых, он мусульманин. Во-вторых, эмигрант из Индии, проживающий в США. В-третьих, у него синдром Аспергера. Шаг за шагом Ризван выстраивает свою жизнь, создает семью, организует бизнес, т.е. делает все, чтобы оказаться достойным налогоплательщиком и представителем среднего класса великой страны. 11 сентября 2001 года меняет его жизнь. Вскоре трагически гибнет ребенок – в школе у него начались серьезные осложнения и конфликты, а в результате мальчик получает смертельное ранение. Как следствие – отношения Кхана с женой резко ухудшаются. Но самое главное, на них – мусульман – теперь смотрят косо, с осуждением. И вот Ризван отправляется к президенту Бараку Обаме, чтобы изменить отношение к мусульманам и сказать: «Мое имя Кхан, и я не террорист». Иными словами, в высшей степени важное социальное послание, призванное вернуть казалось бы утраченную терпимость и толерантность, вложено в уста человека с синдромом Аспергера. Режиссер, сценарист и продюсер этого фильма – известнейший представитель индийского кинематографа Каран Джохар. Вся съемочная группа и актерский состав также индийцы, хотя в судьбе фильма сыграла свою роль компания Fox Searchlight Pictures, а премьера так и вообще состоялась в Нидерландах. Иными словами, перед нами явление именно мировой художественной культуры.

Пронзительный и гораздо более глубокий фильм был снят Ником Бальтазаром по собственному роману «Ничего – это все, что он говорил». Эта бельгийско-нидерландская работа вышла в 2007 году под названием «Бен Икс» (Ben X). Уникальность проекта заключается в том, что он основан на реальной трагической истории самоубийства мальчика-аутиста, затравленного окружающими. Гораздо более тонко и эстетически выдержанно фильм взывает к толерантности и эмпатии.

В 2010 году на экраны выходит телевизионный биографический фильм «Тэмпл Грандин», названный так по имени главной героини – профессора животноводства Университета Колорадо, крупнейшего ученого, спроектировавшего новые скотобойни в США, автора множества книг и ярчайшего представителя субкультуры аутистов, причем с активной социальной позицией: она защищает права животных и пропагандирует идею нейроразнообразия.

Сериалы – безусловно, продукт массовой культуры, но тем они и показательнее, потому как быстро берут на вооружение те образы и темы, которые оказываются на гребне популярности. И вот нашему вниманию предлагаются развлекательные проекты «Доктор Хаус» и «Теория Большого взрыва», где главные герои являются яркими представителями субкультуры аутистов. Наибольшей популярностью здесь также пользуется синдром Аспергера. Где-то, как в сериале «Воздействие» он оказывается на периферии нашего внимания. Здесь одна из героинь – воровка Паркер – имеет синдром Аспергера, что для сюжета оказывается в итоге важно, хотя вначале кажется, что без этого можно было обойтись. В иных случаях один из вариантов аутизма принципиально необходим для завязки и развития сюжета, как в сериале «Связь» («Контакт»), где без мальчика-аутиста картина была бы не полной. Но уже есть примеры и того, как вокруг аутизма выстраивается и полностью весь сюжет. Это индийский сериал «Антара» (2009), лишней раз доказывающий международный характер явления. Здесь все сюжетные линии завязаны на главной героине, Антаре, девочке с аутизмом.

Таким образом, мы наблюдаем масштабность и всеохватность идеи нейроразнообразия и трансформации отношения к проблеме аутизма в обществе. Практически все виды художественного творчества отдают дань аутизму вообще или конкретно синдрому Аспергера, что свидетельствует о глубинных изменениях в мировой

культуре. Бесконечная вариативность телесных практик естественным образом приводит нас к мысли о бесконечной вариативности практик ментальных, тем самым практически исключая из поля культуры идею девиантности или, по крайней мере, сводя ее до правоприменительной юридической практики.

Литература

1. Башарова С., Бойник В., Винокур Б., Смирнов А., Шаньков В. Замкнутое пространство. // Новые Известия. 28.05.12. Режим доступа: <http://www.newizv.ru/society/2012-05-28/164072-zamknutoe-prostranstvo.html> (28.09.2014), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Висенс М. Волна аутизма. Режим доступа: <http://www.autism.ru/read.asp?id=126&vol=0> (17.09.2014), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. Девиантное поведение. Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/deviantnoe-povedenie.html> (15.09.2014), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
4. Синдром Аспергера. Режим доступа: <http://www.aspergers.ru/node/130> (28.09.2014), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
5. Синисало Йоханна. Тролль. СПб, изд-во «Амфора», 2006. С.183 - стр.84
6. См. подробнее: Baron-Cohen, Simon. Is Asperger Syndrome Necessarily Viewed as a Disability? // Focus on Autism and Other Developmental Disabilities Fall 2002 17: 186-191
7. Чукуров А.Ю. Психофизиология, художественный текст и стратегии выживания в XXI веке (к постановке проблемы). // Вестник психофизиологии. №1. – 2014. – стр.19-24.

ASPERGER SYNDROME: ART TEXT AND CULTURAL TRANSFORMATION OF XXI CENTURY

We'll focus on the active presence of autism and, specifically, Asperger's syndrome, in the art of the XXI century. This article is devoted primarily to the analysis of certain aspects of the interaction between art and psychophysiology. We'll speak about neurodiversity and interaction between deviation and culture at the present stage. We are witnessing an active development of the neurodiversity idea in the modern society. All kinds of art pays tribute to autism in general or specifically Asperger's syndrome, indicating the underlying changes in the world culture. Infinite variability of bodily practices naturally leads us to the idea of the infinite variability of mental practices, thereby excluding from the field of culture the idea of deviance, or reducing it to the practice of law enforcement.

Keywords: neurodiversity, autism, Asperger, art, deviance.

УДК: 159.9

ART THERAPY IN THE REHABILITATION OF FAMILIES AFFECTED IN LOCAL MILITARY CONFLICTS

*S. Solovyov, M. Izotova
Russia, Saint Petersburg
NGEI "Institute of Special Pedagogy and Psychology"
solovev_sergei@bk.ru*

This article discusses the integrated psychological rehabilitation of families affected in a local military conflict, the possibility of using art therapy in the correction of post-traumatic stress disorder. Given the brief analysis of the data in the diagnosis of the victims of a local military conflict, the analysis of results of a program designed to harmonize the parent-child relationships and decrease the psychological consequences of war.

Keywords: post-traumatic stress disorder, traumatic event, psychotrauma, loss, art therapy, child-parent relationships.

Nowadays, the problem of children who had some traumatic experience, is becoming one of the central problems in child psychology. In local wars which often arise in different regions of the world, children and adults have to endure atrocities of war: mass extermination, the destruction of the usual way of life, the disintegration of community, loss of family, etc. (Tarabrina N.V. 2002, Cherepanov E. M.2004).

Professionals who work with children and adults affected by the local military conflicts, need to understand the nature of psychological consequences of war.

On the night of 7 to August 8, 2008 the Georgian leaders has unleashed a military aggression against South Ossetia. With heavy artillery, tanks and systems of volley fire "Grad" and bomber aircrafts, the Georgian army for many hours attacked indiscriminate shelling of residential areas and infrastructure of Tskhinvali, the South Ossetian capital and its suburbs. According to the South Ossetian side, the data are still being specified, their casualties were 2897 people, among whom are families with children. These children stayed under heavy fire for three days and rescued in the cold cellars, without warm clothes, food and water. There are direct evidences of killing children in South Ossetia committed by Georgian troops, supported by testimony of eyewitnesses, collected and documented by law enforcement agencies of the Russian Federation and non-governmental organizations.

There are proven facts of the severe physical injuries and psychological traumas of children in those barbaric military actions. Such traumatic stresses could negatively affect the health of adults and, especially, children. They often cause severe consequences for years to come. The child can keep a recollection or picture of the event. He will recollect again and again to the worst moments of the incident (e.g. mutilated or wounded people.) The child loses faith that adults, including his/her parents, could cope with the situation. The child loses a sense of security, a sense of confidence and trust to his relatives. A child who survived the military actions but witnessed deaths of other people experiences the same strong feelings as an adult (the fear of repetition of events, the destruction of the illusion of justice and peace; helplessness). For some children such experiences can occur immediately after the event, while others have them much later. Effects of war on children can be very difficult psychologically, unbearable for them. A child survivor of traumatic events, does not see life perspective (does not know what will happen to him/her throughout the day, month, year; he/she loses previous interests.) had an experienced event can cause in a child the retardation of personal development. Children may react differently even if they belong to one family (Alexandrovskii J.A., 1992, Lobastov D.C., 1991, Spivak, L.I., 1991, Shchukin B.P. 1991). Manifestations of

post-traumatic stress disorder for children (PTSD) have some special features. According to the facts described, adults usually feel fear, terror, helplessness. Children very often react in disruptive behavior. Adults have recurrent painful memories of the tragedy; children repeatedly played the tragic events without the occurrence of post-game relief. Adults have nightmares connected with their psychological trauma, and children dream of other subjects, but they are overfilled with negative emotions. It is believed that for girls symptoms of posttraumatic stress disorder (PTSD) are more pronounced than for boys.

It is known that children's reactions to stressful events depend largely on the response of parents and others persons significant to children. Separation from parents, the passionate discussion of the tragedy by the elders, the escalation of family conflicts usually exacerbate manifestations of posttraumatic stress disorder (PTSD) in children. Younger children transform it in regressive behavior – they do not control their excretory functions, suck their fingers. There are motor stereotypes, disturbances of appetite. Children of primary school age, as a rule, react by anxiety and fear, headaches, nocturnal enuresis, nightmares, concentration disorder in the classroom. There is pugnacity, aggressiveness, repetitive game based on the tragic events. Teenagers often complain of physical weakness, become silent, closed, they have destructive behavioral tendencies, academic problems increase, they loose appetite and sleep. (Demyanov J.G., 2006).

Hardships that the children have to endure and that put them at a certain risk, include such factors as "trauma," "loss" and "severe deprivation". For example, a situation when a person witnesses when another person causes physical injury, violence, or sees a maimed body, or finds himself on the verge of death as a result of personal violence, may serve as example of traumatic stress. Such traumatic stress can negatively affect the health of adults and especially of children. They often cause severe prolonged consequences. Particularly, thus acts the severe psychological trauma, when children witness the murder of their parents.

The structure of the trauma for adolescents, regardless of the degree of involvement in a traumatic situation, is dominated by his own inner self (Konovalova, N.L., Posokhova S.T. Sorokin V.M., 2006)

Armed conflict does not only cause physical injuries but also mental traumas, which are often even more dangerous. Consequentially, the core the problem is normalization of mental status of children and their parents. Typically, the psychological consequences of social action in emergency situations are sometimes more important to their social and psychological consequences than the events themselves. Unfortunately, often the objects of rehabilitation are only children, not the whole family. And it was the family that provides an opportunity for emotional support. However, there are plenty of documentary evidences, how having a family helps a child to survive in even the most painful situations of psychological shock. The family is able to provide support, to root in him a sense of security and confidence. It serves as a safety cushion for any external threats.

The mission of the Institute of Special Psychology and Pedagogy traveled to South Ossetia in September 2008 and obtained data on the characteristics of post-traumatic stress disorder (PTSD) among children and their families in Tskhinvali during a military conflict. A

preliminary assessment has revealed that almost all the inhabitants of South Ossetia had varying degrees of post-traumatic stress disorder (PTSD).

Significant factor in the emergence and preservation of post-traumatic stress disorder is the age of children: the older the child, the more dramatically it experiences a traumatic situation. Posttraumatic stress disorders are often prolonged and associated with previous military conflicts and the stay in an emotionally charged situation, filled with the uncertainty and expectation of the attack. Absence of proper urgent psychological care exacerbated the mental and physical disorders of children and adults. Unfocused and non-coordinated psychological assistance from different organizations often serves as an additional stress factor. One of the additional causes of emotional stress for children are improper living conditions and school education. These trends are confirmed by the Moscow City Psychological-Pedagogical University and the Psychological Institute of RAE in the survey held during the Georgian-South Ossetian conflict, and brought the following results:

1. Almost 100% traumatization of children and adolescents has been revealed. Each of the subjects of a pilot sample showed symptoms of post-traumatic stress disorder (PTSD), and almost 30% of children and adolescents can be attributed to the high level of trauma severity.

2. The characteristics of post-traumatic stress disorder (PTSD) were marked, aggravated by psychological trauma, caused by the constant threat for their own lives and lives of their relatives. These are the following symptoms: sleep disturbance, nightmares, involuntary strong jerking at any sudden noise. The behavior of different subjects demonstrates reticence, inhibition, monosyllabic answers to questions, involuntary prolonged immobility in one position, bodily tension, stiffness, twisting fingers, ticks. All children surveyed in South Ossetia revealed traumatic disorders of memory, attention, difficulty in performing simple tasks, quickly occurring fatigue. There is a distinct traumatic deformity of the "I"-type image typical for experiencing acute grief, coupled with the inability to present themselves in the future, social dysfunction.

3. Almost all residents of South Ossetia has strong fear of the risk of finding themselves in the MA zone and the strategy of avoiding this risk. Fear of re-experience the bombing, shelling, the fear of death at the hands of the Georgian soldiers, adapting to different social environment, social deprivation - all this often exceeds the psychophysical endurance of people and turns in reality into the problem of survival (Proceedings of the Investigative Committee at the General Attorney Office of the Russian Federation, 2009).

The mental state of adults and children who suffered the military action includes symptoms of posttraumatic stress disorders of varying severity. The research results suggest the presence among substantial portion of adult population of the symptoms of posttraumatic stress disorder (PTSD) in the range from the state of maladjustment and neurotic reactions to severe depression.

Parents are often the first to notice child's problems, the child asks them for help in situations difficult for him. At such times it is important for parents to understand the child's condition and the causes of behavior. Unfortunately, children may hear refuses from parents or complaints about the failures of their own, fatigue, daily care, etc. Results of psychological

counseling show that parents are not always ready to communicate with the child. And not just because they are too busy with solution of big and small everyday challenges. Family, parents of children cannot provide them with adequate support, because they themselves are experiencing severe stress, pain and grief that prevents them to perform properly their parental responsibilities. Even the slightest stress among parents has harmful effects on children, causing painful symptoms (Huhlaev O.E. 2006, Cherepanov, E.M. 1997).

Parents themselves are very often the victims of war and need qualified psychological care. Parents should also get help to restore self-monitoring capabilities to cope with their own feelings, anxieties, reactions to the crisis. The most frequently encountered affect in parents is of anxiety, which manifests itself as a response to the alarming situation, concern with "dismay at the heart, the dark soul." Worries that arose at the slightest provocation or without it, have the character of free-floating anxiety, anxiety for relatives and friends, for their own health, the worst expectations in the future.

Despair, hopelessness, experienced by adults who have suffered the local military conflict has a high degree of expression in almost all parents.

It is clear that psychological work in extreme situations must be performed by group of different specialists, including a variety of techniques and technology of work with people who found themselves in circumstances that were beyond the understanding and control. The search of forms of rehabilitation can occur through different areas of life and different areas of people's consciousness and activity. In each case, you must correctly identify this area, to determine the values of life that will build a road of adequate and effective assistance for victims and their families.

Art therapy is deservedly recognized as one of the most effective forms of psychological help in crisis situations. Despite the fact that this area of psychotherapy emerged quite recently, art therapy is used for almost all forms of mental disorders. This method is based on using art as a symbolic activity, and is based on stimulating creative processes. Art allows a special form of symbolic reconstruction of a traumatic situation of conflict, helps to respond to feelings associated with trauma (Izotov M.H., 2006)

The effectiveness of art in the context of treatment is based on the fact that this method allows to experiment with feelings, exploring and expressing them on a symbolic level. Art Therapy is now becoming very popular in Russia and abroad. L. S. Vygotsky in his book "The Psychology of Art" said that "art is the most important focus of all biological and social processes of the individual in society, that it is a way to balance the man and the world at the most critical and important moment of life" (1998).

Art therapy technology allows a person to comprehend the fullness of social creativity, which can be characterized by the following components: the increased activity in the search for solutions of problematic situations, continuous improvement of competence, a high level of health durability (stress durability, low fatigue, adequate self-esteem, lack of fear, etc.), high degree of maturity, the ability to stay in the state "here-and-now", the motivation to achieve the result, a wide range of acceptable solutions for the individual methods of problematic situations (lack of "dead end" feeling).

Techniques of art therapy due to its versatility are very effective in solving a wide range of problems: intra-and interpersonal conflicts, crisis conditions, including age and existential crises, injuries, losses, post-traumatic stress disorder (PTSD), neurotic and psychosomatic disorders; counseling and therapy for children and adolescents in educational activities, during remedial activities and so on. (Kopytin A.I., 1999).

With a number of specific features, art therapy is very effective in restoring the integrity of the individual, allowing a person in crisis fairly painless possibility of personal integration. What seems very important to practical psychologists, is that the perception of art, "the painful and unpleasant affects have some discharge, destruction, transformation into the opposite, and that the aesthetic response as such, in fact, is reduced to a catharsis, that is a complex transformation of the senses "(Vygotsky, 1998).

Art and art therapy techniques treat the internal forces of man that are coming from his creative abilities. Art is therapy by its very nature, it contains within itself the means for adaptation of "Myself" to the surrounding reality, the possibilities to cope with the traumatic situation.

The use of art therapy techniques is the most affordable way to achieve the psychological comfort (Kopytin A.I., 2003).

One of the advantages of the methods of creative expression and art therapy in the rehabilitation of victims of local military conflicts is that these methods are based on non-verbal expression of feelings. Non-verbal means are often the only possible to express and clarify the traumatic emotional state. Being in a difficult, stressful situation, a person spontaneously draws lines without knowing it, "doodle" crosses out the image, covers the space of the paper by draws and figures, draws with a stick in the sand (J. Allan, 1997).

Typically, this process is not controlled by consciousness and can be used as a way to carry a traumatic experience outside, to release oneself from excess of emotion and feelings. This provides clients a free disclosure of their inner world and a higher level of psychological security and comfort in the course of employment, compared with verbal psychotherapy. Techniques of art therapy are associated with the idea that every man possesses the ability to project his own inner conflicts into visual form. As clients pass on their inner experience in arts, they become very often able to describe it in words (Shevchenko, Yu.S., Krepitsa A. B., 1998).

Therapeutic and rehabilitative effects of art therapy may occur due to the art of drawing, even in the absence of further verbalization of experiences, which is associated with the action of a number of therapeutic factors and mechanisms (relaxation, catharsis, self-development skills and decision-making, the experience of insight, etc.).

If the representational activities are carried out in a group, it is a prerequisite for the exchange of experiences, both at verbal and nonverbal levels and leads to the realization of common experiences, which may lead to overcoming feelings of loneliness and isolation typical for people with post-traumatic stress disorder (PTSD). Also very valuable is the fact that art therapy stimulates the creative potential of the individual and activates its protective and adaptive mechanisms (Kopytin A.I., 2003).

An analysis of contemporary research in therapy can provide of the usefulness of this method to bring psychological support to children and adults affected by armed conflicts. The essence of art therapy is a therapeutic and corrective action of art at children and adults and appears to reconstruct the traumatic situation through artistic activities, removal of experiences associated with it into the external shape of a product of creative activity, as well as creating new, positive experiences in the production of creative needs and ways to meet them. It is known that traumatic experience is embodied in pictorial form. Working with visual images is often an effective means of overcoming the consequences of trauma. The act of artistic creation often is accompanied by very strong feelings and leads to catharsis (B. Appleton and G. Hulbut.)

Reflection of experiences for children and adult survivors of local military conflict in artistic production, and its subsequent analysis are the basis for positive change. Artistic creativity assist and promotes self-mobilization of creativity. Visual images serve as metaphors of intensive mental experience of patients and trauma they experienced. Working with visual materials give the way to the feelings of irritation, anger, resentment, shame, and others, reduces frustration, the use of clay can be an example of it. Moving a client from one kind of interaction with materials to another ones help to overcome the defense mechanisms that allow customers to adapt to trauma and its consequences. Due to this clients can identify and realize their repressed feelings, to form different associations with them, to see a new meaning in past events and form new, healthier defense mechanisms. The presence of an art therapist in the process of work of children and young people with the materials is essential to overcome the traumatic experiences, and helps to create a safe space to express them. Knowledge of inter-modal art therapy and its ability to overcome the effects of trauma is important in order to help customers use better different types of expressive interaction with the materials in the process of artistic creation (Kopytin A.I., 2003).

Psychological research and a program of rehabilitation was conducted in order to harmonize the child-parent relationships after the psychological consequences of military action. Program objectives were to improve the emotional well-being and self-perception of participants, overcoming emotional discomfort. That study involved younger students and their parents who were injured in the war zone of South Ossetia. Program objectives were to improve the emotional well-being and self-perception of participants, overcoming emotional discomfort. Details of pictures and other products of the younger students, regardless of gender suggest that the transferred trauma seriously violated the internal psychological resources of children which are responsible for the subjective sense of security, safety, reliability and trust to the external world in support for life and faith in their own strength.

When conducting group and individual work with children and parents in the art therapy, a lot of attention has been paid to access to their own internal feelings, which were were almost completely lost due to child shock injuries. Thus, in the process of art therapy fairly rapid positive changes were observed. The use of art therapy techniques has a positive effect on indicators such as anxiety, level of social frustration, self-esteem, emotional discomfort. Follow-up study confirmed the effectiveness of art therapy in the rehabilitation of primary

school children affected by the local military conflict, in particular in reducing depressive reactions and conditions, accompanied by a feeling of anxiety, depression, boredom and apathy. Drawing gives children a vent to their feelings and experiences, desires and dreams, rebuild their relationships in different situations and help safely contact with some frightening, unpleasant and traumatic images. Thus, the rehabilitation program was very effective and contributed to the weakening of the emotional discomfort. Periodic monitoring of children, the results of their activities (e.g. pictures) and comments of parents and educators suggests that the condition of the vast majority of children who had psychological correction considerably improved. Children recovered sound sleep and appetite. Activity became more structured and increased, their aggression decreased. Children are more open, liberated, active, creative. They were able to talk calmly about memories of war, and come to meaningful conclusions and generalizations. In general, the rent settings of children have been eliminated alongside with conditional desirability of painful symptoms that rooted the dysfunctional behavioral forms. The joint creative work, the experience of communion with nature, the perception of other cultures, other people - all this contributed to the fact that their parents felt a new life perspective. The positive trend in the alignment of relations with parents had been discovered. It can be assumed that this was due to parents' attention to the products of the children, as well as the improvement of relations can be attributed to the joint exercises. It is the joint participation in these sessions, confidential conversation while drawing which helped children and parents to become closer to each other. Children feel a sincere interest in the people closest to solving their problems. This will help them to grow up balanced, harmonious, calm, easy to communicate with peers and seniors.

Parents who themselves made those classes, they could learn more about the inner world of their child, his immediate feelings, desires and interests. In addition, they gained confidence in their parental competence.

Despite the positive changes in the emotional sphere, further rehabilitation of younger students is required. In primary school age group the phobic disorders still dominate, although the acuteness and brightness of experiences have been somewhat diminished. At the same time, anxiety and depressive reactions gained more distinct character. Many children, in spite the psycho work are still characterized by irritability, emotional instability, exhaustion (although these manifestations have been somewhat diminished). Psychological rehabilitation of children and adolescents, who have suffered severe trauma, requires a long period of time, sometimes years rather than weeks or months.

References.

1. Alexander J.A., Lobastov O.S., Spivak L.I., Shchukin, B.P. Psychogenic in extreme conditions. - M., 1991.
2. Cherepanov E.M. Psychological stress: Help yourself and your child. Book for school psychologists, parents and teachers - 2nd ed. - M.: Publishing Center "Academy", 1997
3. Demyanov J.G. Post-traumatic disorders in children in sub-acute and distant periods of a terrorist act. // Children of Beslan: diagnosis and rehabilitation of victims of terrorist acts. E.d. L.M. Shipitsina, St. Petersburg., 2006.

4. Huhlaev O.E. Normal operation in unusual conditions: psychological counseling, complicated by traumatic stress - Moscow MGPPU, 2006. 128.
5. Izotov M.H. The use of art therapy in the rehabilitation of children affected in the attack. // Children of Beslan: diagnosis and rehabilitation of victims of terrorist acts. Ed. L.M. Shipitsina, St. Petersburg. 2006.
6. Konovalova N.L., Posokhova S.T., Sorokin V.M. Problems of psycho traumatic stress disorder in children and adolescents who survived a terrorist attack. // Children of Beslan: diagnosis and rehabilitation of victims of terrorist acts. Ed. L.M. Shipitsina, St. Petersburg., 2006.
7. Копытин А.И. Fundamentals of art therapy. St. Petersburg, 1999.
8. Копытин А.И. Guidelines for group art therapy. St Petersburg., 2003.
9. Malkin I.G. Puff Extreme situations. Handbook of Practical Psychology. М.: Publishing house Penguin Books, 2005.
10. Tarabrina N. Workshop on the psychology of post-traumatic stress. St. Petersburg. Peter, 2002.
11. Shevchenko Yu.S., Krepitsa A. The principles of art therapy and art pedagogics in working with children and adolescents. Balashov, 1998.
12. Vygotsky L.S. Psychology of Art. М., 1998.
13. Allan J. Landscape child's soul. St. Petersburg. Minsk, 1997.

АРТ-ТЕРАПИЯ В СИСТЕМЕ КОМПЛЕКСНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕАБИЛИТАЦИИ СЕМЕЙ, ПОСТРАДАВШИХ В ЛОКАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ
КОНФЛИКТАХ

*Соловьев С.А. Изотова М. Х.
Россия, Санкт-Петербург*

*НОУ «Институт специальной педагогики и психологии»
solovev_serгей@bk.ru*

В статье рассматриваются вопросы комплексной психологической реабилитации семьи, пострадавшей в локальном военном конфликте, возможности использования арт-терапии в коррекции посттравматического стрессового расстройства. Представлен краткий анализ полученных данных в ходе диагностики жертв локального военного конфликта, анализ результатов программы, разработанной для гармонизации детско-родительских отношений после психологических последствий военных действий.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство, психотравмирующие событие, психотравма, утрата, арт-терапия, детско-родительские отношения.

УДК 008:7.036+82

ОБРАЗ ГОРОДА В ИСКУССТВЕ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

*Лобанова Ю.В.
Россия, Санкт-Петербург,
Российский государственный педагогический университет А.И.Герцена,
yuliya_lobanova@mail.ru*

Процесс восприятия города (в том числе его архитектурного каркаса) имеет биологические, социальные, культурные основания, которые проявляются в художественных текстах урбанизма. В статье исследованы некоторые связи между восприятием городской среды и отражением города в произведениях искусства.

Ключевые слова: город, архитектура, среда обитания, искусство, психология.

У каждого вида искусства есть свой язык. Есть он и у неизобразительных, и, следовательно, более сложных для восприятия искусств, к которым относится архитектура. Занимая положение на стыке материального и художественного, архитектура на протяжении всей истории своего существования непрерывно воздействовала на человека, используя арсенал доступных ей средств выразительности, актуализируя различные типы конструкций, применяя те или иные пространственные соотношения, используя разные ритмы, «играя» пропорциями, фактурами, декором.

Изучение механизмов данного воздействия в отечественной науке вылилось в создание архитектурной психологии как специализированной отрасли знания, в которой ее основоположник, И.Н. Ткачиков, выделял два основных раздела: психологию восприятия архитектурной среды и психологию творчества, подчеркивая их смысловую и логическую взаимосвязанность [6].

Действительно, если восприятие является неотъемлемой составляющей познавательного процесса, то художественное освоение мира, в свою очередь, строится на привлечении *всех возможных видов деятельности*, включая познавательную [5]. В полной мере это относится и к архитектуре как виду искусства. Кроме того, процесс творчества, как и процесс восприятия, обусловлен не только биологически, но и социокультурно. Архитектор, градостроитель неизбежно смотрят на мир через призму культуры, которой они принадлежат. При всей своей «абстрактности» архитектура, к какой бы эпохе она ни относилась, является выразительницей общественного сознания, представления не только о внешних признаках мироустройства, но и о его структуре (что сложнее, например, для живописи). По тому, как воспринимает архитектуру человек, можно судить о его месте в существующей картине мира: достаточно сопоставить громадный готический собор, воспринимаемый как «непостижимый лес», с античной базиликой или ренессансной виллой, в чьей конструкции изначально заложены и идея порядка, и человеческое измерение.

В истории культуры существует немало закономерностей, о которых архитектура сигнализирует то становясь более камерной, соразмерной человеку, «уютной», то наращивая монументальность (пример – переход к «большому ордеру» в период позднего Возрождения или воскрешение готических форм в эпоху Романтизма). Чрезвычайно интересно наблюдение А.Дж.Тойнби, подмеченное В.Л.Глазычевым: решение агоры как художественно организованного целого, такое же решение интерьера булевтерия становится нормой лишь в тот момент, когда и агора, и зал собраний, утратив реальное политическое значение, закрепляют за собой знаковую, сугубо культурную роль [4]. Данное наблюдение может быть интерпретировано следующим образом: достижение архитектурой совершенства в области формы часто оказывается симптомом не только расцвета, но и кризиса культуры. По мере усиления этого кризиса, формы, как правило, делаются все более подвижными, изысканными, приобретают тенденцию насыщаться декором, растворяться в нем, как бы скрывая свою конструктивную основу, переходя от языка тектонического к языку изобразительному. Формулирование подобных закономерностей возможно только на основе анализа многих примеров, сопоставления разных периодов в истории мировой культуры. Однако на «срединном»

уровне постижения реальности, к которому относится восприятие, происходящие изменения отчетливо фиксируются по линиям «комфорт – дискомфорт», «защищенность – незащищенность», «приветливость – неприветливость» и др.

Разговор о восприятии архитектуры человеком требует среднего подхода, в рамках которого акцент делается не на отдельных зданиях, а на значительных фрагментах городского пространства или даже городе в целом. Данный подход позволяет рассматривать город как своеобразную квинтэссенцию культуры, а архитектуру – как его материальную оболочку. Значимость последней подчеркивал Н.П.Анциферов, предвзято свое концептуальное исследование литературного образа Санкт-Петербурга: «В заключение этих предварительных замечаний, следует отметить, что под городом здесь подразумевается по преимуществу его внешний облик, его архитектурный пейзаж. Весь остальной материал привлекается для комментирования внешнего облика» [1].

В философском осмыслении жизнеспособная городская среда есть форма существования, возникшая в результате непрекращающихся разнонаправленных выбросов специфически-человеческой энергии, которая не исчерпывается понятием «деятельность», так как данная среда, какова бы ни была степень ее рукотворности, формируется всем существом человека, включая его биологическое начало (со всей присущей последнему областью бессознательного).

Можно говорить об «антропоцентризме» городской среды, формируемой в соответствии с потребностями человека как биологического, социального, культурного существа. Собственно, многогранностью, слитностью человеческой природы и следует объяснить целостность, структурную нерасчленимость данной среды. Можно предположить, что применительно к городу процесс восприятия (также являющийся результатом био-социо-культурной активности человека) приобретает особую интенсивность, облекаясь в самые различные формы, которые могут быть рассмотрены с привлечением таких категорий, связанных с ощущениями пространства, как замкнутость (или, напротив, открытость), неоднородность, плотность, насыщенность, сомасштабность и др. [4]. Любопытно, что именно в перечисленных понятиях можно говорить и о самом городе, обозначая его отличия от других сред обитания.

Своеобразным ключом к пониманию человеком города в его целостности (и его архитектуры в частности) может служить *образ города в искусстве*. При кажущейся произвольности, фрагментарности, субъективности черт, которые отбирают писатели, живописцы, композиторы, обращающиеся к городской проблематике, собранные вместе художественные образы конкретного города могут дать его исчерпывающую характеристику на том или ином этапе существования. Совокупный *художественный образ города* как бы объективирует множество индивидуальных образов, являющихся результатом процесса восприятия. Такова специфика искусства, и можно согласиться с теми исследователями, которые называют искусство самосознанием культуры (складывающимся из самопознания и самооценки), а также говорят о том, что искусство изоморфно культуре [5].

В этом отношении архитектурному каркасу принадлежит уникальная роль: он одновременно формирует облик города, по-разному воспринимаемый каждым из его обитателей, и вносит свою лепту в процесс интерпретации культуры города средствами искусства. Архитектурная оболочка спрессовывает, запечатлевает в себе смену картин мира, отражавших представления о бытии в те эпохи, когда город рождался, формировался, переживал свой расцвет. Не случайно распространены определения типа «средневековый город» или «город нового времени» по отношению к городским организмам, существующим и в наши дни.

О каком бы виде искусства ни шла речь, художественный образ города будет тяготеть к представлению городского организма как целого. Во-первых, это связано с тем, что город представляет собой *систему*, способную обрести качественное своеобразие благодаря взаимосвязям, существующим между ее различными элементами. Во-вторых, в своем стремлении быть воспринятым и запечатленным как целое, город, в силу его «антропоцентричности», оказывается созвучным человеку, чье восприятие строится на обнаружении структуры [2]. Когда речь идет о городе, то под структурой следует понимать как «предметное», так и социальное, этническое устройство.

Для обозначения предметной структуры часто используется понятие «композиция», которое может быть распространено как на определенный фрагмент городской среды, так и на весь город. М.Г.Бархин отмечал, что «композиция того или иного объекта только тогда будет отвечать своему определению, своей сути, когда ее можно охватить взглядом в целом. А это может означать лишь одно, что сам факт существования «композиции» определенного объекта не «в идее», а на практике связан с возможностью временного и пространственного его восприятия»[3].

С наибольшей наглядностью *предметная структура* города раскрывается на панорамных изображениях. В художественных произведениях, созданных в форме путевых записок, зарисовок, структура города также часто предстает в максимально обобщенном виде; однако информацию о ней, в различной степени, содержит любое описание, предвещающее, проникающее художественный текст, связанный с данной средой обитания в целом или ее фрагментом. Приметы структуры в урбанистических текстах могут быть явлены в концентрированном виде. Так, «синтезированный» образ предметной структуры города дан в стихотворении Б.Л.Пастернака «Поездка»: «Афиши, ниши, крыши, трубы, // Гостиницы, театры, клубы, // Бульвары, скверы, купы лип, // Дворы, ворота, номера, // Подъезды, лестницы, квартиры...» Примеры подобных перечислений элементов городской структуры можно найти в текстах любой эпохи. В то же время очевидно, что приметы структуры города могут быть «распылены» на всем протяжении конкретного художественного текста, иногда весьма значительного по объему, или по многим произведениям того или иного автора.

Произведение искусства может содержать рассуждение о том, что считать структурной единицей конкретного города. Например: «Москва росла по домам, которые естественно сцепились друг с другом, обрастали домишками, и так возникали московские улицы... Основная единица Москвы – дом... Улицы в Петербурге образованы ранее домов, и дома только восполнили их линии, площади же образованы ранее улиц... Единица Петербурга – площадь» (Ю.Н.Тынянов, «Кюхля»).

С позиции раскрытия *социально-этнической структуры* города чрезвычайно показательны направления в изобразительном искусстве и литературе, представляющие «галерею типов» горожан: таковы «Лондонские типы» (Ч.Диккенс, «Очерки Боза»), разнообразные «петербургские типы», запечатленные в произведениях А.И.Орловского, И.С.Щедровского, К.И.Кольмана и др., «парижские типы», которым посвящены многие разделы «Картин Парижа» Л.-С.Мерсье и тематические очерки О.Бальзака (писателя, который в своем проекте «Человеческая комедия» пытался решить задачу многоуровневой социальной классификации Парижа первой половины XIX столетия).

Можно добавить, что процессы восприятия структуры города распространяются и на ритмы функционирования городской среды. Искусство как механизм самосознания культуры (в данном случае – городской) показывает, как меняется город в зависимости от времени суток, времени года и т.д.

Итак, авторы-урбанисты фиксируют признаки и глубинные свойства, присущие и конкретному городскому организму, и городу как среде обитания особого типа. Вместе с тем городская реальность, представленная в образах искусства, несет на себе печать тех реалий, которые часто не могут быть просчитаны, структурированы. Прежде всего это касается процессов *развития* города, восприятие которых носит более опосредованный и – часто – драматический характер.

Приведем некоторые закономерности, которые можно выявить, исследуя формирование художественно-урбанистических образов. Так, можно заметить (в качестве самой общей тенденции), что в периоды подъема, расцвета, стабильности городской среды внимание литераторов и художников сосредотачивается на передаче содержания, наполняющего «материальный каркас» города. Архитектура города как бы отходит на второй план, уступая место изображению жизни улиц, интерьеров, разнообразных социальных типов. Из знаменитой триады Витрувия «прочность, польза, красота» оказываются преимущественно воспринимаемыми, актуальными первые два критерия.

В периоды кризиса и упадка, напротив, архитектурная составляющая городского пространства предстает в своей обнаженности, наглядности. А.А.Ахматова не случайно напоминала, что о «красоте» Петербурга догадались художники-мирискусники». Можно добавить: догадались в условиях жесточайшего кризиса культуры, ознаменовавшегося, как это часто бывает, расцветом искусств, выполняющих в таких случаях компенсаторную функцию. Вероятно, восприятие архитектуры в ситуациях нестабильности, перехода делается более интенсивным еще и потому, что она входит в представление о наиболее устойчивых характеристиках городской среды, являясь ее «каркасом» (в противовес более гибким «тканям», в большей степени подверженным изменениям).

Яркий пример – расцвет жанра городского пейзажа, так называемой ведуты, в Венеции XVIII столетия. К тому моменту культура Венеции уже давно пережила свой расцвет, но чем менее отчетливо проявлялось в городе биение повседневной жизни, тем отчетливее обозначались игровые, праздничные, выходящие за рамки обыденности формы бытия; тем большее значение приобретала архитектурная оболочка, по отношению к которой в творчестве большинства художников-ведутистов горожане оказывались лишь приложением, стаффажем. В условиях перехода, усиливающегося хаоса происходит своего рода карнавализация жизни, а архитектура выступает в роли театральной декорации.

Любопытно восприятие (и трактовка в искусстве) городов, находящихся в состоянии стагнации. С «антропоцентрической» позиции город как очаг непрекращающейся разнонаправленной деятельности всегда противопоставлен природе, которая бездеятельна и безлюдна. Н.П.Анциферов, писавший о доступности города «не только в частях, фрагментах», но и во всей своей цельности подчеркивал: «Город мы воспринимаем в связи с природой, которая кладет на него свой отпечаток» [1]. Скрытую апелляцию к природе содержит любой текст, в котором подчеркнута рукотворность городской среды.

Безлюдье города, каковы бы ни были тому причины, воспринимается как аномалия, часто означает упадок или гибель конкретной среды (к примеру: «...отправляйтесь побродить по городу и на каждом шагу вы будете обнаруживать привычные признаки человеческого житья... все это делает пустынно и мертвенно этого места в десять тысяч раз страшней, чем если бы вулкан в своей ярости смел весь город с лица земли или низринул его на дно моря» (Ч.Диккенс, «Картины Италии»).

Пустынность фрагмента среды большого города кажется противоестественной, зловещей герою неоконченного рассказа Ю.П.Казакова «Пропать»: «Какой это был странный переулочек! <...> прохожих не было. Почти ужасная прямая линия панели переходила в смутно-сизую даль перспективы. Это безлюдье, эта полутемнота <...> эти окна наверху, блестящие мертво и плоско, - все это молчаливое, сумрачное, затаившееся неприятно поразило Агеева». В этом кратком отрывке примечателен акцент на чертах, присущих архитектуре и делающих город городом – прямизне, рациональности, неведомой природе. В данном случае состояние неопределенности переживает человек, но закономерно, что автор передает внутреннюю драму своего героя через восприятие архитектуры.

Учитывая специфику данной среды, сознательное «изъятие» художником людей из городского пейзажа должно свидетельствовать, по-видимому, о стремлении выразить чувство тревоги, ощущение дисгармоничности бытия (работы М.В.Добужинского «Городские сны. Безмолвие. Вариант» (1918 г.) или «Город» (1914 г.), литографии начала 1920-х годов «Исаакий в метель», «Памятник Петру», «Летний сад зимой», в последней из которых изображение человека «подменено» изображением статуи, выступающей из разрушенного деревянного футляра).

Итак, обезлюдивший город воспринимается искусством через призму архитектурной оболочки (что отразил во многих своих гравюрах Д.Б.Пиранези и – отчасти – на примере Петрограда П.А.Шиллинговский). В то же время и безлюдье, имеющее прогнозируемый, повторяющийся, ограниченный характер, объясняемое, например, давней, устоявшейся провинциальностью городской среды (или ее фрагмента), определенным временем года или суток, непременно оказывается отмеченным в текстах художественной культуры. Пустынное городское пространство воспринимается как враждебное человеку, по своей непредсказуемости родственное природной стихии. Это восприятие среды было обострено, к примеру, у авторов-романтиков: Н.В.Гоголь, описывая роковой маршрут Акакия Башмачкина, неоднократно (четырежды на протяжении шести печатных строк) подчеркивает пустынную местность («пустынные улицы <...> Теперь они сделались глуше и уединеннее ... нигде ни души... сверкал только один снег по улицам...»), пока, наконец, для характеристики открывшейся перед героем «бесконечной площади» находит определения «страшная пустыня» [здесь и ниже курсив мой – Ю.Л.]: «Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: точное море вокруг него», и далее, после того как несчастье свершилось: он чувствовал, что *в поле* холодно и шинели нет...» Таким образом, пространство города, лишённое людей, оборачивается пустыней, морем, полем, увеличивается в размерах и служит, как было отмечено, источником повышенной тревожности, страха (как в приведенном отрывке из рассказа Ю.П.Казакова или стихотворении Б.Л.Пастернака «Метель»: «Мне страшно в безлюдьи пороши разнузданной...»), которые вызывает расхождение между устоявшимися представлениями о среде (например, из текста «Шинели» известно, что Акакий Акакиевич впервые за многие годы оказался на улице в такой поздний час и, следовательно, попал в незнакомый, «безлюдный» Петербург) и особенностями ее конкретного проявления (в сочетании с объективными пространственно-пластическими характеристиками города и личными обстоятельствами героя).

Однако, как и во всем, что касается восприятия городской среды и ее образа в искусстве, обратную сторону имеет и ожидаемое, «естественное» для города *многолюдье* (например: «Одиночество, пустота... В этом шумном потоке людей он

чувствовал себя совершенно потерянным. <...> Кругом мертвая пустыня равнодушия» (Камалешвар, «Утраченные горизонты») или: «...впервые в жизни я почувствовал слепую, яростную ненависть к современной цивилизации. Мне казалось, что есть что-то варварское и катастрофическое в таком страшном скоплении людей [курсив К. Чапека – Ю.Л.] <...> мне стало страшно, и я отчаянно затосковал по Праге, как малое дитя, заблудившееся в лесу» (К. Чапек, «Путешествия»).

Многолюдье – не единственная «внешняя» причина, не позволяющая человеку воспринять город как структурированное, понятное целое: «Известно, что ощущение хаоса возникает отнюдь не из всякого нагромождения элементов (способность сознания упорядочивать впечатления, навязывать им порядок великолепно исследована десятилетия назад в гештальтпсихологии). Это ощущение сопряжено лишь с таким столкновением частных упорядоченностей, в котором не удастся прочесть пути, вычленив ориентиры, осознать переходы от одного фрагмента к другому» [4]. Подобное восприятие возникает, например, при погружении в среду незнакомого, особенно крупного, города. Такова, к примеру, Москва в восприятии иностранца: «Хаос домов настолько непроницаем, что воспринимаешь только то, что ошеломляет взор. <...> Прежде чем я открыл истинную топографию Москвы, увидел ее настоящую реку, нашел ее настоящие холмы, каждая магистраль была для меня... рекой, каждый номер дома – тригонометрическим сигналом, а каждая из ее огромных площадей – озером» (В. Беньямин, «Москва»).

Похожим образом литература откликается на попытки передать особенности архитектурного облика городов, сформировавшихся в эпоху Средневековья (например, как отмечают исследователи, художественные описания той же Москвы, пространство которой противопоставляется Петербургу и его пространству как нечто органичное, естественное, природное [7], изобилуют растительными метафорами). Следует заметить также, что структура города оказывается скрытой в ситуации, которую можно обозначить как отклонение от нормы. Наиболее простой пример такого отклонения – ситуация непогоды, необычного природного состояния (ветер, метель, наводнение и т.п.), которое – еще одна закономерность – часто оказывается связанным с общественными потрясениями, кризисными явлениями в жизни страны или города.

«Коллажное» восприятие городской среды, характерное для современного, много путешествующего человека, передано в эссе И.А. Бродского «Место не хуже любого»: «Чем больше мы путешествуем, тем больше наша память обогащается топографией автомобильных стоянок, билетных касс, кратчайших путей к платформам, телефонных будок и писсуаров. Если не возвращаться к ним часто, то эти вокзалы и их ближайшие окрестности сливаются и накладываются друг на друга в сознании, как все, что хранится слишком долго, превращаясь в лежащего на дне нашей памяти гигантского кирпично-чугунного, пахнущего хлоркой чудовищного осьминога, которому каждое новое место прибавляет щупальце. <...> И чем легендарней ваш пункт назначения, тем охотней гигантский осьминог поднимается на поверхность, питаюсь с одинаковым аппетитом аэропортами, автобусными терминалами, гаванями. Хотя истинное лакомство для него – само место. То, что составляет легенду — изобретение или сооружение, башня или собор, захватывающая дух древняя руина или уникальная библиотека, — идет первым делом».

Цепочка «восприятие – образ города – художественный образ города» не будет полной без упоминания *восприятия эстетического*. Глубокую ошибку допускают исследователи, ставящие знак равенства между последним и восприятием произведений искусства: с одной стороны, эстетическое восприятие может быть вызвано явлением, не

имеющим отношения к сфере художественного, с другой – далеко не всегда это восприятие актуализируется и при встрече с неоспоримым шедевром. Исследовательница З.Н.Яргина выделила следующие типы восприятия городской среды: 1) характерный для людей, длительно обитающих (или работающих в данной среде); 2) специально ориентированный на эмоционально-эстетическое постижение города (аналогично потреблению всех неутилитарных видов искусства); 3) связанный с преодолением городского пространства в движении к какой-либо конкретной цели [8]. Каждый из обозначенных типов, как и восприятие в целом, может быть рассмотрен в аспекте био-социо-культурной трехмерности города и человека.

Однако, безусловно то, что произведение искусства не может создано без привлечения «эстетического аспекта». В.Л.Глазычев, проанализировавший археологические данные, имел основания утверждать, что «город как совокупность предметов в пространстве создавался как целое, организованное и по законам красоты» [4]. В данном пункте опять сближаются архитектурная оболочка города и ее отражение в литературе, живописи, графике, музыке.

Подытоживая сказанное, можно прийти к следующим выводам. Каждый отдельно взятый образ городской среды (в том числе – ее архитектурного, пространственно-временного каркаса), формирующийся в процессе ее восприятия, индивидуален. Однако существуют и черты общности между многими людьми, имеющие под собой как биологические, так и социокультурные основания. Общие био-социо-культурные параметры имеет и город как среда обитания, максимально ориентированная на человека. Искусство – инструмент, который, с помощью различных своих видов, способен выявить сложные, исторически изменчивые взаимоотношения, существующие между городом и человеком. При этом совокупный художественный образ города является выразителем тех закономерностей, которым подчинено функционирование и развитие города как феномена культуры. Некоторые из них были вскрыты в данной работе. В частности, было отмечено, что роль художественного образа возрастает в ситуации диссонанса между «предметной» и «человеческой» составляющими городской среды. Обращает на себя внимание близость искусства урбанизма и архитектуры (в той мере, в какой последняя может считаться процессом и результатом творческой деятельности, т.е. «зеркалом культуры»): значение архитектурного и художественного факторов индивидуального своеобразия города усиливается в условиях, когда городская среда испытывает повышенную потребность в выражении своей культурной сущности (самопознании и самооценке).

Литература

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. – Л.: Ленинградский комитет литераторов, Агенство «Лира», 1990.
2. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. – М.: Прометей, 1994. – С. 274.
3. Бархин М.Г. Методика архитектурного проектирования. 2-е изд. М.: Стройиздат, 1982.
4. Глазычев В.Л. Поэтика городской среды // Эстетическая выразительность города. – М.: Наука, 1986. – С. 130–157.
5. Каган М.С. Искусство как феномен культуры // Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – С. 164–177.
6. Степанов А.В., Иванова Г.И., Нечаев Н.Н. Архитектура и психология. – М.: Стройиздат, 1994.
7. Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. XVIII. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 664. – Тарту, 1984. – С.4–29.

8. Яргина З.Н. Эстетика города. – М.: Стройиздат, 1991.

IMAGE OF THE CITY IN ART: PSYCHOLOGICAL AND CULTURAL ASPECTS

The process of perception of the city (including its architectural framework) has biological, social, cultural foundations, which appear in literary and art texts urbanism. The article explores some of the connections between the perception of the urban environment and a reflection of the city in works of art.

Keywords: city, architecture, habitat, arts, psychology.

УДК 7.011.28 (008)

«ОЧАРОВАНИЕ ДУРНОГО ВКУСА»: ТРЭШ, КИЧ, КЭМП КАК ТЕНДЕНЦИИ

Антонян К.Г.

Россия, Санкт-Петербург

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена*

Tursa@list.ru

Статья посвящена проблеме функционирования эстетического вкуса в современной культуре. За основу взяты такие направления современного творческого процесса как кич, кэмп и трэш. Эти направления представлены как общие тенденции «другого» вкуса. Трэш-эстетика всё более отчётливо проявляет себя в современной культуре. И, кроме того, эти явления более не являются маргинальными, а вписываются в официальную канву культуры. В современности нивелируются понятия «плохого» и «хорошего» вкуса. «Высокое» искусство может стать частью масскульта, а «низкое» оборачивается элитарной культурой. Делается вывод, что трэш-эстетика является частью мировых культурных трендов. Осознанное использование элементов трэш-эстетики, а также рефлексивная позиция реципиента по отношению к такого рода культурным объектам, способны вывести трэш, кич, кэмп в сферу элитарной культуры.

Ключевые слова: эстетика, вкус, художественный вкус, кич, кэмп, трэш, трэш-эстетика

Различные науки всё ещё ищут адекватные пути корреляции между собой, как отмечает известная исследовательница психики и популяризатор науки Т. Черниговская: «Разрыв между гуманитарным и естественнонаучным знанием отражает только нашу незрелость, а не наличие реального водораздела. Поэтому вопросы, стоящие перед психологией – те же, что и перед когнитивной наукой в целом...» [13]. Феномен эстетического и художественного вкуса может быть рассмотрен как сфера психологии искусства. Эстетическая ценность искусства является частью художественной ценности, поскольку «...эстетическое есть вид ценности и оценки всего сущего, включая самого человека ... понятие “художественное” обозначает особую область предметного творчества...» [8, с. 93]. Идея эстетической ценности искусства, господствовавшая в искусствознании вплоть до XX века, идея того, что искусство служит для воплощения красоты, была оспорена. Появление в XIX в. кича, кэмпа (впрочем, зарождение кэмпа С. Зонтаг относит к концу XVII – нач. XVIII вв., а в XIX веке кэмп становится, по её

словам, особым вкусом) [6, с. 53] и трэша и их теоретическое осмысление в XX столетии вполне могут быть признаны приметам новых веяний в эстетической теории и психологии вкуса. Кроме того, сами эстетические предпочтения разнятся в зависимости от уровня запросов потребителя: «...существует искусство для необразованных, как существует искусство для образованных, и что следует уважать различие между этими двумя “вкусами”, как уважаем мы различия в религиозных верованиях или сексуальных предпочтениях», – пишет У. Эко, подразумевая под «искусством для необразованных» – кич, а «искусство для образованных» – то, что можно назвать высоким или элитарным искусством [7, с. 397]. Причём наслаждение кичевым искусством (а это искусство, кстати говоря, «красивое», даже слишком, приторно-эстетичное, нацеленное на удовлетворение массового спроса в красоте как, например, получивший широкое распространение в США в середине XX века пин-ап (Pin-Up) вполне можно рассматривать в одном ряду с эмоциями, получаемыми образованными людьми от высокого искусства.

Интерес к «плохому», к неэстетичному или просто пошлому является частью общей проблемы вкуса и художественного вкуса в частности. Эстетика безобразного в современной культуре свидетельствует о трансформации психологии современного человека, вызванной изменением культурной карты мира. В США в штате Массачусетс существует Музей плохого искусства (Museum of Bad Art, МОВА, сайт музея: museumofbadart.org), который специализируется на работах творцов, настолько неудавшихся или сделанных плохо, что привлекают этим к себе внимание и вызывают интерес. Американский кинорежиссёр Эдвард Вуд-мл., снявший в 1950-60-е гг. такие ленты, как «План номер 9 из открытого космоса» (1959) и «Глен или Гленда» (1953), названный критиками уже после своей смерти «худшим режиссёром всех времён», сегодня весьма известен и популярен. Интерес к Эдварду Вуду и его лентам активизировался после фильма Т. Бёртона 1994 года «Эд Вуд» с Джонни Деппом в главной роли. Трэш-эстетика себя стала одним из влиятельных направлений в XX веке и перешла в XXI, превратилась в намеренно используемый стилистический приём. «Дадаизм, кэмп, бриколаж – это “высоколобые” разновидности того же трэша. Отрицая “норму”, обращаясь к проблемам “низа”, трэш-эстетика актуализирует проблему сопротивления господствующей идеологии...» [9], а тем самым и господствующему эстетическому и художественному вкусу. Трэш-эстетика обнаруживает свои исторические корни в средневековом карнавале, исследованным М. Бахтиным. Как и карнавал трэш (имея в виду трэш, как вкусовую категорию масскульты) обращается к культурному «низу», оперирует образами и проблемами повседневности. Так, трэш ярко проявляет себя в ненормативной лексике, которая призвана передать, прежде всего, чистую эмоцию фактически без конкретно-предметного содержания [16, с. 78]. С развитием телевидения, тенденции трэша всё отчётливее звучат в передачах, ориентированных на массового потребителя, пассивно внимающего экрану и желающего развлекаться.

Эстетический вкус не является врожденным, как отмечает М.С. Каган, он приобретает человеком в процессе его становления как личности, в процессе его социализации и приобщения к культуре. Одной из составляющих эстетического вкуса является «способность отличать подлинные ценности от мнимых, от того, что претендует на ценностное значение, но им не обладает» [8, с. 187]. Несмотря на обладание личностью «своим собственным вкусом», тем не менее, вкус формируется социокультурной средой, внутри которой устанавливаются эстетические нормы. Формирование массовой культуры в конце XIX – нач. XX веков и становление нового типа человека – массового человека (Х. Ортега-и-Гассет) повлекло за собой изменение

критериев эстетического и художественного вкуса. При этом следует отличать популярную культуру от массовой. Последняя, следуя типологии Д. Чейни [см. 15, с. 5–10], рассматривается как исторический вариант популярной культуры. Массовой культуре свойственны стандартизация культурных продуктов, унификация, ориентация на средний уровень и средний вкус. Популярная культура же дифференцируется в зависимости от своего потребителя и зависит от персонального выбора и вкуса. Она индивидуализирована, в отличие от массовой культуры. Массовая культура порождает пассивного потребителя, ярким примером которого является телезритель. Телевидение – это однонаправленное медиа, которое транслирует готовый, придуманный и сделанный кем-то «сверху», медийный продукт, который зритель вынужден пассивно воспринимать. Популярная культура, в отличие от массовой, подразумевает активного потребителя, который не только готов сам создавать медиа- или культурно-художественный продукт, транслировать его, но корректирует уже имеющуюся, созданный кем-то [15]. Массовая (а также народная) и элитарная культуры часто одалживали друг у друга художественные приемы и образы. Грань между «высоким» и «низким» искусством, между «хорошим» и «плохим» вкусом становится в современной культуре очень зыбкой. И, как говорит У. Эко, начало этому положили авангардисты, которые сдвинули рамки эстетического: «Сегодня все (включая обывателей, которым следовало бы поражаться и возмущаться) признают “прекрасными” (в художественном отношении) те произведения, что приводили в ужас их родителей. Авангардистское безобразие ныне – новая модель красоты; им сформирован новый рынок» [7, с. 380]. Не даром в советской эстетике, ориентированной на сознание «здорового советского человека», западное искусство характеризовалось как дегенеративное и упадническое.

Элитарное искусство, к коему принадлежит и символизм начала века, и абстракционизм, а позднее и, например, абстрактный экспрессионизм, во-первых, приравнивает творчество к высшему (божественному) откровению мира. Планка высока и искусство расценивается не просто как самовыражение, но как претворение. Это искусство, которое пре-творяет действительность, творит ее наново. Цели художника – созидание высших ценностей (А.Н. Скрябин, В. Кандинский). Второй путь элитарного искусства – раскрытие собственных приёмов, рождение «чистого искусства», «искусства для искусства». Третий путь, которым шли радикальные авангардные направления, работающие с образами безобразного и отвратительного, это революция против устоявшихся эстетических норм (дадаизм), против поклонения прошлому во имя будущего (футуристы), против безобразного и абсурдного по свой сути мира (экспрессионизм). Для понимания элитарного искусства необходимо знать некий пароль, язык, оно умопостигаемо. И если символизм ещё действует через обращение к чувствам реципиента, то уже абстракционизм требует рационального постижения.

Кич же, ориентированный на среднего массового потребителя, работает через обращение к чувствам и эмоциям. Именно эмоциональная сфера служит основной целью кичевого искусства. По словам Б. Гройса: «...главный критерий оценки с точки зрения массового вкуса: способность искусства вызывать смех и слезы» [5, с. 225], а Т. Адорно выделяет среди характеристик кича «...фиксация, а тем самым нейтрализация не существующих реально чувств. Китч пародирует катарсис» [1, с. 345]. Авангардистское искусство в отличие от кичевого сосредоточено на области мысли, комментарий к такому произведению искусства составляет его неотъемлемую часть. Поп-вкус и поп-ментальность, говорит Б. Гройс основываются на статистике – рейтинге популярности, который воспринимается массовым потребителем одновременно с самим произведением. Однако Б. Гройс отделяет массовый вкус, основа которого опора на эмоциональность, от

поп-вкуса, который является с его точки зрения продолжателем элитарной традиции авангардистского искусства [5, с. 227–228].

Для искусствоведов и философов кич, как правило, является синонимом дешёвки, подделки и дурного массового вкуса. Не случайно происхождение кича связывают со вкусами нуворишей (от фр. *nouveau riche* – новый богач) XIX века, т.е. быстро разбогатевших во время второй промышленной революции людей из низкого сословия, которые благодаря приобретённым большим финансовым возможностям оказываются в высших слоях общества. Однако такие люди, получившие богатство внезапно и чаще всего некрасивым путем (на спекуляциях или сомнительных сделках), не обладали навыками критически-рефлексивной установки и хорошим вкусом прививаемым, как правило, с детства. Связано появление этого сомнительного сословия с буржуазными революциями в Европе и изначальным накоплением капитала. Нуворишам свойственно по определению экономиста Т. Веблена «демонстративное потребление» (*conspicuous consumption*), т.е. приобретение товара исходя не столько из его функциональной полезности, сколько «напоказ», для демонстрации социального статуса. Понятие демонстративного потребления можно соотнести и с потреблением в сфере художественной культуры. Так, приобретение произведений искусства известных значимых авторов становится знаковым поведением. Исследуя художественный рынок современного искусства и задаваясь вопросом как чучело акулы может стоить 12 миллионов долларов (работа Д. Хёрста «Физическая невозможность смерти в сознании живущих»), Д. Томпсон ссылается на мнение дилеров этого рынка: «...покупка искусства из высшей ценовой категории часто представляет собой азартную игру для сверхбогатых, где призом служит известность и культурное признание» [12, с. 14]. Сегодня не эстетические критерии правят рынком культуры в целом и искусства в частности, а бренды. Бренд, в свою очередь, предстаёт мемом, имеющим (медиа)вирусную природу и распространяющимся среди масс с огромной скоростью. Но не так всё однозначно. Д. Хёрст специализируется на использовании трупов животных в качестве произведений искусства. Такие интерпретации его творчества, как тематизирование им темы смерти, попытка «...впустить мёртвое в мир живых и зафиксировать это присутствие в культурной памяти посредством этической трансгрессии, перехода творческих усилий в зону культурно табуированного» [2, с. 65], что является одной из стратегий самоидентификации в массовой социальной нерасчленённости, как мотив «Другого», раскрывает экзистенциальные смыслы современного искусства, отказавшегося от принципов традиционной эстетики.

При работе с кичем возникает проблема его идентификации, так как, по словам К. Гринберга: «Китч вводит в заблуждение» [4], мимикрирует под высокое искусство, под ценности подлинной культуры. Но кич – подделка под высокое искусство, фальшивка, он принципиально не рефлексивен. Образ настоящего и подлинного копируется, но выхолащивается. Китч – красивая оболочка, созданная в соответствии с образцами высокой культуры и по их шаблону, но наполненная пустотой содержания, он механистичен. «Задействуя в качестве сырья обесцененные и академизированные симулякры подлинной культуры, китч – весь в культивировании этой бесчувственности. <...> Китч механистичен и действует по формулам. Китч – это подменный опыт и поддельные чувства. Китч... следует стилю, но при этом всегда остаётся равным себе. Китч – воплощение всей той фальши, что есть в современной жизни. Китч... не требует от своих потребителей даже времени» [4]. Но если К. Гринберг стремится обнаружить водораздел современного искусства, разделив его на авангард и кич, то сегодня уже можно говорить, что эти два типа художественной ментальности постоянно пересекают

границы и преобразуются одно в другое. Авангард может предстать кичем, а кич оборачивается высоким искусством [5, с. 57]. Разница между одним и другим только в том, как мы используем (или как мы воспринимаем) одно или другое: в качестве высокого искусства или в качестве кича, для демонстрации своей структуры или в целях воздействия (политика, реклама и т.д.). Так, упомянутый выше пин-ап, начинаясь как «дешёвое» развлечение, сегодня воспринимается с ностальгическим, даже сентиментальным интересом, как некое благородное ретро.

Позже Сьюзен Зонтаг ввела понятие кэмп. Кэмп – это балансировка на грани плохого вкуса, в предельном выражении – «это хорошо, потому что это ужасно» [6, с. 64]. К чертам кэмп, как вида чувствительности, С. Зонтаг относит: искусственность, преувеличенность, эстетичность, стилизованность, театральность, наивность, извращённость, вульгарность, декоративность, экстравагантность, серьёзность и т.д. Следуя за С. Зонтаг в её рассуждениях о вкусе, всем свободным человеческим движением управляет именно вкус: «Ничто не является более определяющим. Существует визуальный вкус и вкус в том, что касается людей, в том, что касается эмоций — и существует вкус в области искусства и вкус в области морали. Так же как интеллигентность тоже представляет из себя нечто вроде вкуса: вкуса в области идей» [6, с. 49]. Кэмп – пограничное эстетическое явление, проявляет себя как в культуре в целом в виде общей тенденции, так и в сфере художественной культуры. В отличие от кича, кэмп – это чисто эстетский способ смотрения, вряд ли способный ярко заявить о себе в массовом сознании. Восприятие кэмп требует развитого вкуса, способного его уловить и оценить. Кич же, апеллируя к уже знакомым штампам, гораздо лучше обживается в массовом вкусе. Хотя чётко развести кэмп и кич представляется зачастую довольно проблематичным, но попытки развести эти явления предпринимаются [10].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что такие направления творческого процесса (включающего в себя как феномена искусства, так и культуры в целом) как кич, кэмп и трэш, появляясь как образцы плохого вкуса, на сегодняшний день реабилитированы в качестве оформившихся направлений «другой» эстетики, «эстетики помойки». Психологические механизмы распознавания привлекательности в некрасивом, незстетичном, пошлом, безобразном или просто негармоничном в XX-XXI вв. сформировались не без влияния внешней среды. Искусство – это симптом, по которому можно ставить (психологические, да и психиатрические) диагнозы всей культурной эпохе. Названные тенденции распространяются не только на сферу художественной деятельности, но и на повседневность, на массовую культуру, и вполне возможно говорить о влиянии этих направлений на экономику, политику, религию, науку (например, трэш в науке – «британские учёные» с их бесконечными, порой бессмысленными, но забавными, открытиями; кич в политике – предвыборные политические кампании и агитация; кэмп в религии – массовые купания в ледяных прорубях на Крещение) и т.п. Акценты перемещаются с попыток эстетической теории найти объективные критерии красоты на субъективно-психологические, когда оказывается, что «красота в глазах смотрящего». Как пишет Т. Адорно: «То, что утверждается как вечная эстетическая норма, возникает путём длительного становления и носит преходящий характер; притязание на неизбывность, вневременность (Unverlierbarkeit) устарело» [1, с. 482]. То же самое относится и к психологии. Уже стало общим местом, что образцом для сформулированных теорий З. Фрейда, отца психоанализа, являлся белый европеец конца XIX – нач. XX веков. Поэтому слепо накладывать на современного человека, а тем более человека другой культуры, сформулированные им выводы относительно психологических реакций неправомерно.

Психологические границы восприятия красивого и уродливого, нормы вкуса подвижны во времени и пространстве («...уродство, как впрочем и красота, относительны и связаны не только с определёнными вкусами, но и с определёнными периодами» [7, с. 391]), равно как и сама эстетика, которая переродилась в «антиэстетику» XX века. Существующая теория происхождения искусства на этапе первобытной культуры, связанная с развитием и усложнением высшей нервной деятельности человека, что влекло за собой необходимость выплеснуть (или сублимировать, говоря языком психоанализа) копившиеся впечатления, также может быть интерпретирована в духе антиэстетики. Цель искусства не столько украшать жизнь, учить истине, сколько в реализации творческого потенциала творца и приобщении к художественному продукту реципиента. А реализован этот потенциал может быть как в духе высокого искусства, так и в форме кича, кэмп или трэша. Однако пока три названные тенденции растворяются в пространстве повседневности, как «основного способа существования современного человека», претендующего «на высокий культурный статус» [14], и пассивно потребляются массовым зрителем (как, например, в случае с реалити-шоу «Дом 2» – трэш для масс, или программой «Модный приговор» – которая, по сути, «кич для бедных»), вряд ли может идти речь о каком-то новаторстве или творческом откровении.

Трэш-эстетика – тенденция, которая наблюдается как мировой тренд. Хотелось бы привести пример из популярной культуры Ю. Кореи, так называемой, «корейской волны». В августе 2014 г. двумя шоу-деятелями в рамках телешоу «Hitmaker» на одном из центральных телеканалов Ю. Кореи MBC, была создана временная поп-группа, принципиально использующая трэш-эстетику (начиная от имён участников, одежды и заканчивая танцем), «Big Bottle». Группа выпустила песню (кстати говоря, качественный хип-хоп) и клип, снятый буквально в одном дворе Сеула, «Stress Come On». Песня и клип оказались весьма успешны неожиданно даже для самих создателей и заняли высокие места в чартах (даже первые). Специально использованные приёмы «плохого» искусства, выводя такую эстетику из области бессознательного, превращают культурный продукт в «качественный трэш». В момент рефлексии просто плохо сделанное превращается в «трэш», или просто пошлое и избитое в «кич», а что-то гипертрофированное и кричащее оборачивается «кэмпом».

Литература

1. Адорно Т. Эстетическая теория. – М.: Республика, 2001. – 527 с.
2. Венкова А.В. Художественный жест и мотив «Чужого» в идентификационных моделях современности // Культурологические исследования'08: Сборник научных трудов. – СПб: Астерион, 2008. – С. 63–72.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. – Ростов н/Д: «Феникс», 1998. – 480 с.
4. Гринберг К. Авангард и китч // Художественный журнал. – 2005. – № 6. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/60/avangard-i-kitch/>
5. Гройс Б. Комментарии к искусству. – М.: Художественный журнал, 2003. – 344 с.
6. Зонтаг С. Заметки о кэмпе // Зонтаг С. Мысль как страсть. – М., 1997. – С. 48-64.
7. История уродства / под ред. У. Эко. – М.: Слово, 2007. – 456 с.
8. Каган М.С. Эстетика как философская наука. – СПб: «Петрополис», 1997. – 544 с.
9. Манскова Е.А. Роль трэш-эстетики в формировании современной концепции телевизионной документалистики // Медиаскоп. – 2009. – № 1. <http://mediascope.ru/taxonomy/term/193>
10. Муха О.Я. Китч и кэмп как новое высокое и низкое. Революция бинарных отношений в эстетике // Вып. № 1 (13), 2013. – С. 3–20. URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/kitch-i-kemp-kak-novoe-vysokoe-i-nizkoe-revolyutsiya-binarnyh-otnosheniy-v-estetike>

11. Посыпанова О.С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей. Монография. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. – 296 с.

12. Томпсон Д. Как продать за \$12 миллионов чучело акулы: Скандальная правда о современном искусстве и аукционных домах. – М.: Центрполиграф, 2009. – 382 с.

13. Черниговская Т.В. Маленький нашёл Першинг-2... Литературные кубики // Художественно-публицистический альманах. Вып. 3. – СПб, 2007. – С. 370–381. URL: <http://www.genlingnw.ru/person/Chernigovskaya.htm>

14. Чукуров А.Ю. Религиозный фактор как детерминанта культуры повседневности: Скандинавский протестантизм и повседневные практики // Проблемы современной экономики. – № 3/4 (19/20), 2006. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1136>

15. Шапинская Е.Н. Очерки популярной культуры. – М.: Академический проект, 2008. – 191 с.

16. Янутш О.А. Ненормативная речь как культурно-языковое явление // Культурологические исследования 2004: Сборник научных трудов. – СПб: Астерион, 2004. – С. 77–80.

«THE CHARM OF BAD TASTE»: TRASH, KITSCH, CAMP AS TRENDS

The article is devoted to the problem of aesthetic taste in contemporary culture. Special attention is given to such areas as trash, kitsch and camp. These directions are presented as general trends of the «other» taste. Trash aesthetics more and more clearly manifests itself in contemporary culture. And, in addition, these phenomena are no longer marginal, and fit into the official canvas of culture. In the present leveled the concept of «good» and «bad» taste. «High» art can become part of the mass culture and «low» is turning into an elitist culture. It is concluded that that trash aesthetics is part of the global cultural trends. Deliberate use of elements of trash aesthetics and reflective position of the recipient in relation to this kind of cultural sites can bring the trash, kitsch, camp in the field of elite culture.

Keywords: aesthetics, taste, artistic taste, kitsch, camp, trash, trash-aesthetics

УДК 7.011.28 (008)

ЧЕЛОВЕК-АКТЕР: ПСИХОЛОГИЯ «ЗДОРОВОГО» ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

*Слуцкая Е. А.
Россия, Санкт-Петербург,
Российский Государственный
педагогический Университет им. А.И. Герцена
slutskaya60@mail.ru*

В статье рассматривается понятие «перевоплощение», как основного стержня актерского творчества. Анализируются разные трактовки перевоплощения: как глубокого вживания в создаваемый образ, и как режиссирования сценического образа. Особое внимание уделяется необходимости овладения актером методом психотехники,

позволяющим при создании особо сложного психологического образа сохранять душевное здоровье и получать радость художественного творчества.

Ключевые слова: перевоплощение, воплощение, психотехника, психология актерского творчества.

Театральные педагоги при первой встрече с будущими актерами и режиссерами, как один из постулатов провозглашают: «Актер должен быть здоров. Как физически, так и психически». Данный призыв относится не только к творческой гигиене театрального работника, ответственного за создание общего культурно-творческого продукта (спектакля, театрально-художественного проекта и т.д.), но и к физическому и, главное, психическому здоровью и актера, и режиссера.

Сутью актерского искусства является *перевоплощение*. Размышления и споры о том, как работать актёру над перевоплощением и созданием нового образа не потеряли своей актуальности. Более того, по мнению современного театроведа Ю. Барбоя «фундаментальная для творчества и искусства актёра проблема перевоплощения снова вызывает всеобщую тревогу» [2, с. 24]. Следует обратить внимание на наречие «снова», из которого следует, что эта проблема родилась не сегодня. Начиная с 10-х годов XX века, деятели театра, размышляя над составляющими сценического искусства, не могли не заметить, что в основе его лежит психология актера-человека. «Вопрос о психологии актера и театрального творчества является в одно и то же время чрезвычайно старым и совершенно новым вопросом» [3, с. 187]. И театральные деятели, и психологи считали, что «исследование психологии актера – чрезвычайно трудная область для изучения процессов творчества. Специфическая черта работы актера, существенно отличающая его от других видов художественной деятельности, заключается в том, что актёр в процессе создания образа одновременно является «субъектом, предметом и инструментом творчества. В его деятельности слиты органически три фактора творческого процесса» [8, с. 4-5]. А в течение спектакля актёр-человек вмещает в себя: 1 – самого себя, 2 – новый образ, 3 – режиссера нового образа.

Термин «*перевоплощение*» имеет несколько трактовок. Театральный исследователь А. Баканурский определил перевоплощение как «способность актера действовать на сцене в образе другого человека» [1, с. 174]. Можно добавить – в образе животного, неодушевленного предмета, природного явления. Терминологическое словосочетание «*действовать в образе*» следует понимать, как попытку «превращения» в другого человека, и как попытку «изображения» другого человека, какого-либо животного, или предмета. В театральном лексиконе XX века эти две видовые особенности предпочтительнее было называть *методом переживания* и *методом представления*. А. Баканурский также выводит два типа перевоплощения: 1. – более подходящий под действие изображения: «Существует внешнее Перевоплощение: изменение актером внешности, придание своему облику черт, характерности, индивидуального и типического своеобразия, помогающих характеристике сценического персонажа» [1, с.174]. Но это сугубо внешнее изображение не несет внутренней сути данного образа; 2. – это, «более высокая стадия развития мастерства в актерском творчестве», которая «связана с искусством внутреннего Перевоплощения – способностью актера целиком жить на сцене мыслями и чувствами, присущими изображаемому им лицу» [1, с. 174]. То есть, высшая точка актерского искусства заключается в наиболее полном погружении одного человека – исполнителя в другого человека – исполняемый персонаж. Но это погружение таит в себе немало опасностей. Человек-актер, исполняющий роль Отелло, может по-настоящему задушить Дездемону, а

актер, исполняющий роль Ивана Грозного в драме А. Толстого «Смерть Иоанна Грозного», действительно умереть. Великий певец Федор Шаляпин, иронизируя над часто повторяемым театральным выражением «бессознательность творчества», вспоминал, как «актер в пылу вдохновения так вошел в роль, что, выхватив кинжал, ранил своего партнёра. По моему мнению, за такую бессознательность творчества следует отвести в участок» [15, с. 82]. Таким образом, более высокая стадия актерского искусства может обернуться и профессиональной непригодностью. «Когда даёшь на сцене пощечину, надо, конечно, чтобы публика ахнула, но партнёру не должно быть больно. А если в самом деле шибко ударить, партнёр упадет, и дирекции придётся на четверть часа опустить занавес. Выслать распорядителя и извиниться: – Простите, господа. Мы вынуждены прекратить спектакль – актёр вошёл в роль» [15, с. 82]. Как это нередко бывает в современном театре, на сцене действуют не люди, а предметы: деревья, кофейники, чашки с блюдцами. Но актер, играющий некий предмет, не должен забывать, что он – человек. В одной из новелл французского писателя Эдгара По действие происходит в сумасшедшем доме, пациенты которого ощущают себя Сыром, Бутылкой шампанского и т.д. Не может ли ожидать актера подобная участь? В чём же тогда состоит столь огромная популярность актерской профессии, если недолговечная карьера может закончиться на больничной койке в реанимационной палате, или, что гораздо страшнее – в психиатрической лечебнице?

Издавна бытует мнение, что актёрам, как и другим художественным натурам, свойственно некоторое психическое отклонение. «Недаром же говорят, что сумасшествие чем-то сродни гениальности» [14, с. 219]. Даже такой страшный диагноз как «шизофрения» по мнению многих выдающихся исследователей, – чуть ли не обязательное заболевание гения. В качестве примера звучат имена Н. Гоголя, М. Врубеля, К. Бальмонта.

Как это ни парадоксально, сходство актёрского искусства с шизофренией действительно существует. Согласно этимологии, слово «шизофрения» происходит от «расщепления рассудка», и в популярной культуре заболевание смешивают с «раздвоением личности». Творчество актера – тоже своего рода раздвоение: **Я** и некий **другой образ**. Поэтому, одна из устоявшихся точек зрения, что шизофрения, как раздвоение личности, обладающая личностно-индивидуальным богатством воображения, особо необходима человеку-художнику. Эту точку зрения отвергает петербургский (ленинградский) писатель, много лет проработавший врачом-психиатром Михаил Чулаки, определявший шизофрению как разлад с миром. Связь таланта с шизофренией Чулаки считал массовым заблуждением: «И талантливый человек может заболеть, но талант и безумие не связаны» [14, с. 133]. В устах героя повести М. Чулаки «Прощай, зеленая Пряжка» врача-психиатра Виталия Капустина шизофрения звучит как «рак души». Он убедительно утверждает «что от шизофрении постепенно деградирует личность» [14, с. 219].

Если искусство актёра – это предельно полное вживание в душевный мир персонажа с максимальной затратой психических и психофизических сил, то, как следствие этого – сердечные приступы, инфаркты, а то и – психолечебницы. Актёр действительно ходит по «лезвию бритвы», находясь в «пограничной зоне» с душевными болезнями. История театра знает немало примеров, когда работа над перевоплощением в образ выходило за рамки дозволенного, приводя актера к идентификации с воплощаемым персонажем. В. Утилов в монографии, посвященной блестящей английской актрисе Вивьен Ли, хорошо известной российскому зрителю по кинофильмам «Унесенные ветром», «Леди Гамильтон», «Мост Ватерлоо», анализируя её работу над ролью Бланш в

драме Тенесси Уильямса «Трамвай «Желание», пишет: «Друзья боялись, что роль станет слишком большим испытанием для Вивьен Ли. Она должна находиться на сцене два часа, и каждый эпизод требует максимальной нервной отдачи. Вивьен Ли – актриса перевоплощения. Фактически она «впускала в себя» на год другую личность. Нарушенная психика Бланш могла нанести ущерб хрупкой нервной конституции актрисы» [13, с. 231]. Опасения друзей актрисы были небезосновательны. Утилов в той же монографии приводит воспоминания театрального критика А. Дента: «Сразу после окончания меня привели к актрисе. Прошло лишь несколько секунд после того, как она в последний раз появилась перед публикой, но актриса всё ещё была в образе, во власти эмоций жуткого финала, где Бланш забирают в больницу для душевнобольных. Она дрожала как лист, дрожали её губы. Она вцепилась в меня, положила голову мне на плечо и спросила шепотом: «Как я играла? Вы считаете это безумием?» [13, с. 231].

После восьми месяцев ежедневных спектаклей «Трамвая «Желание» при переполненном зале, Вивьен Ли предстояло ещё принять участие в экранизации этой пьесы под руководством Э Казана и при участии М. Брандо. После выхода фильма на экран, «в 1951 году жюри Каннского кинофестиваля назвало Вивьен Ли лучшей актрисой года. Американская киноакадемия присудила ей второго «Оскара», и этот выбор не вызывал сомнений» [13, с. 235]. Триумф актрисы сказался на утрате душевного здоровья Вивьен Ли – женщины. Тяжелые приступы психического характера, подогретые разладом отношений с мужем – актёром Лоуренсом Оливье, следовали один за другим. Следующая работа Вивьен Ли – Клеопатра в шекспировской драме «Антоний и Клеопатра» также была успешно принята зрителями и критиками. Правда, «триумф триумфом, но исполнители второстепенных ролей замечали, что она нездорова, отчаянно больна – дрожит от слабости в ожидании реплики за кулисами» [11, с. 244]. Известно, что великой британской актрисе был поставлен страшный диагноз – маниакально-депрессивный психоз.

Следует вывод, что раздвоение личности как результат творчества – не лучший способ перевоплощения. Но какими же методами пользоваться молодым актёрам, если они стремятся стать не посредственными, а выдающимися в своей деятельности? Размышляя над этим, театральные и практики, и теоретики вывели различные трактовки понятия «перевоплощения», различая при этом два термина: *перевоплощение* и *воплощение*.

Перевоплощение как процесс. Как не единожды уже было отмечено, результатом актерского творчества является создание *нового сценического образа*. Под термином *сценический образ* следует понимать «результат взаимодействия актёра с персонажем и ролью» [7, с. 5]. Взаимодействие отнюдь не предполагает полного слияния с ролью. Понятия *Роль*, *Персонаж* обозначают «другого» – некоего вымышленного автором-драматургом лица, с которым актёру предстоит встретиться во время сценического действия и, соотносясь к фантомам авторского воображения, создать сценический образ» [7, с. 5]. В. Иванова считает, что «весь процесс именуется перевоплощением, а результат – собственный сценический образ – воплощением» [7, с. 5].

Перевоплощение как метод режиссирования образа. Еще в XVII веке Дени Дидро считал, что актер «должен быть холодным и спокойным наблюдателем» [6, с. 43]. Актёр должен обрести следующие навыки умения наблюдать:

1. Наблюдать жизнь: «Великие поэты и особенно драматурги являются прилежными наблюдателями того, что совершается вокруг них и в мире физическом, и в мире моральном» [6, с. 47]. Эта профессиональная черта необходима и для актёра, как человека-творца, потому, что «они собирают все, что поражает, они копят эти

наблюдения, и из этих-то запасов, образующихся помимо них самих, великое множество чудесных черт переходит в их творения» [6, с. 47]. Именно человеческие характеры и присущие им эмоциональные проявления являются фундаментом для дальнейшего актерского творчества, для поиска тех красок, которые необходимы для создания нужного сценического образа. «Большой актер наблюдает явления; образцом ему служит чувствительный человек; он размышляет над тем, что видит, и путём размышления находит, что нужно прибавить, а что – выкинуть, чтобы достигнуть наилучшего результата» [6, с. 73].

Эти мысли, не утратив своей актуальности, продолжали звучать, спустя и 200 и 300 лет: «Весь мир, люди – это «инструменты, на которых мы играем, а для чего нужен инструмент, если на нём некому играть» [9, с. 349]. Задолго до английского прозаика Сомерсета Моэма подобную мысль высказал русский писатель, большой знаток театра С.А. Юрьев. По его мнению, сценический талант артиста заключается в перевоплощении (в XIX веке слово «воплощение» редко использовалось в сценическом лексиконе) своей личности в личность другого лица и, что самое главное, – «художественно». Книга С.А. Юрьева «Несколько мыслей о сценическом искусстве», вышедшая в 1888 году, давно является библиографической редкостью. Определение «художественно» уже предполагает, что сценический артист – художник, а созданный им персонаж – это картина для живописца, или изваяние для скульптора. Мысль существования человека-актёра отдельно от своего образа очень близка многим театральным практикам и теоретикам уже с начала XX века: «Ни мрамор, ни краски, ни слова стихов, ни звуки симфоний не принадлежат к психофизическому составу скульпторов, живописцев, поэтов, и музыкантов. И только актёр закрепляет свои творческие процессы в материале, никак не отличном от него самого как от субъекта творчества» [10, с. 73]. В книге С. Юрьева, как считает видная фигура в театральной педагогике XX века С. Гиппиус «интересны его постоянные параллели «искусство – жизнь», его попытки объяснить некоторые свойства сценического таланта актера явлениями нормальной человеческой психической деятельности» [4, с. 33-34]. В своих исследованиях С. Юрьев обращался к трудам не только эстетики, но и психологии и физиологии. С. Гиппиус также писал, что Юрьев, как затем и К. С. Станиславский, были убеждены, «что природа психической деятельности актёра на сцене и человека в жизни – едина, и нужно постичь её законы» [5, с. 293].

Наблюдения за жизненными явлениями вызывают «любопытность – свойство всякого творческого человека» [5, с. 257]. В свою очередь любопытность порождает открытия. Открытия, сделанные актёрами в моменты творчества «когда из бесчисленных наблюдений жизни, людей, своей души вдруг сама собой извлекалась одна какая-то черточка характера творимого образа, а к ней присоединялась другая, третья, и рождалось целое, образ нового человека» [5, с. 257]. Плод слияния художественного вымысла с жизнью, художественный синтез – человеко-роль – это и есть созданный художественный образ.

2. Наблюдать за собой во время творческого процесса. Устоялось мнение, что «творчество актёра есть деятельность, которая заключается в овладении ролью, во «вживании» в неё, в игре перед зрителями и т.д., и представляет собой интереснейший случай сложного «искусственного» поведения человека, который сам ввёл себя в искусственную ситуацию фиктивных событий драмы и соответственно этой ситуации организует своё поведение» [15, с. 39]. С. Гиппиус, в согласии с мнением С. Юрьева, говорил, что любому человеку «присуща способность под воздействием возбуждения фантазии сливаться с внутренней жизнью другого человека так, как бы душа последнего

становилась его душою» [4, с. 33-34]. Но, чтобы слияние одной души с другой не привело к «паталогическим» отклонениям, актеру следует быть одновременно и актером, и режиссером своей роли.

Выдающийся режиссер XX века Алексей Попов в качестве примера слитной деятельности актёра-режиссера приводил игру великого Соломона Михоэлса, блистательного актера и режиссера, руководителя Государственного Еврейского Театра. Современники считали Михоэлса непревзойденным Королем Лиром. А. Попов писал, что Михоэлс «играя, как бы режиссировал себя. Все, кто видел воплощение им образа Лира могли наблюдать одновременно актера Михоэлса и руководящего им Михоэлса-режиссёра» [10, с. 50]. На примере игры Михоэлса Попов также различал понятия Перевоплощение и Воплощение, акцентируя «у Михоэлса мы видели воплощение образа, а не перевоплощение в образ. Актер как бы изымал себя из образа» [10, с. 50]. Таким образом, Попов подчеркивал отделение актера от создаваемого им персонажа и сопоставлял его с другими творцами: «Подумайте – художник, живописец, скульптор воплощают образ, созданный их воображением. Но ведь материал находится вне их, вне художника (мрамор, краски и т.д.), а у актера материал – это он сам, его духовное и физическое существо, его психофизика. Следовательно, когда мы говорим о «воплощении», то подразумеваем, что, воплощая сценический образ, создатель его существует над ним и отдельно от него». А формула «перевоплощение в образ» в идеале исключает возможность существования актёра вне образа [10, с. 55]. Сам Алексей Попов считал, что «перевоплощение в образ предполагает диалектическое взаимопроникновение персонажа и актера, то есть созданного драматургом образа и психофизического материала актера. Результатом этого слияния и явится некое новое существо, которое начнет жить во временных рамках текущего спектакля [10, с. 55].

Фёдор Шаляпин, не исключая необходимости «раздвоения», второе лицо считал контролером создаваемого образа. Он писал, что «актер стоит перед очень трудной задачей – задачей раздвоения на сцене. Когда я пою, воплощаемый образ предо мною всегда на смотре. Я пою и слушаю, действую и наблюдаю. Я никогда не бываю на сцене один. На сцене два Шаляпина. Один играет, другой контролирует» [14, с. 81]. Бессознательному творческому порыву он предпочитал постоянное присутствие сознания на сцене: «Я ни на минуту не расстаюсь с моим сознанием на сцене. Ни на секунду не теряю способности и привычки контролировать гармонию действия. Правильно ли стоит нога? В гармонии ли положение тела с тем переживанием, которое я должен изображать?» [15, с. 82]. Постоянный контроль над собой Шаляпин считал главным орудием актерского профессионализма: «Только строгий контроль над собою помогает актёру быть честным и безошибочно убедительным» [15, с. 81].

Для того, чтобы произошло органичное слияние и возможность существовать в искусственно созданной ситуации необходимо овладеть «рядом сложных психологических механизмов (высшие формы внимания, сложные акты мысли, воображения и т.д.)» [16, с.39]. Совокупность психологических механизмов и физических данных актера породила такой метод работы как *психотехника*. Именно психотехника способна помочь молодому актёру стать творцом нового образа, сохраняя, при этом, прекрасное душевное здоровье и получая неискоренимую радость сценического творчества. Психотехника помогает актёру творить «своими чувствами, воображением и телом. Чувство и тело угадывают внутренний и внешний образы роли, а воображение рисует всю жизнь действующего лица» [11, с. 21]. Владение актёрской психотехникой требует овладения навыками психологических механизмов, а также вышеназванными навыками наблюдения.

«Все люди – наше сырьё. Мы вносим смысл в их существование. Мы берем их глупые мелкие чувства и преобразуем их в произведения искусства, мы создаем из них красоту...»[9, с. 349]. Слова Джулии Лэмберт, героини знаменитого романа Сомерсета Моэма «Театр», справедливо можно считать гимном актерскому искусству: «Говорят: игра – притворство. Это притворство и есть единственная реальность»[9, с. 349].

Литература

1. Баканурский А., Овчинникова А. Современный театральнo-драматический словарь. Одесса: Студия «Негоциант». 2007. 340с.
2. Барбой Ю. Теория перевоплощения и система сценического образа // Актер. Персонажи. Роль. Образ. Сб. научных трудов. Ленинград: ЛГИТМИК им. Н. Черкасова. 1986. С. 24-63.
3. Выготский Л.С. К вопросу о психологии творчества актёра // Якобсон П.М. Психология сценических чувств актёра. М.: 1936. С. 187-211.
4. Гиппиус С. Гимнастика чувств. Тренинг творческой психологии. Ленинград-Москва: Искусство. 1967. 296с.
5. Гиппиус С. Актерский тренинг. Гимнастика чувств. СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК. 2008. 377с.
6. Дидро Д. Парадокс об актёре. Ленинград-Москва: Искусство. 1938. 167с.
7. Иванова В. Актёр-роль и персонаж // Актёр. Персонажи. Роль. Образ. Сб. научн. трудов. Ленинград: ЛГИТМИК им. Н. Черкасова. 1986. С. 5-23.
8. Кабановский В. Предисловие // Якобсон П.М. Психология сценических чувств актёра. М.: 1936. С. 3-12.
9. Моэм С. Театр // Луна и грош. Театр. Романы. Пер. с англ. Н. Манн, Г. Островской. М.: Амальтея. 1993. С. 165-350.
10. Попов А. Об искусстве перевоплощения актёра // Искусство сегодня. Сб. научн. статей. М.: Искусство. 1962. С. 44-69.
11. Рождественская Н.В. Быть или казаться. Истоки современного театра и психотехника актёра. Учебное пособие – 2-е издание. СПб: Изд-во СПбГАТИ. 2011. 96с.
12. Степун Ф.А. Природа актёрской души // Из истории советской науки о театре. 20-е годы. Сб. трудов. М.: ГИТИС им. Луначарского. 1988. С. 53-89.
13. Утилов В. Вивиен Ли. М.: Искусство. 1992. 350с.
14. Чулаки М. Прощай, зелёная Пряжка // Прощай, зелёная Пряжка. Повесть и рассказы. СПб.: Геликон Плюс. 2005. С. 5-232.
15. Шалапин Ф.И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. СПб.: Гос. учреждение «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства». 2008. 240с.
16. Якобсон П.М. Психология сценических чувств актёра. М.: 1936. 215с.

MAN-ACTOR: THE PSYCHOLOGY OF "HEALTHY" REINCARNATION

The article deals the concept of "transformation" as the main stem of acting. We analyze different interpretations of transformation: how deep empathy in the created image and as direction respect of scenic image. Particular attention shall be given to the specific actor method of psychotechnics, allowing during the creation of the particularly difficult psychological image to maintain their mental health and to receive pleasure of artistic creation.

Keywords: transformation, incarnation, psychotechnics, psychology of the acting creativity

УДК 008:7.036+82

ВОЗДЕЙСТВИЕ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ НА ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ
(К ВОПРОСУ О МОДИФИКАЦИИ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА В
ИЗОЛИРОВАННОМ ПРОСТРАНСТВЕ)

Новикова Н. П.

Россия, Санкт-Петербург

Российский Государственный Педагогический

Университет им. А. И. Герцена

natalia-novikova94@yandex.ru

Данная статья рассматривает протекание творческого процесса в изолированном пространстве. В ней сравниваются художественные произведения, условия тюремного заключения и психофизиологическое состояние трёх известных авторов. Оскар Уайльд, Жан Жене и Николай Гаврилович Чернышевский являются представителями трёх этнических групп: англосаксонской, романо-германской и славянской. Поэтому, одна из задач исследования состоит в том, чтобы обнаружить сходства и различия психофизиологии творчества в этих культурах. Так же в статье предлагается типология изолированных пространств, включающая в себя четыре основных элемента: тюремное заключение; исправительный и концентрационный лагерь и ссылка; домашний арест; травмы и формы заболеваний, ограничивающие свободу творчества. В данном случае будет описан только первый тип замкнутого пространства. На заключительной стадии исследования, исходя из высокой миссии писателей, будут переосмыслены понятие и значение тюремного пространства.

Ключевые слова: тюремное заключение, творчество, психофизиология, изолированное пространство, личность, писатель.

«Разделяется город на семь обширных поясов, или кругов, называющихся по семи планетам. Из одного круга в другой попадают по четырём мощёным улицам сквозь четверо ворот, обращённых на четыре стороны света. И так, право, он выстроен, что если бы взят был приступом первый круг, то для взятия второго понадобилось бы употребить вдвое больше усилий; а для овладения третьим – ещё того больше» [12]. Этими строками описывается утопичный город Солнца, построенный воображением итальянского философа Томмазо Кампанелла во время его двадцатисемилетнего пребывания в заключении. С трудом верится, что такой красочный и величественный образ целого города-государства, возник под мрачными и сырыми сводами темницы, где, казалось бы, у любого автора не остаётся ни единой надежды на творческий импульс. Тем не менее, Кампанелла создал в своём сознании совершенно определённый мир, противоположный тому, что окружал его в действительности, и, возможно, именно такой вариант был единственно верным на пути к спасению. Товстоногов, в наставлении выпускникам театральных вузов, утверждает, что «одним из признаков настоящего дарования является способность человека постоянно, независимо от обстоятельств, в которых он находится, как бы создавать в себе второй, параллельный с конкретно-бытовым, мир внутренней жизни» [7]. Необходимость такого мира для выживания человека была доказана и в Соловецком лагере, где «народный театр» [3] был для каторжников одновременно «местом морального и физического отдыха» [3], «источником энергии» [3] и двигателем умственного развития. Как будет видно из дальнейших примеров, эти три функции

реализуются в замкнутом пространстве посредством творческой деятельности и во многом поддерживают жизнеспособность заключённого.

Что касается самого замкнутого пространства, то эта сфера гораздо шире четырёх тюремных стен, хотя и понимается чаще всего именно в таком традиционном представлении. На самом деле, можно разработать краткую типологию изолированных пространств, которая будет состоять из следующих позиций: 1) тюремное заключение; 2) концентрационный и исправительный лагерь или ссылка; 3) домашний арест; 4) травмы и заболевания, ограничивающие свободу деятельности. В первом случае разъяснения будут излишними, что касается ссылки и лагеря особого назначения, то условия там обычно схожи и характеризуются предельной суровостью – по большей части, это холодные северные города, где заключённым приходится выполнять тяжёлую работу в жесточайших условиях. Домашний арест, кажущийся наиболее безобидным из видов изоляции, не давая человеку возможности общения с внешним миром, может постепенно привести заключённого к помешательству. Травмы и неизлечимые заболевания зачастую сопряжены с ограничением умственных и физических действий человека, и придают негативную окраску его «я – концепции», независимо от наличия воли и таланта, что позволяет причислить данные явления к ряду изолированных пространств. Помимо вышеперечисленных случаев, существуют закрытые предприятия и даже целые города-спутники, вроде «Москвы-100», но они не будут включены в типологию по причине того, что носят добровольный характер для человека, который заранее знает, на что подписывается.

В этой статье будет рассмотрен наиболее конкретный и очевидный тип замкнутого пространства – тюрьма, а в качестве примера творчества выбрана литературная деятельность, как вид искусства, не требующий специальных инструментов. Задачей исследования является сравнительный анализ аспектов изоляции трёх авторов, чьё географическое положение, годы жизни, этническая принадлежность и художественные произведения, на первый взгляд, имеют мало общего. У заключённых зачастую возникает необходимость записать подслушанный разговор или хотя бы свои воспоминания, покрыв надписями стены, если под рукой нет бумаги. В то время как для кого-то это – единственное средство от скуки, истинные гении тратили время, проведённое в тюрьме, на создание трудов всей своей жизни.

Представитель островной Европы, один из основоположников эстетского движения, Оскар Фингал О'Флайрти Уилле Уайльд (16 октября 1854 – 30 ноября 1900), считал, что «каждый должен быть произведением искусства — или носить на себе произведение искусства» [11]. В целом, образ его жизни можно выразить одним афоризмом - «у меня неприятный вкус: мне вполне достаточно самого лучшего» [2]. Скорее всего, если получивший образование в Оксфордском колледже Мадлен, Уайльд когда-либо связывал свою персону с понятием тюрьмы, то лишь в философском плане, полагая, что общественные нормы не оставляют пространства для творчества, а «нравственность всегда была последним прибежищем людей, равнодушных к искусству» [2]. По иронии судьбы, в апреле – мае 1895 года он был осуждён за «преступление против общественной нравственности» [4]. Последующие два года Уайльд провёл на исправительных работах в тюрьме, о которой писал: «если Англия ко всем своим заключённым относится так же, как ко мне, она не заслуживает иметь их вовсе» [2]. За время заключения он создал трогательную до глубины души исповедь, обращённую к Альфреду Дугласу, из-за отношений с которым предстал перед судом, - «De Profundis» (1897). В «Балладе Реддингской тюрьмы» (1897), иллюстрирующей повседневность заключённых, Оскар Уайльд с грустью отмечает, что «Отчаяние-сторож, а Горе –

спутник дней» [10] узника. «Поят водою здесь гнилою» [10], а «хлеб, что взвешен строго, смешан с известкой и песком» [10]. Некогда безупречный фрак и длинные волосы писателя остались за пределами камеры, теперь «обрито темя» [10], и он «в одежде серой» [10] трудится на каторжных работах. Лондон, который совсем недавно осыпал Уайльда почестями и цветами, теперь скалил зубы в злой насмешке, а писатель с несвойственной ему горечью замечал, что «кариатура — это дань, которую посредственность платит гению» [9]. «В кельях узких, и тесных, и сырых» [10], где из-за решётки «глядит, дыша отравой, Живая Смерть» [10], и «каждый заключён в Аду отдельном» [10], обостряются такие человеческие чувства, как взаимная поддержка и сопереживание. Будучи атеистом, Оскар Уайльд однажды очень точно подметил, что «Христос умер не для того, чтобы спасти людей, а для того, чтобы научить их спасать друг друга» [9]. В тюрьме заключённые осознавали, что значит «за грех чужой изведать ужас» [10], когда из их глаз «катились слёзы за другого, и были – как свинец» [10].

Удивительно, как Оскару Уайльду удалось создать прекрасные тексты в заключении, где «всюду – мрак и сон» [10]. В какой-то момент он был на грани самоубийства, от чего его спасало сочувствие других узников, которые говорили: «таким, как вы, здесь гораздо труднее, чем нам» [4]. Возможно, дело было и в удивительном чувстве юмора и особом мироощущении писателя, исходя из которого «весь мир – театр, но труппа никуда не годится» [2]. Для Уайльда «цель жизни — самовыражение» [9] и непереносимое служение Искусству, которое он доказывал каждым своим поступком. Так как «пути богам проторяет лишь тот, чьи суждения звучат гласом паломника в пустыне» [9], то тюремное заключение представляется лишь незначительным препятствием перед лицом миссии более высокой, чем банальные явления обыденности.

Не менее образованный, чем Оскар Уайльд, Николай Гаврилович Чернышевский (12/24 июля 1828 — 17/29 октября 1889) вырос в семье священника, окончил Саратовскую духовную семинарию и Петербургский университет, и стал преподавать в гимназии. На первый взгляд, такая биография не вяжется с революционными взглядами и тюремным заключением. Тем не менее, мировоззрение Чернышевского сформировалось в университетские годы, параллельно с творческой деятельностью и не без участия дружбы с А. И. Герценом. Будучи публицистом, литературным критиком, членом тайного революционного сообщества «Земля и вода» и основоположником народничества, Чернышевский активно пропагандировал идеи демократии. 12 июня 1862 года «враг Российской империи номер один» был помещён в Петропавловскую крепость, по обвинению в составлении прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Протестуя против незаконного осуждения, Чернышевский девять дней просидел без пищи, продолжая при этом литературную деятельность. В общем счёте, он провёл в тюрьме почти два года, оформив за это время свои утопические идеи в романе «Что делать?». Там, как и Кампанелла, он описывает не угрюмость заточения, а «Новую Россию» [8] - «горы, одетые садами; между гор узкие долины, широкие равнины» [8]. И снова в тексте появляются яркие, чёткие образы: «среди садов растут рощи самых высоких деревьев: внизу во влажных ложбинах плантации кофейного дерева; выше финиковые пальмы, смоковницы; виноградники перемешаны с плантациями сахарного тростника» [8].

Строки романа в противовес тюремной обстановке чередуются с песнями, шутивыми и полны надежд – «они живут весело и дружно, работают и отдыхают, и наслаждаются жизнью, и смотрят на будущее если не без забот, то с твердою и совершенно основательной уверенностью, что чем дальше, тем лучше будет» [8]. В изоляции Чернышевский ведёт не менее активную деятельность, чем на свободе, видимо,

ощущая на себе задачу переустройства России и понимая, что «всякая отсрочка опасна; долгая отсрочка, наверное, гибельна» [8]. С не менее колкой, чем у Уайльда, иронией, он замечает: «одного жаль: в нынешнее время на одного нынешнего человека все ещё приходится целый десяток, коли не больше, допотопных людей» [8]. Неоспоримая мысль о том, что «против своей природы человек бессилен» [8], не только вновь отсылает нас к Уайльдовскому постулату: «трудно избежать будущего» [9], но и кажется ещё одним основанием для тюремного творчества.

Наиболее ярким представителем такого рода творчества является Жан Жене (19 декабря 1910 - 15 апреля 1986), воспитанный скромной крестьянской семьёй из-за психической неуравновешенности своей матери, а в возрасте десяти лет после ошибочного обвинения в краже, твёрдо решивший стать преступником. В пятнадцать лет Жене уже пребывал в колонии для несовершеннолетних, а незадолго до своего двадцатилетия описывает собственную личность такими словами: «некоторое время я промышлял воровством, но проституция была милее моей беспечной душе» [3]. Во время пребывания в заключении, он создаёт некоторые из своих лучших произведений, где неизменно описывает среду, в которой находится, вплетая в повествование фрагменты автобиографии. Первым серьёзным романом стала «Богоматерь цветов» (1944). В «Дневнике вора» (1949), который он называет своей «Книгой Бытия» [3], Жене обсуждает «прелести личной каторги» [3], при этом каторга для него – «часть света или души» [3], которая «доставит больше радостей, чем все почести и празднества» [3]. Но Жене не стремится к вечному страданию, он «жаждет признания и лавров» [3], и идёт к ним своим неповторимым путём. Его повествование увлекательно и искренне, а тюрьма со временем становится для Жене привычным пространством, даже более близким, чем стены человеческого жилища. «Возможно, я восхищаюсь предателями и люблю их в силу присущего им морального одиночества, к которому стремлюсь» [3]. Это высказывание проливает свет на независимость и специфичность личности Жана Жене, личности, полностью сформированной в тюремной среде.

В отличие от Уайльда и Чернышевского, Жене не изнывал в колонии, сознательно променяв простую жизнь на заключение, - «я сам, по велению сердца, выбрал мир, в котором мне хорошо» [3]. Ритм из преступлений и наказаний за них был созвучен биению сердца писателя, который говорил: «в глубине души я беру на себя роль жертвы и роль преступника одновременно» [3]. В 1943 году, благодаря содействию Жан-Поля Сартра и Жана Кокто, подходит конец тюремной главы в биографии Жене, который, используя полученный опыт, продолжает творить. Через некоторое время повышенная популярность писателя даже приводит его к творческому кризису, после чего он начинает ставить, не менее успешные, драматургические опыты. Как и Оскар Уайльд, имея склонность к гомосексуализму, Жене находился на грани самоубийства и порой впадал в депрессии, неоднократно подвергаясь резкой общественной критике.

Итак, Оскар Уайльд был осуждён за безнравственность, Жан Жене – за воровство и дезертирство, Чернышевский – за революционные идеи, но они создали вершинные произведения своей творческой деятельности, находясь именно в заключении. Уайльд и Чернышевский, происходившие родом из интеллигентных и относительно благополучных семей, испытали в заключении стресс, практически сломивший их дух. Уайльд, пробыв за решёткой около двух лет, пришёл к такому моральному и физическому истощению, что после освобождения смог прожить только лишь три года. Он умер от воспаления уха, полученного ещё в начале тюремного срока. Чернышевский, будучи революционером, обрёл себя почти на двадцать лет тюрем и ссылок, и, так и не дождавшись помилования, умер от кровоизлияния в мозг. Жан Жене, единственный из

всех, с детства привык к мелким преступлениям и изолированным пространствам, которые стали частью его жизни. Но, несмотря на различия в этнической принадлежности и действующем политическом режиме, во взглядах на события и явления повседневности, в культурах и творческой деятельности, этих людей объединяло некое связующее звено. Они мыслили прогрессивно и, если можно так выразиться, были «людьми будущего», несущими первые весточки мира, который возникнет через десятки и сотни лет. На примере уже упомянутого романа-утопии «Город солнца», возникает необходимость отметить предельную чёткость и ясность его концепции, что свидетельствует о трезвости рассудка Кампанеллы при наличии богатого воображения. По наблюдениям Уайльда, «прогресс есть претворение Утопий в жизнь» [9]. Уайльд, Жене и Чернышевский, следуя примеру Кампанеллы, воплотили в своём творчестве воображаемый мир, ставший на время тюремного заключения их действительностью, и отодвинувший реальность на второй план. Помещение тюрьмы, изолированное от реальности и пока что не имеющее возможности соприкоснуться с миром грядущим, обретает совершенно иной смысл – оно становится вневременным пространством, в котором разрабатываются новые реформы и конструируется концепция будущего человечества. Как сказал всё тот же Оскар Уайльд, «каждый может творить историю, но лишь великие люди способны её писать» [9]. И писать её им приходится, как показывает опыт прошлых веков, чаще всего в тюрьме.

Литература

1. Брандрет Джайлз. Оскар Уайльд и смерть при свечах (под ред. С. Н. Абовской). – СПб.: Издательство «ОлмаМедиаГрупп», 2012. – 384 с.
2. Душенко К. В. Большая книга афоризмов. – М.: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 106, 436, 522, 856.
3. Жене Ж. Дневник вора: Роман / Пер. с фр. Н. Паниной (Серия «Коллекция 2»). – М.: Издательство «Текст», 1994. – С. 9, 43, 251-252,
4. Кузякина Н. Б. Театр на Соловках. 1923-1937. – СПб.: Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2009. - С. 54.
5. Ланглад Жак де. Оскар Уайльд, или Правда масок. – М.: Издательство «Молодая гвардия»; Палимпсест, 2006. (Жизнь замечательных людей: Сер. Биогр.; Вып. 984). - С. 216-237.
6. Смирнов А. В. Николай Гаврилович Чернышевский (биографические и библиографические сведения) // Русская старина. — 1890. — № 5.
7. Товстоногов Г. А. Зеркало сцены. Книга 1 – изд. 2-ое доп. и испр. М.: «Искусство», 1984. С. 288-289.
8. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Роман. Вступит. Статья Ю. Мелентьева. – М.: «Худож. лит.», 1978. – С. 323, 370, 389, 416, 453.
9. Уайльд О. Афоризмы / Пер. с англ. К. В. Душенко (Серия «Мастера афоризма»). – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. - С. 70, 105, 165, 168, 176, 214.
10. Уайльд О. Избранное / Сост. С. Бэлза. – М.: Правда, 1989. – С. 41-58.
11. Уайльд О. Портрет Дориана Грея: Роман, повести, пьесы, сказки, афоризмы. / Пер. с англ. В. Чухно, М. Благовещенской. – М.: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 663-665.
12. Утопический социализм: Хрестоматия / Общ. ред. А. И. Володина. – М.: Политиздат, 1982. – С. 88.

IMPACT IMPRISONMENT FOR A WRITER'S PERSONALITY
(THE PROBLEM OF THE PSYCHOPHYSIOLOGY MODIFICATION
OF CREATIVITY IN AN ISOLATED SPACE)

This article is devoted to the study of the process of creative work in the isolated space. It compares the literary works, the conditions of imprisonment and psychophysiological state of three famous writers. Oscar Wilde, Jean Genet and Nikolai Chernyshevsky represent three ethnic groups: Anglo-Saxon, Romano-Germanic and Slavic. So one of the aims of the research is to display both similar and different points that characterize psychophysiology of creativity in these cultures. The typology of isolated spaces is also suggested in the article. It includes four main elements: the imprisonment; correctional and concentration types of camp and exile; home arrest; traumas and illnesses confining the freedom of creativity, but only the first type is described in the article. In conclusion, due to high mission of writers, the space of prison will be reassessed during the following study.

Key words: imprisonment, creativity, psychophysiology, isolated space, personality, writer.

УДК 159.91

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ТЕРАПИИ ИСКУССТВОМ В РЕАБИЛИТАЦИОННОЙ РАБОТЕ

Цымбал А. В.¹, Родионов А.Р.²
Россия, Санкт-Петербург

1- Санкт-Петербургский Государственный Университет

2 - Международное Научное Психофизиологическое Содружество
rodionov_and@hotmail.ru

Целенаправленное и научно-обоснованное влияние на психику при восстановлении и усилении когнитивных функций представляется чрезвычайно интересным как для психологов и психотерапевтов, так и для исследователей мозга человека, в связи с чем арт-терапия – область, где мультидисциплинарное взаимодействие ожидаемо будет инициироваться как со стороны психологии, так и со стороны науки о мозге. В настоящей статье представлен обзор основных подходов и классификаций, сложившихся в рамках одной из самых динамически развивающихся областей психотерапии - арт-терапии. Центральной темой обзора является мультидисциплинарный характер арт-терапии. Мультидисциплинарность основ арт-терапии, по-нашему мнению, является на сегодняшний день наиболее важной чертой, организующее значение которой должно быть в полной мере осознанно и использовано при создании новых и ревизии уже существующих арт-терапевтических методик. Представленный в статье анализ основных принципов реабилитации, различных классификаций, охватывающих подавляющее большинство известных подходов и методов арт-терапии, а также обзор самого понятия арт-терапия, показывают, что междисциплинарное взаимодействие и мультидисциплинарность занимают ключевые позиции на всех уровнях арт-терапии, что признано крупнейшими международными и национальными арт-терапевтическими организациями. Собранный материал мы предлагаем рассматривать в качестве отправных точек при изучении специалистом не

психологом данной области при планировании междисциплинарного и мультидисциплинарного взаимодействия.

Ключевые слова: когнитивные функции, арт-терапия

Введение

В настоящее время все более активно в реабилитационном процессе применяется такой мультидисциплинарный по своему содержанию подход как психотерапия творчеством и искусством [6], или арт-терапия. В основе термина лежит английское слово *art* – искусство. Арт-терапия – это объединение психотерапии с занятиями живописью, музыкой, актерским мастерством и другими видами творчества и искусства для достижения лечебного психотерапевтического эффекта. Однако, в узком смысле под арт-терапией часто понимают психотерапевтические воздействия именно изобразительным творчеством, применение произведений живописи и рисования в психотерапии [22]. В данном обзоре термин арт-терапия употребляется в более широком смысле, если не указано обратного, и включает такие крупные направления, как терапия различными видами творчества и терапия различными видами искусства.

Терапия творчеством (экспрессивная арт-терапия) – терапия творческими занятиями, увлеченностью, самораскрытием, поиском смысла жизни, эмоциональной взволнованностью [4]

Терапия искусством (импрессивная арт-терапия) – это использование в лечебных целях различных продуктов творчества, произведений искусства, прославленных шедевров [3].

Данные определения позволяют заключить, что арт-терапевтическая область оперирует как непосредственно процессом творчества (терапия творчеством), так и воздействием продуктов творческой деятельности, произведенных профессионалами из области искусства, на «зрителя», в качестве которого выступает пациент или клиент арт-терапевта (терапия искусством).

Настоящая статья представляет собой обзор основных подходов и классификаций арт-терапии, сложившихся в рамках психологической науки. Это своего рода путеводитель по современному многообразию арт-терапии. Центральной темой обзора является мультидисциплинарный характер арт-терапии, в значительной степени определяющий ее распространенность и, по-нашему мнению, дальнейшее эффективное развитие. Целенаправленное и научно-обоснованное влияние на психику при восстановлении и усилении когнитивных функций представляется чрезвычайно интересным и для исследователей мозга человека, в связи с чем арт-терапия – область, где междисциплинарное и мультидисциплинарное взаимодействие будет инициироваться как со стороны психологии, так и со стороны науки о мозге. Родионов [9] при анализе ряда задач новой рамочной программы ЕС научных исследований и инноваций - Горизонт 2020 по преодолению неблагоприятных последствий старения европейского населения, в первую очередь, сказывающихся на росте числа лиц, страдающих болезнями мозга, расстройствами психики и поведения, уже указывал, что ключевой составляющей будущей системы исследований мозга и инноваций, связанных с ним, представляется эффективный обмен информацией между всеми ее участниками, своего рода интерактивное звено этой системы.

Рассмотрение вопроса мультидисциплинарности, по мнению авторов настоящего обзора, будет способствовать решению как общей методологической проблемы реабилитации, так и улучшит понимание психологических аспектов реабилитации творчеством и искусством физиологами и медиками, что может помочь развитию

мультидисциплинарных исследований, а значит, появлению реабилитационных программ нового поколения.

Принципы реабилитации

Очевидно, что для понимания механизмов арт-терапии необходимо учитывать данные полученные в ходе не только психологических, но и психолого-социальных, медицинских и физиологических исследований. Мультидисциплинарность, как основа арт-терапии закреплена, например, в основных принципах реабилитации, которым должны соответствовать арт-терапевтические процедуры. К таким принципам относят:

1. Единство биологических и психосоциальных воздействий - при построении системы реадaptации, восстановления, компенсации учитываются клинко-биологические и психологические факторы;

2. Разносторонность усилий для организации реабилитационной программы - учитываются разные стороны жизнедеятельности больного, различные сферы реабилитации (психологическая, общественная, семейная, профессиональная);

3. Апелляция к личности больного, принцип "партнерства" - личность больного включают в лечебно-восстановительный процесс, добиваясь активного его участия в восстановлении нарушенных функций организма и социальных связей;

4. Ступенчатость (переходность) проводимых воздействий и мероприятий [5].

Арт-терапия должна отвечать всем вышеизложенным принципам реабилитации и, прежде всего, обеспечивать разноплановость реабилитационных мероприятий и партнерские отношения между участниками процесса реабилитации. Арт-терапия может применяться на всех этапах реабилитационного процесса, что облегчает переход от одной ступени восстановления нормальной жизнедеятельности к другой. Перспективность данной области реабилитации стимулирует специалистов повышать эффективность своей работы и активно интересоваться психосоциальными и биологическими аспектами арт-терапии [8]. Представляется, что целенаправленный и структурированный обмен знаниями между различными специалистами, участвующими в разработке реабилитационных методик, позволит сделать реабилитационный процесс более направленным и эффективным.

Современные проблемы реабилитации

Согласно определению Всемирной Организации Здравоохранения реабилитация – это набор мер, помогающий людям, которые являются инвалидами или могут ими стать, достичь и поддерживать оптимальное функционирование при взаимодействии с окружающей их средой [27]. Однако, данное определение крайне расплывчато и может включать практически неограниченное количество воздействий самого разного характера. Попытки проанализировать современное состояние реабилитации и входящих в нее научно-теоретических и практических компонентов предпринимались не раз [16, 25, 28]. Одним из последних, для систематизации данной области знания, был предложен такой подход, как концептуальное описание реабилитации в качестве стратегии здоровья, с использованием большого количества мнений экспертов из разных областей знания [21]. Конкретизировать указанную выше работу может тезис, что современные подходы к реабилитации и природа конечного продукта – реабилитационной методики, лежат в предметной области разных наук: медицины, физиологии, психологии, педагогики и других. Однако, необходимо особенно подчеркнуть, что большой объем накопленных знаний, их сложность, а также узкая специализированность представителей современной науки затрудняют междисциплинарное взаимодействие, снижая качество разрабатываемых реабилитационных методик. В этой связи представленный в данной статье сквозной анализ имеющихся подходов с кратким, тезисным описанием их

многообразия, является простым для восприятия и сможет быть полезен для не психологов в самом широком ряде случаев, включая подбор специалистов, лабораторий и институтов для совместного осуществления новых научно-исследовательских проектов.

Терапия творчеством и искусством. Обзор понятия

Универсального определения понятия реабилитации, как это было показано выше, не существует. То же справедливо и для арт-терапии. Разные специалисты вкладывают в данный термин совершенно различные значения, что, время от времени, приводит к эклектичным явлениям в психологии.

В частности, Оксфордский словарь предлагает нам следующее определение арт-терапии: «Форма психотерапии, поощряющая свободное самовыражение через живопись, графику или моделирование, и используемая для коррекции или диагностики» [22]. При этом понятие арт-терапии сокращается до группы методик, использующих в психотерапевтическом процессе приемы и элементы изобразительного искусства.

Определения сформулированные, например, Британской Ассоциацией Арт-терапевтов (The British Association of Art Therapists, ВААТ) и Американской Арт-терапевтической Ассоциацией (The American Art Therapy Association, ААТА), значительно расширены и акцентируют внимание уже не только на модальности творческой деятельности, но и на глобальных целях и задачах арт-терапевтического процесса, а также апеллируют к процессу творчества в целом.

Арт-терапия — это использование художественных материалов (материалов искусства) в процессе самовыражения и отражения себя в присутствии квалифицированного арт-терапевта. Конечной целью для практиков арт-терапии является помощь клиенту в достижении эффективных изменений и роста на личностном уровне за счет использования художественных материалов в безопасной и способствующей этому процессу среде [26].

Арт-терапия — это профессия сферы услуг, которая использует средства искусства, изображения, процесс творчества и реакции пациента / клиента на созданную художественную продукцию, как отражение развития индивида, его способностей, личности, интересов, проблем и конфликтов [18].

При этом и наблюдаются явления, которые можно назвать психологической эклектикой, например, когда в определении арт-терапии смешиваются понятия терапии творчеством и терапии искусством, представляющие различные направления арт-терапии, о чем говорилось выше. На практике наблюдение шедевров и непосредственно творческая деятельность пациента или клиента могут быть совмещены, что, однако, это должно быть доступным образом представлено на концептуальном уровне.

Наиболее близким нам видится следующее определение, предложенное Австралийской Национальной Арт-терапевтической Ассоциацией (The Australian National Art Therapy Association, ANATA). Арт-терапия является междисциплинарной формой психотерапии. В целом, основываясь на психоаналитических или психодинамических принципах, арт-терапевты могут использовать различные теоретические представления, в рамках которых им комфортно работать. Другие режимы работы включают юнгианский, гуманистический, поведенческий, системный, и комплексный подходы [12]. Междисциплинарность природы арт-терапии, подчеркиваемая в данном определении, является на сегодняшний день, по-нашему мнению, наиболее актуальной чертой, которой должно быть придано организующее значение при создании новых и ревизии уже существующих арт-терапевтических методик. Вместе с тем, в нашем представлении, позитивным является смещение фокуса

приведенного определения с перечисления направлений или отдельных модальностей, в сторону констатации множественности и равнозначности теоретических основ арт-терапии.

Многообразие подходов к арт-терапии (табл. 1)

В настоящее время в рамках психологии существует очень большое количество разнообразных научно-исследовательских направлений арт-терапии и еще большее количество методик и практических приемов. Они отличаются по форме воздействия, продолжительности, направленности и многим другим характеристикам. В Таблице 1 собраны десять различных классификаций, охватывающие подавляющее большинство известных подходов и методов арт-терапии, которые мы предлагаем рассматривать в качестве отправных точек при изучении специалистом не психологом данной области и осуществлении самостоятельного поиска по ее отдельным направлениям. Из таблицы 1 видно, что в арт-терапии существует значительное количество подходов, связывающих данную область со многими теоретическими представлениями в психологии, а также с социологией и когнитивной наукой. Отметим, что внутри арт-терапии существуют как мономодальные, так и комплексные, системные подходы, различной степени сложности, например, мультимедийная (интегративная) арт-терапия изобразительным творчеством [7]. О мультидисциплинарном характере арт-терапии говорят и направления применения арт-терапии, сфокусированные на эффектах в психофизиологической, социально-поведенческой и других областях. На наш взгляд, перспективным является развитие мультидисциплинарного характера научно-исследовательской работы, как внутри каждого подхода, так и на стыке различных подходов и направлений.

Реализация многообразия подходов к арт-терапии и мультидисциплинарности на международном и национальном уровнях

Изложенные выше принципы арт-терапии и подходы к ней в настоящее время реализуются на международном и национальном уровнях в работе большого количества профессиональных ассоциаций и сообществ арт-терапевтов. Именно на базе данных структур могут разрабатываться арт-терапевтические реабилитационные программы нового поколения, что может быть интересно для специалистов различных специальностей, желающих внести свой вклад в их разработку. Примечательно, что мультидисциплинарная природа арт-терапии занимает одно из основных мест в системах двух крупнейших международных арт-терапевтических организаций, Международной Ассоциации Экспрессивной Арт-терапии (International Expressive Arts Therapy Association, IEATA) и Международного Общества Психопатологии Самовыражения и Арт-терапии (International Society for the Psychopathology of Expression & Art Therapy, SIPE).

Так Международная Ассоциация Экспрессивной Арт-терапии поддерживает художников, педагогов, консультантов и терапевтов, использующих мультимодальные процессы экспрессивных искусств для личного и общественного преобразования. IEATA предоставляет глобальный форум для диалога, продвигает направляющие принципы профессиональной практики, и работает, чтобы повысить признание и использование экспрессивных искусств в качестве мощного инструмента для психологического, физического и духовного здоровья [19]. Целями Международного Общества Психопатологии Самовыражения и Арт-терапии являются установление и поддержание связей между различными специалистами, заинтересованными в объединении самовыражения, творчества и искусства, а также современных национальных и международных исследований в области психиатрии и арт-терапии, психоанализа, психологии и социологии [20].

Таблица 1.

Современные классификации арт-терапевтических подходов

	Вид классификации	Выделяемые единицы классификации арт-терапевтических подходов
1	Основные теоретические подходы [17]	<ol style="list-style-type: none"> 1. психоаналитический 2. клиент-центрированный 3. когнитивный 4. поведенческий 5. гештальт 6. нарративный 7. адлеровский 8. семейный (Системный)
2	Основные теоретические подходы согласно классификации Австралийской Национальной Арт-терапевтической Ассоциации [12]	<ol style="list-style-type: none"> 1. психоаналитический 2. психодинамический 3. юнгианский 4. гуманистический 5. поведенческий 6. системный 7. комплексный
3	Основные теоретические подходы [8]	<ol style="list-style-type: none"> 1. психодинамический 2. трансперсональный 3. гуманистический 4. интегративный
4	Классификация арт терапии Европейского Консорциума Образования Арт-терапевтов (European Consortium for Arts Therapist Education) [13]	<ol style="list-style-type: none"> 1. арт-терапия (изобразительным творчеством) 2. драматерапия 3. танцевально-двигательная терапия 4. музыкальная терапия
5	Иерархическая классификация Лебедевой [7]	<p>Тип: терапия искусством</p> <p>Класс: терапия творчеством (креативная терапия)</p> <p>Подкласс: экспрессивная терапия</p> <p>Семейства:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. терапия творческим самовыражением 2. музыкальная терапия 3. игровая терапия 4. драматерапия 5. сказкотерапия 6. библиотерапия 7. танцевальная терапия 8. телесно-двигательная терапия 9. арт-терапия (изобразительным творчеством) <p>Виды арт-терапии (изобразительным творчеством):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. изотерапия (рисуночная терапия) 2. визуальная (терапия образами) 3. медитативное рисование 4. мультимедийная (интегративная)
6	Направления применения [1]	<ol style="list-style-type: none"> 1. психофизиологическое направление 2. психотерапевтическое направление 3. социально-педагогическое направление 4. психологическое направление
7	Типы воздействия [6]	<ul style="list-style-type: none"> • импрессионная терапия • экспрессивная терапия
8	Формы терапии [6]	<ul style="list-style-type: none"> • индивидуальная • групповая
9	Направленность терапии [6]	<ul style="list-style-type: none"> • симптоматическая • каузальная
10	Продолжительность терапии [6]	<ol style="list-style-type: none"> 1. краткосрочная 2. длительная 3. долговременная

Однако, национальные психотерапевтические организации могут быть сфокусированы на других задачах, и важность мультидисциплинарности, как «двигателя» развития арт-терапии при декларировании ими своих задач, может быть менее заметна.

Российская арт-терапевтическая ассоциация [2] выделяет в качестве основных задач обеспечение граждан объективной информацией об арт-терапии, распространение и контроль области арт-терапии, подготовку арт-терапевтических кадров, интеграцию и развитие арт-терапевтического сообщества в регионах России. Примечательно, что научно-исследовательские задачи включают развитие методологии арт-терапевтических исследований на основе учета междисциплинарной природы арт-терапии.

Европейский консорциум по Арт-терапевтическому образованию (The European Consortium for Arts Therapies Education, ECArTE [13] сфокусирован на укреплении всестороннего взаимодействия в среде арт-терапевтов внутри Европейского Союза, а также международных связях. В задачи этой организации входят: 1. Создание устойчивых связей между странами ЕС в области арт-терапии посредством международного обмена сотрудниками и студентами, 2. Продвижение научных исследований, посвященных арт-терапевтическим практикам в Европе, 3. Расширение возможностей для международных арт-терапевтических образовательных программ, 4. Продвижение признания квалификаций в области арт-терапии на Европейском уровне, 5. Поддержка развития образовательных программ высшего профессионального образования по арт-терапии, 6. Предоставление возможностей профессионального общения на международных конференциях ECArTE.

Стратегический план Американской Арт-терапевтической Ассоциации (American Art Therapy Association AATA (American Art Therapy Association 2011-2016 Strategic Plan [14] на 2011-2016 годы, вкратце, характеризуется сфокусированностью на увеличении профессиональной сети арт-терапевтов по всему миру, развитии профессиональной идентичности арт-терапевта, поддержке уважения к профессии, помощи в построении арт-терапевтической карьеры. Интересным примером философии арт-терапевтического сообщества является обширный список ценностей [15], который декларируется ААТА и включает общественную помощь, социальную справедливость, защиту достоинства, самоуважение, и творческий потенциал для всех людей, а также разнообразие и кросс-культурную инклюзивность (внимание ко всем членам сообщества), высокие этические стандарты, самоконтроль на уровне организации, ее лидеров и каждого арт-терапевта.

Подходы к арт-терапии в реабилитационных программах нового поколения

Как уже неоднократно указывалось в настоящем обзоре принцип мультидисциплинарности имеет ключевое значение для реабилитации и арт-терапии. Очевидно, что основы всякой реабилитационной программы нового поколения, претендующей на повышенную эффективность и большую доступность, следует искать в знаниях, полученных в рамках тесного взаимодействия многих научных дисциплин. Возникает закономерный вопрос, какие мероприятия будут способствовать междисциплинарному взаимодействию? Родионов, обсуждая междисциплинарное взаимодействие по проблеме мозг-психика, предложил построение интерактивного звена [9] для системы наук, решающих данную проблему. В качестве примера процесса построения такого звена малых масштабов может быть приведено последовательное научное взаимодействие Родионова с исследователями-психологами, направленное на получение объективных знаний о психофизиологической природе творческой деятельности. Именно в рамках междисциплинарного диалога 1) были показаны возможности врожденного происхождения ряда звеньев психофизиологических

механизмов, обеспечивающих выполнение творческих задач [11], 2) подтверждена эффективность актерского тренинга на уровне контрастных групп [10], что имеет значение для развития драматерапии, а также впервые показан эффект одной сессии актерского тренинга творческих способностей на мозговую активность [23]. По нашему мнению, это именно та точка научного поиска, где объективное понимание творчества и его использования в терапевтических целях должно начинаться. В частности, полученные данные являются новым уровнем понимания многообразия эффектов арт-терапии. Также были проведены исследования, позволяющие приблизиться к пониманию функциональной организации мишеней для целенаправленного научнообоснованного полиметодического подхода к восстановлению и развитию когнитивных функций, комбинирующего нейрофизиологические и арт-психотерапевтические техники [23].

Заключение

Применение методов терапии искусством в реабилитации требует четкого понимания на какой теоретической базе они основываются, какая психологическая парадигма положена в основу. Без этого невозможно определить мишени терапии и оценить её эффективность. Рассмотрение классификаций зачастую может продвинуть понимание данных вопросов среди медиков и физиологов и способствовать развитию мультидисциплинарных подходов, означающих повышение информированности специалистов из разных областей. Одним из следующих шагов в данном направлении, может быть, представление этих подходов внутри единой, логически построенной глобальной системы реабилитации.

Ограничения обзора

Центральной темой обзора является мультидисциплинарный характер арт-терапии, в значительной степени определяющий ее распространенность и дальнейшее эффективное развитие. Поскольку настоящая обзорная статья задумывалась, как сквозной анализ имеющихся подходов к арт-терапии с кратким, тезисным описанием их многообразия, изложенный материал предполагает самостоятельное углубление читателем в теорию или историю возникновения арт-терапии в целом или отдельных ее направлений. Также в статью не включен обзор практической реализации междисциплинарного взаимодействия, а данный вопрос представлен примером взаимодействия Родионова со специалистами психологами в ходе исследования психофизиологической природы творческой деятельности.

Литература

1. Арт-педагогика и арт-терапия в специальном образовании: Учебник для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений / Е.А. Медведева, И.Ю. Левченко Л.Н. Комиссарова, Т.А. Добровольская. М: Академи, 2001. 248 с.
2. Арт-терапевтическая ассоциация. Задачи. URL: <http://rusata.ru/zadachi>
3. Арт-терапия / Сост. и общая редакция А.И. Копытина. СПб: Питер, 2001. 336 с.
4. Бруно М.Е. Клиническая психотерапия. Изд. 2-е доп. и перераб. М.: Академический проект: деловая книга, 2006. 496 с.
5. Кабанов М.М. Реабилитация психических больных. Л: «Медицина», 1978. 216 с.
6. Копытин А.И., Свистовская Е.Е. Арт-терапия детей и подростков. 2-е стереотип. изд. М.: «Когнито-Центр», 2010. 197 с.
7. Лебедева Л.Ф. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. СПб: Речь, 2008. 256 с.
8. Прунис Н.Е. Арт-терапия. Аспекты трансперсональной психологии. СПб: Речь, 2008. 224 с.

9. Родионов А. Р. О перспективах развития исследований мозга человека на европейском научном пространстве. *Горизонт 2020 // Вестник психофизиологии*, 3, 2013, С. 8-12
10. Родионов А.Р. Спектральная мощность ЭЭГ и внимание при творческой и нетворческой деятельности // *Новости медико-биологических наук*, №2 (Т.7), 2013, С. 102-108
11. Родионов А.Р., Старченко М.Г. Психофизиологические механизмы различных стратегий решения творческих задач актерами и неактерами // *В мире научных открытий*, № 7.1(43), 2013, С. 58-85
12. About art therapy. Australian National Art Therapy Association (ANATA). URL: <http://www.anata.org.au>
13. About The European Consortium for Arts Therapies Education URL: <http://www.ecarte.info/about>
14. American Art Therapy Association 2011-2016 Strategic Plan URL: <http://www.arttherapy.org/upload/5YearStrategicPlan2012.pdf>
15. American Art Therapy Association. Strategic Plan Mission Statement URL: <http://www.arttherapy.org/aata-strategic-plan.html>
16. Delisa J, Currie DM, Martin M. Rehabilitation medicine: past, present and future. In: Delisa J, editor. *Rehabilitation medicine: principles and practice*. 2-nd ed. Philadelphia: Lippincott; 1993, pp. 3–27.
17. Edwards, D. *Art therapy*. London: Sage Publications. 2004. P.345
18. Frequently asked questions: What is art therapy? American Art Therapists Association (AATA). URL: <http://www.arttherapy.org/aboutarttherapy/faqs.htm>
19. International Expressive Arts Therapy Association, IEATA URL: <http://www.ieata.org/>
20. International Society for the Psychopathology of Expression & Art Therapy, SIPE. URL: <http://www.sipe-art-therapy.com>
21. Meyer, T., Gutenbrunner, C., Bickenbach, J., Cieza, A. et al. Towards a conceptual description of rehabilitation as a health strategy. *Journal of Rehabilitation Medicine*, 2011, Vol. 43, pp. 765–769
22. Oxford Dictionary. Oxford University press. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/art-therapy>
23. Rodionov, A., Starchenko, M. How a single session of actors training influences the brain, cognition and creative behavior? // *The A.P.P.A.C. Archives*, 2013, Vol.20, No.3, pp.2-4
24. The European Consortium for Arts Therapies Education. URL: <http://www.ecarte.info>
25. Wade D, de Jong B. Recent advances in rehabilitation. *BMJ*. 2000. pp. 1385–1388
26. What is art therapy? British Association of Art Therapists (BAAT) (2005). URL: http://www.baat.org/art_therapy.html
27. World Bank. 2011. Main report. Vol. 1 of World report on disability. Washington, DC: World Bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2011/01/14440066/world-report-disability>
28. World Health organization expert Committee on Disability Prevention and Rehabilitation. *Disability prevention and rehabilitation. Technical Report Series 668*. Geneva: World Health organization; 1981. 96 p.

CURRENT APPROACHES IN ART THERAPY AND REHABILITATION

Targeted and evidence-based impact on mental processes during rehabilitation and enhancement of cognitive functions is extremely interesting for psychologists and psychotherapists, as well as for brain researchers. Thereby art-therapy - an area where multidisciplinary interaction expected to be initiated by both the psychology, and the brain science. This article provides a review of the main approaches and classifications established in one of the most dynamically developing areas of psychotherapy - art therapy. The central topic of the review is a multidisciplinary nature of art therapy. Multidisciplinary character of foundations of art therapy, in our opinion, is the most important feature. It has to be recognized as an organizing element of the art therapy and used in the creation of new and revision of existing art therapy techniques. In the article an analysis of the basic principles of rehabilitation, different classifications, covering the vast majority of the known approaches and methods of art therapy, as well as an overview of the concept of art therapy are presented. Thus, we showed that interdisciplinary collaboration and multidisciplinary play a key role at all levels of art therapy what is also recognized by the largest international and national art therapy societies. The collected material is proposed to consider, as a starting point in the study of art therapy by non-psychologist when an interdisciplinary and multidisciplinary collaboration is planning.

Keywords: cognitive function, art therapy/

УДК: 159.9

АКТЕРСКАЯ ПРОФЕССИЯ В КОНТЕКСТЕ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА

Шестакова К. Н.

Научно-практический центр «Психосоматическая нормализация»

Россия, Санкт-Петербург

knshestakova@mail.ru

Целью данного исследования было выявление типичных профессионально-трудных ситуаций, встречающихся в актерской профессии. На основании литературного обзора и анализа проведенных ранее исследований обнаружено, что позитивные рабочие состояния могут рассматриваться в качестве факторов выгорания. Выявлено, что такие показатели увлеченности работой, как энергичность и энтузиазм препятствуют выгоранию, а поглощенность деятельностью, напротив, способствует его возникновению. Также выявлена взаимосвязь профессионального выгорания актеров и переживаний кризисов профессиональной деятельности. Результаты данного исследования могут быть применены для психологической помощи представителям актерской профессии, а также для противодействия выгоранию в других профессиональных группах.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, профессионально-трудные ситуации актерской профессии.

Таинственный мир театра притягивает к себе зрителей с давних времен. Приходя в театр перед спектаклем, испытываешь волнение, будто предстоит выходить на сцену. А когда познакомишься с актерами, волнения прибавляется еще больше. Самые потрясающие

моменты наступают в редкие часы, когда удается задержаться в театре после спектакля и побродить по пустому зрительному залу, расстилающемуся красным бархатом. Или по сцене, где уже нет актеров, а вот персонажи остались, запечатлелись, впитались в неровный пол, витали в воздухе. А еще в театре всегда неповторимо пахнет...

Личность актера... Что это? Можно ли применить к ней общечеловеческие законы жизни, развития. Это такая тонкая материя, возможно, неприспособленная к обычной жизни. Актер должен быть нестабильным, вне равновесия, тонко чувствовать природу, людей. А с другой стороны, лишь имея сильное, четко очерченное нутро можно постигать новые горизонты актерского пространства, воплощать желаемые и развивающие роли.

При поступлении в театральные вузы педагоги требуют гибкости во всех смыслах, подвижности психики. Ежегодно на профессиональную арену выходят тысячи выпускников театральных вузов. Данный сектор на рынке труда переполнен. И с каждым годом он пополняется все больше. В этом случае очевидной становится не социальная востребованность в профессионалах такого класса, а скорее личностная субъектная востребованность. На этапе выбора профессии абитуриенты руководствуются весьма разными факторами. Осваивать актерскую профессию, по их же словам, нужно в том случае, если ничем другим заниматься не можете.

По роду деятельности актер вынужден сталкиваться со множеством спонтанных ситуаций, регулярно пребывать в состоянии внимания. По итогам опроса актеров было выявлено, что начинающим трудно поверить в предлагаемые обстоятельства, поскольку не хватает опыта, часто обстоятельства бывают правдоподобными. Тратить энергии столько, сколько нужно для роли. Само перевоплощение в персонаж истощает, высасывает соки колоссально. Поначалу в себе не видишь требуемые качества, которые, возможно, видит режиссер. Давление на личность тяжело переносить, иногда оно неоправданно, когда режиссер не в духе. Необходимо иметь устойчивую нервную систему, долю выдержки, быть готовым к последствиям перевоплощения. Актеры сталкиваются со множеством трудных ситуаций, которые заключены в своеобразном устройстве каждого театра, специфических отношениях с режиссером [10].

По словам актеров, им трудно удержаться в профессии, не потерять к ней интерес. Для более опытных актеров трудным представляется умение включаться в процесс, не поверхностно бежать, а раскрываться в процессе. Невозможность, когда много в себе чувствуешь (есть комплексы, зажимы), выразить то, что хочешь. Любой спектакль, любой автор – это испытание, своеобразный крест, который несешь. Трудности от одежды и грима до внутреннего произрастания роли, в понимании самой сути актерского мастерства.

В связи с тем, что в настоящее время в театре главной стала форма, а не содержание, значение актера в театральном процессе снижается, к нему меньше требований. Теперь обслуживают не артиста, а форму творческого замысла режиссера, который зачастую идет на поводу у непонимающей публики. Снижается уровень притязаний к творческому материалу. Тратится очень много энергии на людей, которые не заинтересованы, не включены в процесс («когда люди не здесь»). Когда партнер путает текст, говорит ни к селу, ни к городу. Иногда приходится иметь заготовки, пути решения. Сложно работать с режиссерами, у каждого свой подход, могут быть творческие разногласия, как с режиссером, так и с партнерами по сцене.

Данные трудности профессии могут переживаться потерей интереса, внутренней борьбой, сопротивлением, принужденностью, эмоциональной нестабильностью. Актеры по-разному справляются с этими процессами. Более молодые выбирают крайние

варианты: либо плывут по течению, выполняя задачу режиссера, либо меняют место работы. Также помогает самоанализ, рефлексивные доводы такие, например, как выполнение всех профессиональных задач, сохраняя при этом личностную независимость [10].

Проблема кризисных актеров в том, что они ничего больше не умели делать. Безусловно, актерская профессия требует отдачи, но необходимо овладеть ремеслом, чтобы в случае чего не оказаться на улице. Или свою профессию направлять в то русло, чтобы отдельные компоненты могли бы существовать как самостоятельная профессия, самостоятельное занятие, с помощью которого можно прожить, например, вокал, фотография [11].

Длительный профессиональный стресс, восприимчивость к эмоциональным воздействиям, трудности освоения профессиональной деятельности, кризисный опыт даже весьма успешных представителей профессии, - все это создает предпосылки развития профессионального выгорания у актеров. Постепенно истощается творческий ресурс актера, необходимо постоянно искать новое в себе, иначе можно стать жертвой собственных штампов.

Проведенное в 2008-2012 гг. исследование в рамках диссертационной работы посвящено феномену профессионального выгорания актеров. В ходе исследования проанализированы накопленные знания о профессиональном выгорании в разных профессиональных группах, а также дополнены факторами риска профессионального выгорания актеров с точки зрения психологического и театроведческого подходов.

Многочисленные исследования факторов, обуславливающих выгорание, не дали ответа на вопрос о том, что является ключевым в возникновении этого явления. Исследователи выделяют личностные, организационные и статусно-ролевые детерминанты процессов выгорания [1,2,3,8,12]. Социально-психологические и стрессогенные условия профессиональной деятельности оказывают существенное влияние на формирование выгорания как интегративного качества субъекта деятельности. Несмотря на то, что внешние социальные механизмы оказывают значительное влияние на состояние и деятельность профессионала, ведущую роль в развитии этого процесса принадлежит внутренним регуляторам, связанным с активностью и особенностями личности профессионала. Поэтому изучение индивидуально-психологических особенностей личности профессионала в контексте развития и преодоления представляется наиболее важной областью исследования, данного феномен [4,5,6,7]. Этим обусловлена тема диссертационного исследования, в качестве индивидуально-психологических факторов рассмотрены привлекательность профессии и увлеченность работой (мотивационный компонент профессиональной деятельности), стрессогенность профессионально-трудных ситуаций и переживания профессиональных кризисов (как субъективные репрезентации стрессовых ситуаций и кризисов в профессиональной деятельности).

В ходе пилотажного исследования определены профессионально-трудные ситуации в работе актеров драматического театра, представляющие риск профессионального выгорания. В эмпирической части исследования описаны индивидуально - психологические факторы профессионального выгорания актеров.

В имеющихся на сегодняшний день научных публикациях по проблеме выгорания описаны возрастные, а также нормативные и ненормативные кризисы профессиональной деятельности, как возможные риски его развития. При этом следует отметить ограниченность арсенала методик для диагностики кризисных переживаний в профессиональной деятельности. Перспективным направлением для исследования

профессиональных кризисов как факторов профессионального выгорания является разработка надёжного и валидного инструментария для диагностики напряженности кризисов. Представленные в рамках исследования анкеты могут являться основой дальнейшей разработки диагностического инструментария для оценки степени напряженности профессиональных кризисов.

В исследовании получены эмпирические доказательства неоднозначности связи профессионального выгорания и увлеченности работой. Данные явления могут быть представлены в качестве не столько полярных, сколько взаимодополняющих, отражающих диспозиционные и ситуативные переменные, характеризующие адаптированность и удовлетворенность самореализацией в профессии. Об этом свидетельствует положительный вклад поглощенности деятельностью (параметр увлеченности работой) в профессиональное выгорание актеров [1].

По результатам проведённого эмпирического исследования профессионального выгорания были рассмотрены позитивные и негативные факторы, оказывающие влияние на профессиональное выгорание актёров. Выявлено, что такие индивидуально-психологические детерминанты, как активная жизненная и профессиональная позиция и ориентация на профессиональный успех служат профилактикой выгорания в актерской профессии [1]. Данные результаты позволяют сформулировать ряд практических рекомендаций по совладанию со стрессом в профессиональной деятельности и преодолению выгорания актеров:

1. Для противодействия профессиональному выгоранию одним из возможных вариантов преодоления трудностей в профессии актера является введение психолога в штат театра для сопровождения субъектов труда от момента входа до их выхода из профессии, а также для участия в разработке, проведении и коррекции программ обучения. В его функции входит помощь в следующих аспектах профессионализации и самореализации:

1.1. Программы обучения актёров должны включать дисциплины, повышающие психологическую компетентность с целью преодоления профессионально-трудных ситуаций, в том числе, и коммуникативного характера: стресс-менеджмент, конфликтология. Дополнительным вариантом для повышения навыков рефлексии и освоения практики применения копинг-стратегий для профилактики выгорания является разработка и проведение для студентов и молодых актеров тренинга «анти-выгорания», включающего блок коммуникативной компетентности, телесно-ориентированной терапии, релаксации и обучения способам мобилизации и восстановления сил.

1.2. Следует оказывать дополнительную поддержку актёрам в период кризиса их профессиональной карьеры, сопровождающийся повышенным эмоциональным истощением. В период угасания профессиональной карьеры и в ситуации перехода на возрастные роли помощь психолога должна заключаться в поиске иных путей самореализации, в сфере наставничества и театральной педагогики.

1.3. С целью профилактики поглощенности деятельностью необходимо консультирование в ситуации излишней сфокусированности актера на своей профессии, что может быть реализовано путём обучения навыкам тайм-менеджмента, более бережному отношению к внерепетиционному времени.

1.4. Для профилактики кризиса бесперспективности в профессии эффективным методом является выстраивание профессиональной программы, составление списка желаемых ролей, пути и возможности их реализации, обучение проактивному совладанию с профессионально-трудными ситуациями. Формирование «карты

профессиональной карьеры» является эффективным импульсом для активизации внутренних ресурсов на пути профессионального роста

2. Индивидуальные рекомендации актерам для преодоления чувства невостребованности, нереализованности в профессии заключаются в активном самостоятельном включении в работу над ролью, поиске собственных сценических разнообразных решений (в случае партнерской работы с режиссером и художественным руководителем театра), показе самостоятельных работ вне репертуара театра, активном участии в «капустниках», приуроченных к праздничным событиям.

3. Организационные рекомендации руководству театральных вузов заключаются в проведении встреч с успешными актерами и мастер-классов для ориентации студентов на содержательные аспекты профессии такие, как необходимый контакт со зрительным залом, профессиональные коммуникации, процесс перевоплощения, возможности самореализации. Именно эти составляющие профессиональной деятельности являются наиболее привлекательными для старшего поколения актеров и, как было установлено в исследовании, являются барьером для развития выгорания.

4. Для повышения социальной ответственности театров и обеспечения психологической безопасности от административного произвола, внепрофессиональных манипуляций режиссерами рекомендуется формирование общественной организации - актерского «профсоюза». Данная мера позволит уменьшить ощущение зависимости в профессии, пресечь нарушение интимно-личностных границ в работе с режиссером.

Проведенное в диссертационной работе исследование подчеркивает необходимость дальнейшего изучения специфики профессионального выгорания в творческих профессиях, а также важность разработки механизмов превенции выгорания как в рамках индивидуально-психологической работы, так и группового взаимодействия.

Важной представляется также задача поддержки драматического театра как важного социокультурного института, формирующего общественные, морально-нравственные, этические и эстетические ценности. Ограничение данной сферы типом профессии «человек-художественный образ» не предполагает решения многочисленных проблем коммуникативного характера в ходе работы актера над ролью и создания режиссером спектакля. Перспективным является рассмотрение профессии актера в системе «человек-художественный образ - человек – организация - общество», что предполагается в дальнейшем исследовании данной проблемы.

Литература

1. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информац. Издт. дом Фелин, 1996.
2. Борисова М.В., Ансимова Н.П. Основные направления профилактики и коррекции профессионального выгорания // Ярославский педагогический вестник – 2011 – № 2 – Том II (Психолого-педагогические науки), с. 212 – 215.
3. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. – СПб.: Питер. 2008. – 336с.
4. Дикая Л.Г. Социальная психология труда: Теория и практика. Том 1-М.: Изд-во «Институт психологии РАН» (Труды Института психологии РАН), 2010. - 488 с.
5. Доценко О.Н., Обознов А.А. Эмоциональная направленность личности как фактор выгорания и удовлетворенности профессиональной деятельностью // Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий: коллективная монография.-Курск. Гос.ун-т. –Курск, 2008.- 336 с.
6. Каримова А.Р. Особенности коммуникативных качеств личности и их взаимосвязь с эмоциональным выгоранием учителя: Дис. ...канд.психол.наук. Казань, 2003.

7. Курапова И.А. Нравственно-ценностная регуляция эмоционального выгорания в профессиональной деятельности (на примере педагогов средней и высшей школы): Дис. ...канд.психол.наук. М., 2009.ы Института психологии РАН), 2010. - 488 с.
8. Орел В.Е. Синдром психического выгорания личности. - М.: Институт психологии РАН, 2005.
9. Шестакова К.Н. Факторы профессионального выгорания актеров // Психологические исследования. Т. 5, № 25. С. 7. <http://psystudy.ru>
10. Шестакова К.Н. Исследование профессионально-трудных ситуаций актерской профессии // Современные исследования социальных проблем». «Материалы Общероссийской конференции».
11. Шестакова К.Н. «К проблеме профессиональных кризисов актеров» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук №11(34) ноябрь 2011.
12. Asquith, Glenn H. Jr. The Concise Dictionary of Pastoral Care and Counseling. – Abingdon Press, 2010. – P. 328.

ACTING PROFESSION IN THE CONTEXT OF SITUATIONAL APPROACH

The aim of this research was to identify the typical vocational difficult situations encountered in the acting profession. Based on the literature review and analysis of previous studies was found that positive working conditions can be considered as factors of burnout. It is revealed that such indicators of work engagement as vigor and enthusiasm interfere with burnout, and the preoccupation activity, on the contrary, promotes its emergence. Also revealed the relationship of professional burnout actors and experiences crises of professional activity. The results of this research can be applied to a psychological assistance to representatives of an actor's profession, and also to counteraction to burnout in other professional groups.

Keywords: professional burnout, difficult situations of actor's profession.

УДК 37+159.9+7.01

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Тимушкова Г.В.

*Россия, Санкт-Петербург, ГБПОУ СПб «Малоохтинский колледж»
timushkova2014@yandex.ru*

В статье рассматривается вопрос о творческом отношении к педагогической деятельности, что связано в быстро меняющимися политико-социальными условиями жизни обучающихся в колледже.

Ключевые слова: колледж, обучающийся, личностные характеристики, педагогический процесс, творческий подход

В настоящее время уделяется большое внимание эффективной деятельности педагога. Особенная трудность наблюдается при обучении подростков, находящихся в кризисном возрасте (16-18 лет). Образование в колледже на сегодняшний момент является достаточно стрессогенным для обучающего специалиста, что опосредовано пониженной мотивацией со стороны обучающегося.

Таким образом, необходимо отметить, что нестандартный, творческий подход к методикам обучения в колледже должен приобрести небывалую остроту.

Но так же необходимо понимать, какие стороны обучающихся нуждаются в усиленном внимании и корректировки и со стороны педагога и со стороны психолога.

Работая в системе среднего профессионального образования 24 года, я провела сравнительный анализ некоторых личностных характеристик обучающихся в 1990 году, 2005 году и 2014 году.

Материалом следования служили мальчики, 16-18 лет, члены одной группы обучения, 1990 год – 30 человек, 2005 год – 30 человек, 2014 год – 25 человек. Мальчики были здоровы, острых стрессов не наблюдалось, режим жизни не менялся.

Необходимо отметить следующее. В 1990 году 30 человек, обучающихся в группе, были зачислены через конкурсный отбор и прохождение экзаменационного опроса. В 2005 – конкурсного отбора уже не было, зачисление проводилось посредством итогов тестирования. В 2014 году – зачисление проводилось без конкурса, и группа была набрана не полностью.

Научным методом познания было выбрано наблюдение, помимо описательных отчетов показатели оцифровывались: за 1 принималось оптимальное значение исследуемого параметра, за 0 – трудность в проявлении характеристики, -1 – присваивалось показателю в том случае, если он считался негативным проявлением признака.

Сравнительные характеристики всей выборки представлены в таблице.

Таблица.

Сравнение личностных характеристик обучающихся в структуре среднего профессионального образования в 1990, 2005 и 2014 годах (средние показатели по группе).

Исследуемая характеристика	1990 год	2005 год	2014 год
Воспитанность, знание правил этикета	<p>Ведут себя сдержано, демонстрируют подчиненность правилам внутреннего распорядка, нет раскованности в поведении, общения «на равных». Знают и выполняют правила этикета. Более зажаты и дисциплинированы.</p> <p><u>Оценка:</u> Воспитанность – +0,75±0,3 отн. единицы Знание правил этикета – + 0.67±0,2 отн. единицы</p>	<p>Годы обучения этих мальчиков пришлось на посткризисные годы. Их характеристики приближены к личностным характеристикам обучающихся в 2014 году. Но криминальная обстановка в эти годы заставляет из выдвигать «поведенческие защиты» в форма немного повышенной агрессии, особенно среди неблагополучных учеников</p> <p><u>Оценка:</u> Воспитанность – +0,52±0,4 отн. единицы Знание правил этикета – + 0.42±0,7 отн. единицы</p>	<p>Несмотря на информационную вседозволенность и возможность получения информации из разных и доступных каналов молодые люди этой группы фактически не знают правил этикета. В основе этого лежит неинформированность, которую необходимо доводить до этой аудитории целенаправленно. Молодые люди достаточно активны, легко идут на контакт и доброжелательны. Ведут себя свободно с преподавателем, демонстрируют «равность положения» в обучающей организации.</p> <p><u>Оценка:</u> Воспитанность – +0,47±0,2 отн. единицы Знание правил этикета – + 0.2±0,6 отн. Единицы</p>

Авторитарность	Демонстрация полного подчинение формальным лидерам <u>Оценка:</u> <i>Авторитарность – +0,91±0,1 отн. единицы</i>	Демонстрация полного подчинение формальным лидерам <u>Оценка:</u> <i>Авторитарность – +0,82±0,2 отн. единицы</i>	Демонстрация свободы и независимости <u>Оценка:</u> <i>Авторитарность – +0,32±0,5 отн. единицы</i>
Сплоченность группы	Группа сплочена достаточно сильно <u>Оценка:</u> <i>Сплоченность группы – +0,92±0,5 отн. единицы</i>		Индивидуализм каждого члена группы преобладает, группа разбивается на малые группы по 2-3 человека во главе каждой стоит неформальный лидер <u>Оценка:</u> <i>Сплоченность группы – +0,92±0,5 отн. единицы</i>
Мотивация к обучению	<u>Оценка:</u> <i>Мотивация к обучению – +0,74±0,3 отн. единицы</i>	<u>Оценка:</u> <i>Мотивация к обучению – +0,70±0,2 отн. единицы</i>	<u>Оценка:</u> <i>Мотивация к обучению – +0,54±0,4 отн. единицы</i>
Время формирования профессиональных компетенций	Высокая мотивация дает возможность сократить время формирования компетенций <u>Оценка:</u> <i>Время формирования профессиональных компетенций – +0,82±0,3 отн. единицы</i>	<u>Оценка:</u> <i>Время формирования профессиональных компетенций – +0,52±0,5 отн. единицы</i>	<u>Оценка:</u> <i>Время формирования профессиональных компетенций – +0,32±0,4 отн. единицы</i>
Скорость реакции	Скорость реакции соответствует норме, но ниже, чем у обучающихся в 2014 году. Это, вероятно, связано с менее быстрым темпом повседневной жизни и уменьшенным получением информации <u>Оценка:</u> <i>Скорость реакции – +0,79±0,3 отн. единицы</i>	Скорость реакции соответствует норме, но ниже, чем у обучающихся в 2014 году. Это, вероятно, связано с менее быстрым темпом повседневной жизни и уменьшенным получением информации <u>Оценка:</u> <i>Скорость реакции – +0,73±0,6 отн. единицы</i>	Скорость реакции достаточно быстрая <u>Оценка:</u> <i>Скорость реакции – +0,86±0,2 отн. единицы</i>
Внимание	Психофизиологические характеристики оптимальны <u>Оценка:</u> <i>Внимание – +0,89±0,5 отн. единицы</i>	Психофизиологические характеристики находятся в состоянии небольшого напряжения. Вероятно, это связано с кризисными процессами в обществе <u>Оценка:</u> <i>Внимание – +0,59±0,8 отн. единицы</i>	Психофизиологические характеристики находятся в состоянии напряжения. <u>Оценка:</u> <i>Внимание – +0,46±0,9 отн. единицы</i>
Память	<u>Оценка:</u> <i>Внимание – +0,91±0,7 отн. единицы</i>	<u>Оценка:</u> <i>Внимание – +0,70±0,3 отн. единицы</i>	Кратковременная память хуже, чем у обучающихся в 1990 и 2005 году <u>Оценка:</u> <i>Внимание – +0,53±0,6 отн. единицы</i>

Таким образом, современному педагогу необходимо понимать специфику развития и формирования личности. Понимание этого и индивидуально-личностный подход к каждому обучающемуся позволит более эффективно проводить занятия в классе. Творческая составляющая профессии преподавателя сегодня должна выходить на первое место, так как изменение окружающей политико-социальной среды, несомненно, влияющая на личность ученика, в свою очередь должна менять педагогические подходы и образовательные стандарты, внося в них творческий, более широкий взгляд на педагогический процесс.

Литература.

1. Булгаков А.Б., Булгакова О.С. Особенности психофизиологии в высшей школе // Журнал “Успехи современного естествознания”, №3, 2009г. С.29-33
2. Викулин А.С. К вопросу об адаптационных возможностях студентов СУЗов в мегаполисе // Вестник психофизиологии. №1. 2002. С.58.
3. Конышева Д.И., Булгакова О.С. Личностные характеристики и вегетативный баланс у первокурсников// «Вестник психофизиологии» №3. 2013. С.17-25.
4. Ружейникова Л.А. Новый взгляд на обучающегося – профессионализма педагога // «Вестник психофизиологии» №1. 2014. С.65-70.

PEDAGOGICAL ACTIVITY AS A CREATIVE PROCESS: TO THE PROBLEM STATEMENT

The article discusses the creative attitude to teaching, which is connected in a rapidly changing political and social conditions of students in the College.
Keywords: College, student, personal characteristics, pedagogical process, creativity

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 612.821.2

ВЛИЯНИЕ ЦВЕТА НА ТВОРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАЗНЫХ ГРУППАХ ИСПЫТУЕМЫХ.

*Бойцова Ю.А., Старченко М.Г.
Россия, Санкт-Петербург
Институт мозга человека им. Н.П. Бехтеревой РАН
Boytsova.ihb@gmail.com*

В литературе достаточно широко дискутируется вопрос о влиянии цветовой стимуляции на эффективность выполнения различных когнитивных заданий. Считается, что красный цвет активизирует реакцию избегания и способствует выполнению тестов на внимание; тогда как синий цвет мотивирует поиск разных подходов к решению задачи и улучшает решение творческих тестов [3]. Также показано, что цветовая стимуляция и при отсутствии когнитивных нагрузок существенно изменяет активность мозга испытуемых, в частности приводит к изменениям спектральных характеристик ЭЭГ [5, 7].

В литературе в основном рассматривается влияние на когнитивную деятельность

трех цветов - красный, зеленый, синий. Однако, при выборе цвета, оптимально улучшающего решение творческих задач, вероятно, не стоит ограничиваться только этими цветами. Мы предполагаем, что предоставить испытуемым возможность ситуативно выбрать цвет, облегчающий или затрудняющий творческую деятельность, может оказаться более эффективным. Также мы предполагаем, что влияние цвета на творческую деятельность может зависеть от уровня развития креативности испытуемых.

В данной работе была предпринята попытка исследовать изменения спектральной мощности ЭЭГ во время выполнения творческих заданий на разном цветовом фоне. Испытуемые выбирали цвет, субъективно улучшающий и затрудняющий творческий процесс из восьми цветов классического теста Люшера. На основе результатов теста Торренса, испытуемые были отнесены к группе высококреативных испытуемых (ВК) - 32 человека, или к группе низкокреативных испытуемых (НК) – 40 человек. Обе группы включали в себя приблизительно равное количество мужчин и женщин, в возрасте 20 – 35 лет.

Регистрация ЭЭГ проводилась в следующих тестовых условиях: во время выполнения творческого задания на белом фоне (Тв), на фоне цвета субъективно облегчающего (ТвП) или затрудняющего творческий процесс (ТвН). Выбранные цвета демонстрировались на мониторе компьютера, а на их фоне предъявлялись творческие задания. Стимулами в творческих заданиях служили слова-существительные. На экране компьютера слова появлялись последовательно, парами. Волонтеру нужно было связать появляющиеся на экране пары слов в предложения, при этом все пары должны были быть связаны между собой по смыслу (придумывание рассказа на ходу). После выполнения творческих заданий испытуемые оценивали субъективную сложность выполнения задания по шкале от 0 (сложность минимальная) до 10 (сложность максимальная). Также испытуемые оценивали эффективность влияния выбранного цвета на выполнение творческих заданий по 3-х бальной шкале (0 – цвет не влиял, +1 – цвет помогал, -1 – цвет мешал).

Для отведения ЭЭГ использовались 19 электродов (международная система 10-20) с размещением объединенных референтных электродов на мочках ушей. Запись осуществлялась монополярно в полосе пропускания 0-120Гц посредством компьютерного электроэнцефалографа «Мицар-ЭЭГ» с частотой дискретизации 500Гц. Расчет количественных характеристик ЭЭГ производился средствами программного пакета WinEEG (производства ООО «Мицар», Санкт-Петербург). Для удаления артефактов моргания использовался метод подавления сигналов электроокулограммы, основанный на разложении многоканальной записи ЭЭГ на компоненты. При обработке записей использовался режекторный фильтр, настроенный на частоту 50Гц, с полосой подавления 0,1Гц. Спектры мощности ЭЭГ усреднялись для каждого экспериментального условия в следующих диапазонах: δ (1,5-4Гц), θ (4-7Гц), $\alpha 1$ (7-10Гц), $\alpha 2$ (10-13Гц), $\beta 1$ (13-18Гц), $\beta 2$ (18-30Гц), $\gamma 1$ (30-45Гц), $\gamma 2$ (55-70Гц), $\gamma 3$ (70-115Гц) и сравнивались при помощи t-статистики.

Статистическое сравнение субъективных оценок сложности выполнения творческих заданий на разном цветовом фоне (Wilcoxon Matched Pairs Test) не выявило достоверных различий между заданиями внутри каждой из групп испытуемых. Субъективные оценки эффективности влияния цвета на выполнение творческих заданий показали, что в группе ВК и в группе НК, в задании Тв белый цвет в основном не влиял на творческий процесс. В группе ВК, в заданиях ТвП и ТвН выбранный цвет либо помогал, либо не влиял на творческий процесс для большей части испытуемых. В группе НК, в заданиях ТвП и ТвН выбранный цвет либо не влиял, либо мешал творческой

деятельности, также для большей части испытуемых. Показано, что в группе НК спектры мощности ЭЭГ значимо не различаются во время выполнения творческих заданий на разном цветовом фоне. В группе ВК достоверные ($0,05 < p < 0,005$) различия в показателях спектральной мощности выявлялись между заданиями ТвП-ТвН и заданиями ТвН-Тв. В сравнении ТвП-ТвН, задание ТвП отличается меньшими значениями спектральной мощности в дельта диапазоне в задних отделах правого полушария (отведения Pz, T6, O2). Также задание ТвП характеризуется меньшими значениями спектральной мощности в бета1 диапазоне в правой задне-височной области (Т6) и меньшими значениями мощности в бета2 диапазоне в левой задне-височной зоне (Т5). В сравнении заданий ТвН-Тв, задание ТвН отличается большими значениями спектральной мощности в дельта диапазоне в правой задне-височной области (Т6).

Таким образом, в группе НК выбранные цвета по самоотчетам испытуемых во всех заданиях преимущественно не влияли на творческую деятельность. В группе НК также не обнаружено достоверных изменений мощности ЭЭГ при выполнении заданий. В группе ВК, в заданиях ТвП и ТвН, выбранные цвета, напротив, субъективно помогали творческому процессу для большей части испытуемых. И в этой группе обнаружены статистически значимые изменения спектральной мощности ЭЭГ в сравнениях: ТвН-Тв и ТвП-ТвН.

К сожалению, обнаруженные изменения мощности ЭЭГ невозможно сопоставить с литературными данными о влиянии цвета на мозговую деятельность, т.к. в литературе аналогичные исследования проводились при использовании в основном только зеленого, синего и красного цвета [3]. Также полученные результаты сложно сопоставить с литературными данными о мозговом обеспечении творчества, поскольку здесь основное внимание уделяется альфа ритму ЭЭГ [1]. Обнаруженные изменения мощности ЭЭГ в группе ВК преимущественно отмечаются в задних отделах правого полушария, и этот факт в какой-то мере соотносится с литературными данными об исключительной роли правого полушария в обеспечении творческой деятельности [4, 2]. В литературе влияние цветовой стимуляции в основном рассматривается в терминах увеличения или уменьшения уровня активации (arousal level) [5, 7], а при исследовании мозговых коррелят творческой деятельности также большое внимание уделяется уровню активации коры. Поэтому полученные данные мы также рассматриваем как результат изменения оптимального уровня активации. В работах зарубежных исследователей [6] показано, что дополнительная цветовая стимуляция улучшает выполнение тестов на внимание гиперактивными детьми, тогда как выполнение тестов здоровыми детьми, наоборот, снижается. Авторы объясняют свои результаты в свете теории оптимальной стимуляции. Опираясь на эти данные можно предположить, что в нашем случае для испытуемых из группы ВК цвет являлся необходимым, дополнительным стимулом, приводящим к оптимальному уровню активации и запускающим творческие процессы. Но для испытуемых в группе НК, данный фактор воспринимался как избыточная, запредельная стимуляция, которая не способствовала творческой деятельности, а, возможно, даже мешала ей.

Литература

1. Fink A., Benedek M. EEG alpha power and creative ideation // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2014. V.44. P. 111-123.
2. Howard-Jones P. A. et al. Semantic divergence and creative story generation: An fMRI investigation // *Cognitive Brain Research*. 2005. V. 25. P. 240–250.
3. Mehta R., Zhu R. Blue or red? Exploring the effect of color on cognitive task performances // *Science*. 2009. V. 323. P. 1226-1229.

4. Razoumnikova O. M. Functional organization of different brain areas during convergent and divergent thinking: An EEG investigation // *Cognitive Brain Research*. 2000. V. 10. P. 11–18.
5. Yoto A. et al. Effects of Object Color Stimuli on Human Brain Activities in Perception and Attention Referred to EEG Alpha Band Response // *J. Physiol Anthropol*. 2007. V. 26. P. 373–379.
6. Zentall S.S., Falkenberg S.D., Smith L.B. Effects of color stimulation and information on the copying performance of attention-problem adolescents // *J. Abnorm Child Psychol*. 1985. V. 13. N. 4. P. 501-511.
7. Zhang H., Tang Z. To judge what color the subject watched by color effect on brain activity // *International Journal of Computer Science and Network Security*. 2011. V. 11. N 2. P. 80-83.

УДК 612.821.2

**ЭЭГ-КОРРЕЛЯТЫ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГРУППАХ
ВЫСОКО- И НИЗКОКРЕАТИВНЫХ ИСПЫТУЕМЫХ.**

*Старченко М.Г., Бойцова Ю.А.
Россия, Санкт-Петербург
Институт мозга человека им. Н.П. Бехтеревой РАН
magris@mail.ru*

Креативность можно определить, как способность индивида порождать новые, необычные идеи, отклоняться в мышлении от стереотипов и традиционных схем, быстро разрешать проблемные ситуации. Данных о нейрофизиологических коррелятах креативности у лиц с разным уровнем развития творческих способностей к настоящему моменту немного и они имеют противоречивый характер.

Целью данной работы было исследование ЭЭГ-коррелят творческой деятельности у лиц с разным уровнем развития креативности. В исследовании приняли участие 72 человека, которые были поделены на основании результатов теста Торренса на высококреативных – 32 человека, и низкокреативных – 40 человек. Обе группы включали в себя приблизительно равное количество праворуких мужчин и женщин в возрасте 20 – 35 лет.

Регистрация ЭЭГ проводилась в следующих тестовых условиях: в фоновых состояниях (глаза открыты (ГО) и глаза закрыты), во время выполнения творческого задания (Тв), во время выполнения контрольного задания (К). Стимулами во всех заданиях служили пары слов-существительных, сбалансированных по длине, частотности и степени абстрактности. В творческом задании волонтеру нужно было связать появляющиеся на экране пары слов из разных семантических полей в предложения, при этом все придуманные предложения должны были быть связаны между собой по смыслу (придумывание рассказа на ходу). В контрольном задании одно из слов представляло собой общую категорию, а второе – конкретный предмет из этой общей категории и от волонтера требовалось дать развернутое определение конкретного предмета, используя общую категорию.

При регистрации ЭЭГ использовались 19 электродов (международная система 10-20) с размещением объединенных референтных электродов на мочках ушей. Запись

осуществлялась монополярно в полосе пропускания 0-120Гц посредством компьютерного электроэнцефалографа «Мицар-ЭЭГ» с частотой дискретизации 500Гц. Расчет количественных характеристик ЭЭГ производился средствами программного пакета WinEEG (производства ООО «Мицар», Санкт-Петербург). Для удаления артефактов моргания использовался метод подавления сигналов электроокулограммы, основанный на разложении многоканальной записи ЭЭГ на компоненты. При обработке записей использовался режекторный фильтр, настроенный на частоту 50Гц, с полосой подавления 0,1Гц. С целью исключить мышечные артефакты в височных отведениях, перед расчётом спектров мощности была вырезана полоса 45-55 Гц. Спектры мощности ЭЭГ усреднялись для каждого экспериментального условия в следующих диапазонах: δ (1,5-4Гц), θ (4-7Гц), $\alpha 1$ (7-10Гц), $\alpha 2$ (10-13Гц), $\beta 1$ (13-18Гц), $\beta 2$ (18-30Гц), $\gamma 1$ (30-45Гц), $\gamma 2$ (55-70Гц), $\gamma 3$ (70-115Гц) и сравнивались при помощи t-статистики.

У группы высококреативных испытуемых в контрасте Тв-ГО наблюдалось снижение мощности ЭЭГ в альфа 2 диапазоне в отведениях F3, C4, P3, повышение мощности в бета 1,2 диапазонах в T3, T5, T6 и генерализованное повышение мощности в гамма 1,2,3 диапазонах. Группа низкокреативных испытуемых продемонстрировала в этом же контрасте снижение мощности в альфа 2 диапазоне в Fz, C3, C4, P3, Pz, в бета 1 диапазоне снижение мощности в Fz и повышение мощности в F8, в бета 2 диапазоне повышение мощности в F8, T4, T6, O2 и генерализованное повышение мощности в гамма 1,2,3 диапазонах.

В контрасте Тв-К у высококреативных испытуемых наблюдалось повышение мощности в бета 2 и гамма 1,2,3 диапазонах в отведениях T3, C4, в то время как у низкокреативных – снижение мощности в тета, альфа1,2, бета 1,2, гамма 1,2,3 в Fp1 и F4.

Немногочисленная литература, посвященная мозговому обеспечению творческой деятельности у лиц с разным уровнем развития творческих способностей, носит достаточно противоречивый характер. Одни исследователи связывают высокий уровень креативности с увеличением активности в альфа диапазоне [2; 6], в то время как другие отмечают важность бета и тета ритмов [1; 4]. С точки зрения локализации, исследователи отмечают у высококреативных испытуемых усиление активации в префронтальных отделах коры билатерально [5; 7].

При анализе наших данных в контрастах Тв-ГО, Тв-К наблюдается различие в зонах локализации эффектов, а также разнонаправленные изменения мощности ЭЭГ, что может свидетельствовать об изначально разном функциональном состоянии коры мозга у высоко и низкокреативных испытуемых, что при выполнении творческой деятельности может оказывать влияние на ее успешность. Ранее в наших исследованиях мозговой организации творческой деятельности в группах актеров и не-актеров данное предположение нашло свое подтверждение [3]. Наши данные демонстрируют важность для последующих исследований креативности гамма диапазона выше 40 Гц, а также включение в области интереса, помимо префронтальной, также центрально-височно-теменные.

В целом, можно говорить о том, что мозговое обеспечение творческой деятельности у людей с высоким и низким уровнем развития творческих способностей различно.

Литература

1. Вольф Н.В., Тарасова И.В. Половые различия корковой активности мозга при творческой деятельности // Физиология человека. 2010. Т.36. №2. С.15–22.

2. Разумникова О. М., Тарасова И.В., Вольф Н.В. Особенности активации коры у лиц с высокой и низкой вербальной креативностью: анализ альфа 1,2 ритмов // Журнал высшей нервной деятельности. 2009. Т.59. №5. С. 581–586
3. Родионов А.Р., Старченко М.Г. Топографические характеристики ЭЭГ при использовании равномерной и импульсной стратегий решения творческих задач актерами и не актёрами // Вестник психофизиологии. 2013. Т. 1. С. 30-37
4. Тарасова И.В., Вольф Н.В., Разумникова О. М. Особенности корковых взаимодействий у лиц с высокой и низкой вербальной креативностью // Физиология человека. 2010. Т.36. №1. С. 93-99.
5. Carlsson I., Wendt P.E., Risberg J. On the neurobiology of creativity. Differences in frontal activity between high and low creative subjects // Neuropsychologia. 2000. V. 38. №.6. P. 873-85.
6. Martindale C., Hines D. Creativity and cortical activation during creative, intellectual and EEG feedback tasks // Biol Psychol. 1975. V. 3. № 2. P. 91-100.
7. Villarreal M.F., Cerquetti D., Caruso S., Schwarcz López Aranguren V., Gerschovich E.R., Frega A.L., Leiguarda R.C. Neural correlates of musical creativity: differences between high and low creative subjects // PLoS One. 2013. V. 8. № 9. P.1-11

ИСТОРИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ

СОЛОНИН ЮРИЙ НИКИФОРОВИЧ

*Атланов Д.Ю., Баранцева В. И., Булгаков А. Б., Булгакова О. С., Буркова С. А.,
Кузьмичева И. В., Магомедкасумова О. Н.*

Мы представляем научно-практический центр «Психосоматическая нормализация», который занимается изучением человека в его многоплановости, включающей все сферы личностной организации, жизнедеятельности и психолого-творческого начала и Международное научное психофизиологическое содружество, которое создано для объединения ученых, изучающих человеческую личность.

И именно здесь нам был необходим философский научный подход, как имеющий возможность объединить разные, далеко друг от друга отстоящие научные отрасли. И только в философском осмыслении интеграции различных знаний о человеке мы увидели возможность получения объективного научно-обоснованного ответа о двойственной природе человека и его адаптации к современной действительности.

Философия – это наука, которая сочетает в себе и научно-теоретическое и ценностно-духовное отношение к миру, которая использует все накопленные человечеством знания. Эта наука есть непрерывный ряд систематических попыток осмысления предельных основ бытия и познания, стремящаяся не зависеть ни от каких догматов. В основе ее лежит логика – универсальный инструмент познания, выявляющий правила мышления в любой области, независимо от ее содержательных особенностей.

Нас особенно привлекало то, что главный предмет изучения этой науки – причинность происходящего в реальной действительности. В основе которой лежит свободный поиск истины. Она стоит над обществом и «парадокс» – это то, что ей интересно. Философия работает не только в сфере реального, но и в сфере возможного, в сфере идеального. То есть занимается поиском и доказательством интегрирующих законов, в основе которых лежит весь спектр оптимального существования человека – и физический и духовный с огромной творческой составляющей, что отличает нас от животных. Так же нам особенно нравилось то, что философия может сама сформировать учение о методе и принять любой метод в работу с четким присмотром за корректностью его применения. Это должно было дать нам возможность создания исследовательских методик, включающих в себя уровни обследования тех параметров, которые принадлежат к абсолютно разным научным дисциплинам. И при завершении эксперимента делать такие выводы, которые изменяют ранее общепринятое видение мира. Нужна была секция «Философия психофизиологической науки» и с таким предложением мы пришли в 2010 году к Юрию Никифоровичу. В бытность свою человеком высокообразованным и не боящимся рассматривать философские вопросы под новым углом он с интересом поддержал и утвердил наше предложение. По нашему мнению, таких людей как Юрий Никифорович Солонин - не заменить, это с возрастом и опытом понимаешь все лучше. Уходит эпоха ученых и организаторов, понимающих, что они делают, монументалистов, способных организовать огромные массивы и данных, и людей в органичное и целевое единство. Специалисты такого формата поднимали и науку, и образование нашей страны на высокий качественный уровень.

Спасибо за знакомство, спасибо за возможность создания секции, спасибо, что жил. Сожалею о потере.

Атланов Дмитрий Юрьевич - философ, ведущий научный сотрудник НПЦ ПСН

Баранцева Валентина Ивановна - врач, научный сотрудник НПЦ ПСН

Булгаков Андрей Борисович - культуролог, вице-президент НПЦ ПСН

Булгакова Ольга Сергеевна - психофизиолог, зав. секцией «Философия психофизиологической науки»

Буркова Светлана Алексеевна - психолог, секретарь НМПФС

Кузьмичева Ирина Валентиновна - биолог, ведущий научный сотрудник НПЦ ПСН

Магомедкаасумова Ольга Ниловна - педагог, научный сотрудник НПЦ ПСН

ИЗУЧАЯ ВОПРОС ИСТОРИИ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

Булгаков А.Б.

Психофизиология сама является достаточно молодой наукой, а в последние годы она стала еще подразделяться на психофизиологию медицинскую, социальную и др. И перед каждой из них стоят свои задачи изучения человеческой личности.

Психофизиология творчества еще более молодая отрасль общей психофизиологии, поэтому история этой науки достаточно скромна и, вероятно, начала писаться сегодня. Общеизвестно, что творчество в своих высших проявлениях это уникальная способность людей и неразрешенная тайна их мозга [15].

Творчество – это создание качественно нового продукта, в этом мы категорически отличаемся от животных и, по учению русских религиозных философов, равны Богу [2, 5, 20]. Исследовательские изыскания в этой области науки о человеке затруднены. Причин несколько: сложность и неоднозначность изучаемого предмета, трудности в организации естественного эксперимента, отсутствие методов исследования.

Но можно сделать закономерный вывод, что весь мир культуры является продуктом человеческого творчества.

И хотя, вероятно, попытки понять как работает наш мозг при создании качественно нового происходили и раньше, только в конце 20 века О. Зельц и Л.С. Выготский стали выделять творческую деятельность как деятельность, при которой человек создает то, что еще никто никогда не видел [16].

Таким образом, только со второй половины 20 в. началось настоящее исследование в области психофизиологии творчества, когда технологические инструментальные возможности обеспечили ученых современными инструментами, позволяющими наблюдать за мозговой активностью, регистрировать ее, анализировать динамику процессов (электроэнцефалографические, ПЭТ, МЯР и др.) [11].

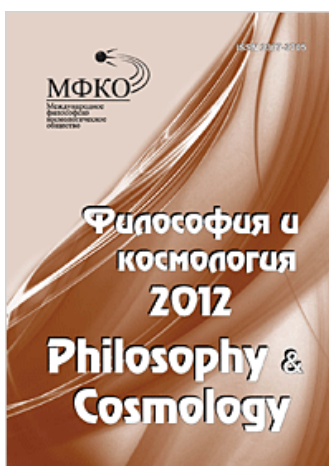
Исследования в области психофизиологии творчества на сегодняшний день привлекают все большее внимание ученых, изучающих человеческую личность.

Позвольте привести здесь далеко не самый полный список публикаций по этой тематике, это необходимо для того, что бы сориентировать сегодняшнего исследователя в происходящем в этом направлении психофизиологии.

1. Антонян К.Г. Трансформация социокультурного института детства в современной культуре // Вестник психофизиологии. 2014. №1. С.12-19.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: АСТ. 2010.
3. Бехтерева Н.П., Медведев С.В., Данько С.Г. Методология исследования нейрофизиологических механизмов творчества: условия, перспективы и внутренние сложности // Физиология человека. 2000. Т. 26. № 5. С. 12-18.
4. Бехтерева Н.П. Магия творчества и психофизиология. Факты, соображения, гипотезы // Когнитивные исследования: сб. науч. тр. Вып. 2 / под ред. В.Д. Соловьева, Т.В. Черниговской. М.: Изд-во Ин-т психологии РАН, 2008. С. 9-61.
5. Булгаков С.Н. О чудесах Евангельских. Париж: YMCA-Press, 1932.
6. Булгакова О.С., Булгаков А.Б. Философия и психофизиология: микстовый механизм разрушения // Актуальные аспекты современной психофизиологии. 2011. С.40-47.
7. Булгакова О.С. Психофизиология – объективизм и субъективизм исследования // Вестник психофизиологии. 2014. №2. С.59-67.

8. Вергунов Е.Г., Николаева Е.И. Оценка психофизиологической стоимости креативности в междисциплинарных исследованиях // Вестник психофизиологии. 2014. №1. С.70-74.
9. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. М.: Просвещение. 1991.
10. Греченко Т.Н. Творчество как результат особого функционального состояния нейронов. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2001.
11. Денисова И.А. Психофизиологический взгляд на творчество. Мозговые корреляты музыкального творчества<http://revolution.allbest.ru/psychology/00267313.html>
12. Дикая Л.А. Современная психофизиология и мозговые механизмы творчества // Рос. психол. журн. М., 2008. Т. 5. № 4. С. 65-70.
13. Дикая Л.А. Психологические и нейрофизиологические механизмы взаимосвязи внимания с творческим процессом // Изв. высш. учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-н/Д, 2009. №2 (150). С. 108-112.
14. Карлсон И. Креативность: личностный, нейробиологический и когнитивный аспекты // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 122-161.
15. Кашапов М.М., Психология творческого мышления профессионала, М., «Пер'сэ» , 2006 г., с. 45-46. <http://vikent.ru/author/911/>
16. Николаева Е.И. Психофизиология. Уч. Для ВУЗов. М.: ПЕРСЭ. 2008.
17. Николаенко Н.Н. Психология творчества: учеб. пособие / под ред. Л.М. Шипициной. СПб.: Речь, 2005. 277 с.
18. Родионов А.Р., Старченко М.Г. Топографические характеристики ЭЭГ при использовании равномерной и импульсной стратегий решения творческих задач актерами и не актерами // Вестник психофизиологии. 2013. №1. С.24-30.
19. Родионов А.Р. Мозг актера. Нейрофизиологические механизмы творческой одаренности // Вестник психофизиологии. 2013. №4. С.59-63.
20. Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Республика. 1996.
21. Чукуров А.Ю. Болезнь как детерминанта творческого процесса // Вестник психофизиологии. 2013. №4. С.53-59.
22. Чукуров А.Ю. Культурная политика и диалог наук // Вестник психофизиологии. 2014. №2. С.15-22.
23. Яшина Л.Г. О творчестве и досуге // Вестник психофизиологии. 2013. №4. С.24-26.
24. Davidson R. J. Affective style and affective disorders: perspectives from affective neuroscience // Cognit. Emot. 1998. Vol. 12. P. 607-660.
25. Martindale C., Armstrong J. The Relationship of creativity to cortical activation and its operant control. J genetic psychology. 1974. 124: P. 611-620.
26. Martindale C., Hines D. Creativity and cortical activation during creative, intellectual and EEG feedback tasks // Biological Psychology. 1975. 6(2): P. 71-80.
27. Molle M., Marshall L., Lutzenberger W. etc. Enhanced dynamic complexity in the human EEG during creative thinking. Neurosci Lett. 1996. 208(1): P. 61-64.
28. Petsche H. Approaches to verbal, visual and musical creativity by EEG coherence analysis // Int. J. Psychophysiol. 1996. Vol. 24. № 1-2. P. 145-159.
29. Carlsson I., Wendt P.E., Risberg J. On the neurobiology of creativity. Differences in frontal activity between high and low creative subjects // Neuropsychol. 2000. Vol. 68. P. 876-875.
30. Jausovec N, Jausovec K. EEG activity during the performance of complex mental problem. Int J Psychophysiology. 2000. 66(1): P. 76-88.

СООБЩЕНИЯ **ОБЪЯВЛЕНИЯ**

ФИЛОСОФИЯ И КОСМОЛОГИЯ

Научный журнал «Образ человека будущего: философия, психология, педагогика» – это проект Международного философско-космологического общества. Основная цель, которую преследуют шеф-редакторы журнала и его редколлегия заключается в рассмотрении и обобщении наиболее эффективных методов воздействия на психику подрастающих поколений с возможностью их дальнейшего использования при формировании образа человека будущего.

Для эффективной работы любой системы образования нужно понимание двух основных составляющих:

1. Видение ориентира в воспитательном воздействии – некоего идеального образа, на достижение которого используется весь потенциал системы образования;
2. Знание и использование методов достижения поставленной цели.

То есть любая система образования должна знать Кого и Как она будет воспитывать в подрастающих поколениях.

Современное общество, перешагнув порог третьего тысячелетия, еще дальше отошло от первых основных критериев, провозглашенных в эпоху Просвещения и заложенных в основу европейской и американской системы образования. Многие из них и до настоящего времени используются государственными системами образования США, Франции, Германии, Италии, России, Украины и др. Уже четвертое столетие каждое новое поколение европейцев и американцев воспитывается на «решающей роли науки и разума в познании «естественного порядка», на «необходимости распространения знания и культуры» и на целом ряде других прописных истинах эпохи Просвещения.

Но окружающий мир эволюционирует, а вместе с ним развивается и совершенствуется человек, общество, ноосфера. Для того, чтобы улавливать новые тенденции в развитии общества, обеспечивать преемственность между поколениями и качественное развитие новых поколений, должна совершенствоваться и сама система образования. Именно поэтому, по мнению организаторов, журнал «Образ человека будущего», как синтез передовых исследований в нейрофилософии, философии образования, психологии и педагогики, будет постоянно актуален и востребован. Научный журнал «Образ человека будущего» — это площадка для масштабного междисциплинарного исследования особенностей современного воздействия социальной среды на структурно и функционально развивающуюся психику новых поколений.

Редколлегия научного журнала «Образ человека будущего: философия, психология, педагогика» надеются на продуктивное сотрудничество со всеми

заинтересованными лицами и организациями в области исследования современных методов воздействия на психику подрастающих поколений. К обсуждению вопросов «Кого и Как воспитывать в подрастающих поколениях» приглашаются специалисты в области нейрофилософии, философии образования, общественные деятели, психологи, специалисты в нейронауках, педагоги, родители. Для того чтобы общество прогрессировало нужно предлагать и обсуждать не только классические методы и программы обучения, но и новые образовательные технологии. Наши дети должны получить самое лучшее в мире образование и только мы в этом можем им помочь.

Philosophy and Cosmology

Philosophy and Cosmology (ISSN 2307-3705) is an open access, peer-reviewed and refereed journal that focuses on theoretical and conceptual problems and issues in philosophical and cosmological research. **Philosophy and Cosmology** is published by [International Society of Philosophy and Cosmology](#). The objective of **Philosophy and Cosmology** is to promote exchange and collaboration among philosophers, social, technical and natural science researchers throughout the world. In pursuit of this objective the journal not only publishes high quality research papers but also ensures that the published papers achieve broad international credibility. **Philosophy and Cosmology** publishes original papers, review papers, conceptual frameworks, analytical and simulation models, case studies, empirical research, and book reviews. The Journal **Philosophy and Cosmology** (ISSN 2307-3705) is abstracted and indexed in the following international databases: Ulrich's Periodicals Directory, Russian Science Citation Index, Science Index , ResearchBib .

Philosophy and Cosmology is inviting contributions for upcoming issues. Please submit complete articles to bazaluk@ispcjournal.org
Suggested topics include but are not limited to:

- social philosophy,
- philosophic anthropology,
- philosophy of cognition,
- philosophy of science and technology,
- philosophy of religion,
- philosophy of Space,
- cosmic education,
- futurology,
- cosmology,
- philosophy of cosmology.

Submission Deadlines

Submissions are accepted at all times.

For more information, please, visit our web site <http://ispcjournal.org/en/index.html>

Scientific journal Future Human Image is a project of the International Society of Philosophy and Cosmology. The main aim which is pursued by editors-in-chief of the journal and its editorial board consists in consideration and generalization of the most effective methods of impact on mentality of younger generations with possibility of their further use when forming a future human image.

It is necessary to understand two major components for efficient operation of any educational system:

1. Vision of the aim of the educational impact that is some ideal image, to achieve it using the full potential of the educational system.
2. Knowledge and usage of methods that allow achieving the aims.

That is, any educational system needs to foreknow whom and how to educate in younger generation.

Modern society, having stepped over a threshold of the third millennium, departed further from the first main criteria proclaimed during the Age of Enlightenment and put in a basis of the European and American education system. Many of them are used so far by the state education systems of the USA, France, Germany, Italy, Russia, Ukraine, etc. The fourth century each new generation of Europeans and Americans is brought up on “a crucial role of science and mentality incognition of “a natural order”, on “need of distribution of knowledge and culture” and on a number other common truths of the Age of Enlightenment. But the world around us is evolving, mankind, society, noosphere are developing.

In order to catch new tendencies in the development of the society, to provide continuity between generation and high-quality development of new generations, it has to be improved the education system.

So, in organizer’s judgment, the journal Future Human Image as synthesis of the advanced researches in neurophilosophy, philosophy of education, psychology and pedagogy, will be constantly actual and demanded. The scientific journal Future Human Image is a platform for large-scale interdisciplinary research of features of modern influence of the social environment on structurally and functionally developing mentality of new generations.

Editorial board of the scientific journal Future Human Image hope for productive cooperation with all interested persons and the organizations in the field of research of modern methods of impact on mentality of younger generations. To discussion of the questions “Whom and How to Bring Up in Younger Generations” experts in the field of neurophilosophy, education philosophies, public figures, psychologists, experts in neurosciences, teachers, parents are invited. In order that society progressed it is necessary to offer and discuss not only classical methods and training programs, but also new educational technologies. Our children have to get the education best in the world and only we can help with it to them.

Уважаемые коллеги!

Напоминаем, на сегодняшний день мы представлены на пространствах Интернет группой в социальной сети «ВКонтакте» и сайтом!

Добро пожаловать с вашими новостями, пожеланиями, комментариями и советами!

<https://vk.com/public57776498>

<http://www.psyphysjorn.ru/>

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

ЧЛЕНСТВО

Предлагаем сотрудничество в **Международном Научном Психофизиологическом Содружестве (МНПФС)**, необходимость в котором уже назрела. Оно создано для облегчения связи ученых и специалистов, работающих в разных областях психофизиологической науки.

Эта структура обозначит формирование единого психофизиологического научного пространства, тех дисциплин и направлений современных исследований, которые позволят всесторонне изучить феномен, появившийся на планете – человека.

Сотрудничество в содружестве бесплатное, добровольное. Обязательным условием является при публикации своих научных материалов открытые данные для контакта.

Журналы и сборники научных трудов конференции будут в открытом доступе на сайте научно-практического центра «Психосоматической нормализации», который является инициатором образования и координатором деятельности Международного Научного Психофизиологического содружества.

Разделы психофизиологии.

Психологическая психофизиология – это наука, в основе которой лежит изучение психологических характеристик и поведенческой адаптивной реакции на стимулы окружающего мира, которые опосредованы состоянием высших психических функций.

Физиологическая психофизиология – изучает закономерности психического реагирования и поведения, зависящие от состояния физиологических параметров, скорости течения физиологических реакций центральной и периферическом нервных систем и всей сомы в целом – клеточный, тканевой и системный уровни.

Медицинская психофизиология – рассматривает дисфункции и заболевания, связанные с адаптационными процессами в организме. Специфика этого направления определена тем, что адаптационный срыв может быть как психологически, так и физиологически первичен. Понимание механизмов возникновения дезадаптации, обратимость патологического процесса дает возможность предложить новые способы нормализации, которые могут быть более эффективными, чем существующие.

Педагогическая психофизиология – изучает закономерности и условия эффективной передачи знаний, умений и навыков с учетом психологических и физиологических характеристик обучающихся, экологической обстановки и экономического прессинга.

Социальная психофизиология – исследует процессы и состояния успешной или неуспешной социализации личности через ее индивидуальные адаптационные психологические и физиологические характеристики.

Философская психофизиология – рассматривает всю совокупность отношений между человеком и миром в контексте их психофизиологических проявлений; взаимосвязь телесных психических и духовных начал; законы, общие для всех уровней психофизического и духовного проявления человека в мире.

Психофизиология творчества – изучает работу центральной нервной системы, от которой зависит способность человека качественно, всерхадапционно менять окружающий мир.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

1. При ФГБОУ ВПО «Челябинский Государственный Педагогический Университет» действует диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций Д212.295.03: специальности 03.03.01 «физиология»; 19.00.02 «психофизиология».

Ведется прием в аспирантуру и докторантуру. Приглашаем к сотрудничеству.

Председатель диссертационного совета – д.б.н., профессор Дарья Захаровна Шибкова, e-mail: shibkova2006@mail.ru.

2. **Психологическая газета** (сайт: www.psy.su) предоставляет возможность публикаций и знакомства с различного рода информацией по психологическим исследовательским направлениям.

Главный редактор «Психологической газеты» Анна Григорьевна Каганер, тел. (812)320-71-54, e-mail: pg@psy.su.

3. Предлагаем **опыт проведения «Психофизиологических встреч»** распространить среди профильных ученых и специалистов в России и за рубежом.

4. **Приглашаем к сотрудничеству*** в области научных исследований ученых и специалистов (врачей, педагогов, психологов, физиологов, социологов, культурологов). Области исследований – разные направления психофизиологии.

НПЦ ПСН предлагает:

- а) поддержку авторских научно-исследовательских программ;
- б) разработку инновационных научно-исследовательских программ и методик;
- в) помощь в проведении исследования;
- в) участие и публикацию в профильных международных научных конференциях;
- г) публикацию статей в научном журнале;
- д) рецензирование статей;
- е) подготовку пакета документов для публикации в научных журналах из списка ВАК;
- ж) публикацию монографии (полностью вся подготовка от макета до типографии или частичная помощь по требованию).

** – работа ведется индивидуально, проводится первичное собеседование и квалифицированный отбор претендентов. Сотрудничество проводится по «Договору о сотрудничестве». Финансовые условия зависят от уровня авторской подготовки проекта и степени участия в нем специалистов НПЦ ПСН.*

5. Журнал Neuroscience & Medicine (Нейронаука и Медицина)

Журнал *Neuroscience & Medicine* является рецензируемым международным периодическим изданием, публикующим на своих страницах статьи, обзоры и короткие сообщения на английском языке о новейших достижениях в области Нейронауки и смежных дисциплин.

Главный редактор: профессор Томас Мюллер, Германия (Prof. Thomas Müller, St. Joseph Hospital Berlin-Weißensee, Germany)

Сайт Журнала *Neuroscience & Medicine*: <http://www.scirp.org/journal/nm>

Импакт-фактор Журнала *Neuroscience & Medicine* - 0,41 (ISI Web of Knowledge).

В журнале публикуются статьи по следующим темам:

- Болезнь Альцгеймера (Alzheimer's Disease)
- Автономная нервная система (Autonomic Nervous System)
- Биологическая психология (Biological Psychology)
- Клеточная пролиферация (Cell Proliferation)
- Половой диморфизм и поведение (Dimorphic Sexual-Behavior)
- Воздействие лекарств/алкоголя (Drug/Alcohol Effects)
- Хеббовское обучение (Hebbian Learning)
- Взаимодействия гипоталамус-гипофиз–гонады (Hypothalamic-Pituitary-Gonadal Axis)
- Потеря памяти (Memory Loss)
- Нейробиология (Neurobiology)
- Нейроцитология (Neurocytology)
- Нейроэндокринология (Neuroendocrinology)
- Нейроиммунология (Neuroimmunology)
- Воспалительные процессы в нервной системе, гибель нейронов, нейродегенерация (Neuroinflammation, neuronal cell death, neurodegeneration)
- Неврология (Neurology)
- Нейрохирургия (Neurosurgery)
- Нейромедиаторы (Neurotransmitters)
- Организационные / активационные действия гормонов (Organizational/Activational Effects of Hormones)
- Болезнь Паркинсона (Parkinson's Disease)
- Физиологическая психология (Physiological Psychology)
- Белковый транспорт (Protein Trafficking)
- Обработка сенсорных сигналов (Sensory Processing)
- Нейросоциология (Social Neuroscience)
- Убиквитин протеасомный метаболический путь (Ubiquitin/proteasome pathway)
- Потенциал-зависимые ионные каналы (Voltage-Gated Ion Channels)

На рассмотрение принимаются статьи и по другим тематикам.

6. **Санкт-Петербургский институт психологии и акмеологии** на протяжении 19 лет является одним из лучших профильных учебных заведений Петербурга. Выпускники института получают диплом бакалавра психологии государственного образца. Последние несколько лет в институте успешно реализуются дистанционные программы получения как первого, так и второго высшего образования, а также программы повышения квалификации с выдачей удостоверения установленного образца. Для студентов данной формы обучения создана возможность круглогодичного поступления.

Предыдущее образование	Срок обучения по направлению «Психология»
Законченное высшее	3 года 10 месяцев
Среднее-специальное	5 лет* *при успешном обучении может быть рассмотрен вариант перехода на ускоренную форму обучения

Akme.edu.ru +7 (812) 380-83-87

НОВОСТИ

1.

В рамках Дней философии в Санкт-Петербурге – 2014

(Более подробную информацию о Днях философии в Санкт-Петербурге вы можете получить на сайте Санкт-Петербургского философского общества (www.spho.ru) и Философского факультета СПбГУ (www.philosophy.spbu.ru))

Приглашаем Вас принять участие в круглом столе «ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ СОЦИО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ЭРМИТАЖА», который состоится 20 ноября 2014 г., 17.00 в Санкт-Петербургском институте экономики, культуры и делового администрирования на Турбинной ул.,7.

В программе мероприятия:

1. Доклад вице-президента Научно-практического центра «Психосоматическая нормализация», культуролога, сотрудника Государственного Эрмитажа Булгакова Андрея Борисовича «ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ СОЦИО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ЭРМИТАЖА»
2. Сообщение специального гостя круглого стола господина Примина Владимира Ильича (Магдебургский университет им. Отто фон Герике, Германия) на тему «МЕНТОЛИНГВИСТИКА».

Руководитель – зав. секцией «Философия психологической науки», президент Научно-практического центра «Психосоматическая нормализация» профессор Булгакова Ольга Сергеевна

Секретарь – ученый секретарь НПЦ ПСН и Международного научного психофизиологического содружества доцент, кандидат психологических наук Буркова Светлана Алексеевна

Контакты оргкомитета: prpcsn@gmail.com
Мобильный телефон контактного лица +7 904 601 70 95

**Отчет о психофизиологических встречах в Санкт-Петербурге
22 октября 2014 года, Дом ученых РАН.**

Воробьев В.М.	физиолог	Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского
Яшина Л.Г.	педагог	Институт экономики, культуры и делового администрирования
Столярова Т.В.	культуролог	000 «Дизайн»
Лысова А.В.	психолог	Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Гусева Е.А.	инженер	ОАО «Син.маш»
Примин В.И.	инженер	Магдебургский университет им. Отто фон Герике
Осаченко П.С.	психолог	Санкт-Петербургский институт психологии и акмеологии
Курилова Т.П.	педагог	ГДОУ-16 Пушкинского района Санкт-Петербурга
Братчикова А.А.		Научно-практический центр «Психосоматическая нормализация»
Танина М.Д.	врач	Северо-западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
Алибеков Э.Р.	врач	Северо-западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
Софьянц А.Д.	врач	Северо-западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
Власкина К.О.	врач	Северо-западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
Гора Д.А.	врач	Северо-западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
Образцов Н.Д.	психолог	Балтийский гуманитарный институт
Тимушкова Т.Г.	педагог	ГБПОУ СПб Малоохтинский колледж
Чернышев С.В.	физиолог	Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского
Кузьмичева И.В.	физиолог	Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского
Плюскина Е.М.	психолог	ЧОУ институт психологии «Иматон»
Кайвистолайнен Е.В.	психолог	Санкт-Петербургский институт психологии и акмеологии
Калинина А.С.	врач	Северо-западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
Ващенко Н.В.	врач	Северо-западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
Звонарева Т.Ю.	психолог	Балтийский гуманитарный институт
Горбачева М.В.	физиолог	ФИН им. И.П. Павлова РАН
Чернышева М.П.	физиолог	Санкт-Петербургский государственный университет
Булгакова О.С.	психофизиолог	Научно-практический центр «Психосоматическая нормализация»
Буркова С.А.	психофизиолог	Международное научное психофизиологическое содружество
Шиманский А.	-	-

Открывает встречу Буркова С.А.

Добрый день уважаемые коллеги, гости нашего очередного заседания в рамках проекта «Психофизиологические встречи в Санкт-Петербурге», организованного Научно-практическим центром «Психосоматическая нормализация» и Международным психофизиологическим содружеством. Мы рады вас приветствовать в гостеприимном зале Дома ученых РАН, и надеемся, что наша встреча обязательно пройдет в теплой атмосфере обсуждения и обмена мнениями.

Сегодня мы пригласили всех вас на обсуждение интереснейшей темы о факторе времени внутренней среды организма человека. И слово для доклада предоставляется доктору биологических наук, профессору СПбГУ **Чернышевой Марине Павловне**, которая уточнит название своего доклада, подготовленного для нашей встречи.

Доклад.

«Биологическое время. Восприятие времени мозгом»

Известно, что организм человека, как и другие биосистемы, в термодинамическом аспекте является открытой неустойчивой термодинамической системой, обменивающейся с окружающей средой материей, энергией, информацией и, добавим, временем. Для реализации такого обмена организм должен сам производить материю, энергию, информацию и время, что и происходит. Например, клетки синтезируют белки и другие биомолекулы, делятся, формируют ткани и органы, что соответствует «производству *материи*». Часть выделяемой при пищеварении, сокращении мышц, электрогенезе в нервных клетках *энергии* превращается в тепловую и излучается в пространство. Работа внутренних органов, мышц, протоков, сосудов и т.п. активирует соответствующие рецепторы, порождая одновременно *информацию и время* (как часть электро-хемо-частотного кода информации). Существование соответствующих сенсоров необходимо для анализа внутренней среды и подстройки (адаптации) к внешней. Известные типы интеро- и экстерорецепторов легко представить как сенсоры воздействий определенной энергетической природы (световой, механической, химической, гравитационной), передающие в нервные центры информацию о воздействии, в кодировании которой принимает участие и время. Последнее отражено во временных параметрах фаз рецепторного потенциала, потенциала действия и следовых процессов, а также частотного паттерна их следования, обуславливающего специфику комплекса медиаторов и ко-медиаторов, выделяемых пре- и постсинаптическими нейронами, облегчение или торможение синаптической передачи. Однако последние исследования ряда авторов показали, что у человека время может восприниматься двояко: как временная структура сенсорной информации и как амодальное (несенсорное) восприятие времени. Первый механизм обеспечивается нервными сетями и нейронами полисенсорных зон теменной и височной коры, а нейроны времени (“Time-neurons”) описаны в ассоциативных ядрах таламуса и зонах лобной коры. В головном мозге человека могут транзиторно образовываться «Time-сети» в виде локальных кругов реверберации возбуждения между нейронами, например, полосатого тела и неокортекса. Они соответствуют появлению в ЭЭГ спящего человека так называемых сонных веретен и могут, следовательно, быть маркерами времени определенной стадии сна.

Временные процессы разных уровней и степени сложности характеризуют разные диапазоны длительности, скорости, латентности и плотности. На клеточном уровне почти все клетки организма, в том числе и нервные, имеют молекулярные осцилляторы, постоянно или транзиторно генерирующие временные процессы в диапазоне от долей мсек до суточных и сезонных ритмов. Некоторые из таких осцилляторов (например, clock-белки) могут выполнять и функцию сенсора времени и, как транскрипционные факторы, запускать временные процессы, образующие в совокупности эндогенное время организма.

Буркова С.А. Огромное спасибо Марине Павловне за интересный доклад. Предлагаю начать обсуждение и прошу аудиторию задавать свои вопросы и высказывать свои предложения.

Шиманский А.: Марина Павловна, уточните, пожалуйста, следующий момент – есть ли различия во внутреннем времени у различных наций?

М.П.: да, конечно такие различия есть, и связаны они могут быть с различными факторами, в том числе и с особенностями климата в зоне проживания.

Шиманский А.: а что Вы скажите о таких различиях у современников и представителей более раннего времени?

М.П.: Здесь также различия будут, и связано это, в том числе, с разными стереотипами (далее М.П. раскрыла данное понятие).

Кузьмичева И.В.: Марина Павловна, а раскройте, пожалуйста, связь между латеральностью и субъективным временем.

М.П.: При определении данной связи необходимо учитывать множество особенностей, таких как ведущая сенсорная система, симпатотония или паросимпатотония... Так, например, у кинестетиков обычно время определяется более точно.

Булгакова О.С.: Марина Павловна, огромное спасибо за доклад. Подскажите, есть ли данные об особенностях восприятия времени при различных травмах?

М.П.: Да, такие данные существуют. Примером может служить случай с нарушением правого гиппокампа, приводимый Симоновым П.В. в его работах.

Воробьев В.М.: Спасибо за интересное представление темы. Мне бы хотелось добавить к рассмотрению данной темы времени еще такой момент как феномен личного пространственного времени. Мне кажется, что рассмотрение данной темы требует учета еще такого понятия как «ментальное» время, усвоенное из социума – что сразу дает новое понимание ответа на вопрос о восприятии времени людьми различных культурных и исторических сред.

М.П.: Да, конечно, понятие времени очень многомерно, и я сегодня в своем докладе коснулась только одной их сторон этого феномена – физиологической.

Буркова С.А.: Спасибо за вопросы нашей аудитории и ответы Марине Павловне – у нас получилось действительно живое обсуждение.

Но у нас есть специальный гость, который приехал к нам, чтобы представить еще один интересный вопрос для обсуждения. Предоставляю слово Примину Владимиру Ильичу.

Примин В.И.: Спасибо за возможность обсудить вопрос, интересующий меня уже достаточно долгое время и представить свою идею «языка как феномена» такой почтенной публике – психологам и психофизиологам. В своей работе я рассматриваю закономерности зарождения слов в различных языках и получил множество интересных фактов. (Далее В.И. предложил краткое объяснение данного вопроса).

Буркова С.А.:

Владимир Ильич, очевидно, что тема вашего краткого сообщения заинтересовала собравшихся, и мы обязательно соберемся еще раз, чтобы Вы смогли представить свои идеи более подробно. Еще раз спасибо за то, что вы к нам пришли сегодня.

Спасибо всем, кто сегодня пришел на нашу «Встречу», которая подошла к концу. Еще раз напоминаю о том, что целью наших мероприятий является, в том числе, формирование научного сообщества и поддержание научных связей внутри него – общайтесь и обменивайтесь идеями, а мы рады вам в этом помогать.

*При свободном общении после закрытия психофизиологических встреч высказали свои мнения практикующие педагоги **Курилова Т.П.** и **Тимушкова Г.В.** По их словам встреча прошла на высоком организационном уровне и особая благодарность организаторам за привлечение молодых людей – физиологов, врачей и психологов, находящихся еще в начальном периоде своего профессионального становления.*

ФОТООТЧЕТ

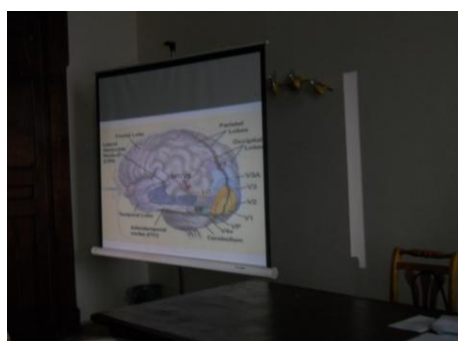
Чернышева Марина Павловна

Буркова Светлана Алексеевна

Моменты встречи

Момент доклада Чернышевой М.П.

*Чернышева М.П. и
Буркова С.А.*

Воробьев Владимир Михайлович

Моменты встречи

Кузьмичева Ирина Валентиновна

Примин Владимир Ильич

Моменты встречи

Контакты присутствующих на психофизиологических встречах можно узнать по prsrsp@gmail.com

КОНФЕРЕНЦИИ

1. Очная Международная научная конференция «Актуальные аспекты современной психофизиологии» 22 августа ежегодно.

В связи с тем, что затруднены научные контакты ученых и специалистов, научно-практический центр «Психосоматическая нормализация» предлагает опубликовать научные исследования и практические разработки в разных областях психофизиологии, а так же подать о себе открытую контактную информацию, и, таким образом, принять участие в Международной научной конференции «Актуальные аспекты современной психофизиологии».

Ваша публикация облегчит возможность познакомиться и начать или общаться или работать с учеными или практикующими специалистами в родственных областях психофизиологической науки. Основной задачей проведения ежегодной конференции является необходимость знания самых новых достижений в различных областях психофизиологической науки. Именно информация о последних разработках и достижениях даст нам возможность идти в своих исследованиях дальше и не повторяться.

В сборнике научных трудов будут освещаться вопросы, связанные с
психологическими аспектами современной психофизиологии;
физиологическими аспектами современной психофизиологии;
медицинскими аспектами современной психофизиологии;
педагогическими аспектами современной психофизиологии;
социальными аспектами современной психофизиологии;
философскими аспектами современной психофизиологии;
психофизиологии творческой деятельности.

Изучение человека в его многоплановости – вот задача современной психофизиологии, науки, занимающейся изучением адаптационных механизмов защиты человеческого организма от воздействий окружающих экономической, социальной и эколого-антропогенной сред.

Тексты для публикаций принимаются до 30 июня.

Организаторы конференции оставляют за собой право на редактирование статей и сообщений, а так же право отказать в публикации, если тема не соответствует заявленной тематике конференции.

Требования к оформлению: формат текста: Word for Windows. Формат страницы: А4 (210×297 мм). Все поля по 20 мм. Шрифт: размер (кегель) 12; тип Times New Roman. Междустрочный интервал одинарный. Отступ первой строки 1,27. Объем статьи – до 3 страниц. Название статьи печатается по центру прописными буквами, полужирным шрифтом. Ниже строчными буквами с выравниванием по правому краю следуют инициалы и фамилия автора (курсив, полужирный шрифт). На следующей строке страна и город (курсив, полужирный шрифт), учреждение, **контактные данные**. Далее через интервал с выравниванием по ширине следует аннотация на английском языке (до 200 знаков) и еще раз через интервал текст статьи, в котором не допускаются рисунки или схемы. Допускаются таблицы (шрифт 11). После текста статьи может быть список литературы. Ссылки на литературные источники внутритекстовые, например, [6] или [6, с. 3].

Рабочие языки конференции – русский, английский.

Документы принимаются по электронной почте NP-NPC-PCN2008@yandex.ru или npcpcn@gmail.com

При получении материалов для опубликования и заявки на участие в течение четырех рабочих дней организационным комитетом конференции высылается подтверждение о получении и принятии работы. После чего необходимо выслать сканированную копию квитанции об оплате.

Финансовые условия.

Стоимость участия в конференции 800 рублей, для зарубежных ученых и специалистов 1600 рублей. Оплата вносится перечислением на расчетный счет с пометкой: ФИО, для участия в конференции.

Получатель ИНН 7811470923 КПП781101001 ООО Научно-практический центр «Психосоматическая нормализация»	Сч. №	40702810601008300116
Банк получателя ОАО «Рускобанк» г.Всеволожск ИНН 7834000138	БИК	044106725
	Сч. №	30101810200000000725

2. Элитарная Международная научная конференция «Психофизиология XXI в.» март ежегодно

ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ПСИХОФИЗИОЛОГИИ»

В конференции могут принимать участие только доктора наук и кандидаты наук, работающие в различных областях психофизиологии.

Это условие связано с тем, что б можно было начать формировать высокопрофессиональное научное сообщество, куда всегда открыт доступ при переходе на определенный социальный научный уровень. Участие в этой конференции должно стать достаточно почетным и знаковым показателем достижения высокого профессионального статуса.

Тексты для публикаций принимаются до 30 марта. Условия те же (см. выше)

Стоимость участия в конференции 800 рублей, для зарубежных ученых и специалистов 1600 рублей. Оплата вносится перечислением на расчетный счет с пометкой: ФИО, для участия в конференции.

Получатель ИНН 7811470923 КПП781101001 ООО Научно-практический центр «Психосоматическая нормализация»	Сч. №	40702810601008300116
Банк получателя ОАО «Рускобанк» г.Всеволожск ИНН 7834000138	БИК	044106725
	Сч. №	30101810200000000725

3.

Электронная научная конференция «Психофизиология сегодня: философия, психология, физиология, медицина». По вопросам участия обращаться на сайт Российской академии естествознания www.rae.ru.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В научном журнале «Вестник психофизиологии» публикуются обзоры, статьи, краткие сообщения проблемного и прикладного характера, соответствующие научным направлениям: психологические аспекты современной психофизиологии; физиологические аспекты современной психофизиологии; медицинские аспекты современной психофизиологии; педагогические аспекты современной психофизиологии; социальные аспекты современной психофизиологии; философские аспекты современной психофизиологии; аспекты психофизиологии творчества.

При написании и оформлении статей для печати редакция журнала просит придерживаться следующих правил:

1. В структуру статьи должны входить: введение, цель и задачи исследования, материал и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, выводы или заключение, список литературы.
2. К статье прилагается 1 рецензия доктора наук, заверенная печатью учреждения, где выполнялась работа, или рецензировать статью могут члены редакционной коллегии «Вестника психофизиологии». Стоимость рецензирования 2000 (две тысячи) рублей. Члены редакционной коллегии от оплаты рецензирования освобождены. Для кратких сообщений рецензия не нужна.
3. К статье прилагается направление из учреждения, где проводилась или рецензировалась исследовательская работа.
4. Экспертное заключение составляет экспертный совет научно-практического центра «Психосоматическая нормализация».
5. При предъявлении рукописи необходимо сообщать индексы статьи (УДК) по таблицам Универсальной десятичной классификации, имеющейся в библиотеках.
6. Word for Windows. Формат страницы: А4 (210×297 мм). Все поля по 20 мм. Шрифт: размер (кегель) 12; тип Times New Roman. Междустрочный интервал одинарный. Отступ первой строки 1,27.
7. На русском и английском языках: Название статьи печатается по центру прописными буквами, полужирным шрифтом. Ниже строчными буквами с выравниванием по правому краю следуют инициалы и фамилия автора (курсив, полужирный шрифт). На следующей строке страна и город (курсив, полужирный шрифт), учреждение, контактные данные. Далее через интервал с выравниванием по ширине следует текст статьи на основном языке (русском или английском).

8. К рукописи должны быть приложены два резюме на русском и английском языках (250 слов) – введение, материалы, методы, результаты, выводы.
9. Ключевые слова на русском и английском языках.
10. Таблицы должны содержать только необходимые данные и представлять собой обобщенные и статистически обработанные материалы.
11. Количество графического материала должно быть минимальным. Каждый рисунок должен иметь подпись (под рисунком), в которой дается объяснение всех его элементов. Каждый рисунок вставляется в текст как объект Microsoft Office Excel. Для построения графиков и диаграмм следует использовать программу Microsoft Office Excel.
12. Библиографические ссылки в тексте статьи следует давать в квадратных скобках в соответствии с нумерацией в списке литературы. Список литературы для статей не более 25 источников, для обзорных статей до 120 источников, для кратких сообщений не более 7 источников. Список литературы составляется в алфавитном порядке – сначала отечественные, затем зарубежные авторы и оформляется в соответствии с действующим ГОСТом.
13. Самоцитирование составляет не более 25% источников.
14. Объем статьи не должен превышать 6 страниц А4 формата, включая таблицы, схемы, рисунки и список литературы.
15. Объем краткого сообщения не должен превышать 2 страниц А4 формата, исключая таблицы, схемы, рисунки.
16. Редакция оставляет за собой право на сокращение и редактирование статей и кратких сообщений.
17. Рукописи статей, оформленные не по правилам, не рассматриваются. Присланные рукописи обратно не возвращаются.
18. Не допускается направление в редакцию работ, которые посланы в другие издания или напечатаны в них.
19. К рукописи должна быть приложена заявка. Обязательное указание мест работы всех авторов, их должностей и контактной информации.
20. Сроки подачи материалов в номера журнала. В №1 – до 15 марта, в №2 – до 15 июня, в №3 – до 15 октября, в №4 – до 15 декабря.
21. Сроком поступления статьи в редакцию определить дату ответа редакции о получении статьи, датой утверждения окончательной версии статьи определить уведомление об утверждении публикации.

Документы принимаются по электронной почте NP-NPC-PCN2008@yandex.ru или npcpcn@gmail.com
 При получении материалов для опубликования и заявки на участие в течение пяти рабочих дней редакцией высылается подтверждение о получении и принятии работы. Публикация для ученых, аспирантов и студентов с 2013 года становится бесплатной. Копию документа об оплате вместе с подписной карточкой необходимо выслать по E-mail: npcpcn@gmail.com
 Публикация для ученых, аспирантов и студентов с 2013 года становится бесплатной.

Подписка на журнал «Вестник психофизиологии» проводится через издательство.

На 6 месяцев	На 12 месяцев
320 рублей (2 номера)	640 рублей (4 номера)

Копию документа об оплате вместе с подписной карточкой необходимо выслать по E-mail: npcpcn@gmail.com

Подписная карточка	
Ф.И.О. получателя (полностью)	
Адрес для высылки заказной корреспонденции (обязательно указать индекс)	
Название журнала (указать номер и год)	
Телефон (указать код города), факс, e-mail	

Назначение платежа: «Издательские услуги». Оплата через сбербанк.

Контакты редакции: E-mail: npcpcn@gmail.com Факс (812) 4465000 +7 904 601 70 95

Получатель ИНН 7811470923 КПП781101001 ООО Научно-практический центр «Психосоматическая нормализация»	Сч. №	40702810601008300116
	БИК	044106725
Банк получателя ОАО «Рускобанк» г.Всеволожск ИНН 7834000138	Сч. №	30101810200000000725

Наши авторы

Булгаков Андрей Борисович	культуролог, сотрудник Государственного Эрмитажа, вице-президент Научно-практического центра «Психосоматическая нормализация»
Антонян Карина Георгиевна	кандидат культурологии, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена
Баркова Алина Рафаэлевна	магистрант СПб государственного университета путей сообщения им. императора Александра I
Барышева Тамара Александровна	доктор психологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена
Бойцова Юлия Александровна	кандидат биологических наук, научный сотрудник Института мозга человека им. Н.П. Бехтеревой РАН
Вергунов Евгений Геннадьевич	кандидат психологических наук научный сотрудник ФГБУ «Научно-исследовательский институт физиологии и фундаментальной медицины» СО РАМН
Курилова Тамара Валерьевна	сотрудник ГДОУ-16 Пушкинского района Санкт-Петербурга
Изотова Маргарита Хаджумаровна	старший преподаватель Института специальной педагогики и психологии им. Р. Валленберга
Лобанова Юлия Владимировна	кандидат культурологии, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена
Николаева Елена Ивановна Новикова Наталья Павловна	доктор биологических наук, профессор ПГУПС студентка IV курса бакалавриата Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
Соловьев Сергей Алексеевич	сотрудник Института специальной педагогики и психологии им. Р. Валленберга
Слуцкая Елена Алексеевна	старший преподаватель Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
Старченко Мария Григорьевна	кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института мозга человека им. Н.П. Бехтеревой РАН
Родионов Андрей Рудольфович	биолог, сотрудник Научно-практического центра «Психосоматическая нормализация»
Тимушкова Галина Владимировна	преподаватель высшей квалификационной категории ГБОУ СПб Малоохтинский колледж
Цымбал Антонина Владимировна	кандидат психологических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета
Чернышева Марина Павловна	доктор биологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета
Чукуров Андрей Юрьевич	кандидат культурологии, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена
Шестакова Ксения Николаевна	психолог, сотрудник Научно-практического центра «Психосоматическая нормализация»

«Вестник психофизиологии»

Научный журнал

№3 2014 г.

Макет – Буркова С.А.
Компьютерная верстка – Булгаков А.Б.

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

Формат 70x108/60. Гарнитура Таймс. Печать цифровая.
Усл.-печ. листов 8,1 Уч.-изд. листов 8,1
Тираж 300. Заказ №031

ISSN 2227-6157

Издательство ООО «НПЦ ПСН»
192019, наб. Обводного канала, 28, лит. А.
Тел: +7 (904) 601 70 95
факс: (812)4465000

NP-NPC-PCN2008@yandex.ru

www.npcpcn.ucoz.ru

www.psyphysjorn.ru

Типография ООО «АЙСИНГ»
Информационно-издательский центр «ФАРМ-индекс»
199106, Санкт-Петербург, Средний пр., 99/18 лит.А
тел/факс (812) 327-05-12, Интернет: www.icing.ru
Тираж 300 экз. Заказ №...

